

POLISH SCIENCE JOURNAL

INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL

Issue 4(13)
Part 3

POLISH SCIENCE JOURNAL

ISSUE 4(13)
Part 3

INTERNATIONAL SCIENCE JOURNAL

WARSAW, POLAND
Wydawnictwo Naukowe "iScience"
2019

ISBN 978-83-949403-4-8

POLISH SCIENCE JOURNAL (ISSUE 13, 2019) - Warsaw: Sp. z o. o. "iScience", 2019. Part 3 - 109 p.

Languages of publication: українська, русский, english, polski, беларуская, казахша, o'zbek, limba română, кыргыз тили, ჯუღრეუ

Science journal are recommended for scientists and teachers in higher education establishments. They can be used in education, including the process of post-graduate teaching, preparation for obtain bachelors' and masters' degrees. The review of all articles was accomplished by experts, materials are according to authors copyright. The authors are responsible for content, researches results and errors.

ISBN 978-83-949403-4-8

© Sp. z o. o. "iScience", 2019
© Authors, 2019

TABLE OF CONTENTS

SECTION: PHILOLOGY AND LINGUISTICS

Muxammadova Maxbuba Mo'minovna (Bukhara, Uzbekistan) ABOUT THE ANCIENT CITY OF BUKHARA IN NARSHAHÍ'S BOOK "BUXORO TARIXI" AND NISARI' S BOOK "MUZAKKIRI AHBOB".....	5
Muxammadiyeva Nigina Maxmudovna (Bukhara, Uzbekistan) MORPHOLOGICAL PECULIARITIES OF SHAKESPEARE'S LANGUAGE	8
Ochilova Nigora Usupovna (Bukhara, Uzbekistan) ROLE OF COMPUTER TECHNOLOGIES IN MODERN FOREIGN LANGUAGE TEACHING.....	11
Temirova Djamila Hasanovna (Bukhara, Uzbekistan) СПЕЦИФИКА СТИЛЕВОГО РЕПЕРТУАРА В. В. НАБОКОВА.....	15
Абдуллаева Лола Садуллаевна (Бухара, Узбекистан) ТЕКСТОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВРЕМЕННОГО ДЕЙСТВИЯ (на материале немецкого языка).....	19
Ачиллов Музаффар Норкулиевич (Бухара, Узбекистан) ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА.....	22
Ачиллов Музаффар Норкулиевич (Бухара, Узбекистан) СУФФИКСАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ГЛАГОЛОВ И НАРЕЧИЙ.....	25
Бокарева М. А. (Бухара, Узбекистан) ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНТЕРТЕКСТА В ДИСКУРСЕ РОМАНА Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ».....	28
Джураева З. Р. (Бухара, Узбекистан) ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	34
Джураева З. Р. (Бухара, Узбекистан) СТИЛИСТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В МОРФОЛОГИЧЕСКОМ КЛАСТЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА.....	38
Жаббарова Малохат Хошимовна (Бухара, Узбекистан) ПРИЁМЫ НОМИНАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. М. ШУКШИНА.....	43
Назарова Гулшод Ходжиевна (Бухара, Узбекистан) INGLIZ TILI PREDLOGLARI VA ULARNING O'ZBEK TILIDAGI MUQOBIL VARIANTLARI, ULARNING QULLANISHI.....	46
Таирова М. Х. (Бухара, Узбекистан) О НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. КАМЮ ПОСТОРОННИЙ. ЧУМА. БРАКОСОЧЕТАНИЕ В ТИПАСА.....	50
Шукурова Нигора Шавкатовна (Бухара, Узбекистан) INGLIZ TILI FONETIKASIGA KIRISH (FONEMA, TOVUSH, BO'GIN, INTONATSIYA, OHANG).....	53
Khusanova Munis Ozad qizi (Tashkent, Uzbekistan) COGNITIVE ASPECT OF FOREIGN LANGUAGES TEACHING AND LEARNING.....	58

Khusanova Munis Ozad qizi (Tashkent, Uzbekistan) INNOVATIVE TRENDS IN FLT.....	62
Seitbekova Dinura (Tashkent, Uzbekistan) APPLYING AUTHENTIC MATERIALS IN EXTENSIVE READING.....	66
Tursunova Mukhlisa (Tashkent, Uzbekistan) THE EVOLUTION OF NEGATIVE IMAGES IN WILLIAM SHAKESPEARE'S WORKS.....	68
Tursunova Mukhlisa (Tashkent, Uzbekistan) THE RISE OF RENAISSANCE IN ENGLISH LITERATURE.....	72
Tursunova Mukhlisa (Tashkent, Uzbekistan) ECOCRITICISM AS A NEW BRANCH OF LITERARY CRITICISM IN AMERICAN AND ENGLISH LITERATURE.....	76
Мансуров Р. Д. (Ташкент, Узбекистан) “РЕСПУБЛИКА БУДУЩЕГО” АННЫ БОВМАН ДОДД – РОЛЬ ЖЕНЩИН В ПРОИЗВЕДЕНИИ.....	80
Мансуров Р. Д. (Ташкент, Узбекистан) “КОЛОННА ЦЕЗАРЯ- ДИСТОПИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ ОПИСАННОЕ ИГГАТИУСМ ДОНЕЛЛИ.....	87
Оразов Ерлан Ермекович (Петропавловск, Казахстан) ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЗАГОЛОВКОМ И ПОДЗАГОЛОВКОМ НА СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ.....	93
Семенова Людмила Валентиновна (Харьков, Украина) ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-ПОЭТА В ЛИРИКЕ Е. ЕВТУШЕНКО.....	101

SECTION: PHILOLOGY AND LINGUISTICS

Muxammadova Maxbuba Mo'minovna
Bukhara State University
(Bukhara, Uzbekistan)

ABOUT THE ANCIENT CITY OF BUKHARA IN NARSHAHI'S BOOK "BUXORO TARIXI" AND NISARI' S BOOK "MUZAKKIRI AHBOB"

Anotation. *The tazkira "Muzakkiri ahhob" written by Khasankhoja Nisari and one of the famous work of Narshahi by name "Buxoro tarixi" both speak about history, geography and famous people of ancient Bukhara*

Key words: *Narshahi, Nisari, history of Bukhara, Lumijkat, "Qubbat ul - islam", Avicenna*

Muxammadova Maxbuba Mo'minovna
Buxoro davlat universiteti
(Bukhara, O'zbekiston)

NARSHAXIYNING "BUXORO TARIXI" ASARI VA NISORIYNING "MUZAKKIRI AHBOB" TAZKIRASIDA QADIMIY BUXORO SHAHRI TA'RIFI

Anotatsiya. *Ushbu maqolada Narshaxiyning "Buxoro tarixi" asari va Hasanxoja Nisoriyning "Muzakkiri ahhob" tazkiralarda Buxoro shahri ta'rifi, uning paydo bo'lishi, nomlanishi, geografiyasi, faxrlari farzandlari xususida gap boradi.*

Kalit so'z: *Narshaxiy, Nisoriy, Buxoro tarixi, Lumijkat, "Qubbat ul - islom", Ibn Sino*

Buxoro - Sharqning mashhur shaharlaridan biri bo'lib, tarixiy manba va arxeologik tadqiqotlarga ko'ra mil.avv I mingyillikda vujudga kelgan. Biz bu shahar tog'risida Abu Bakr Muhammad ibn Ja'far an-Narshaxiyning 943-944 yillarda arab tilida yozilgan "Buxoro tarixi", Alouddin Otamalik Juvayniyning "Tarixi Jahonkushoy", 1584-90 yillar oralig'ida fors tilida yozilgan Hofiz Tanish Buxoriyning "Abdullanoma" ("Sharafnomayi Shohiy"), Abu Ishoq al Forisiyning "Kitobi masolik al mamolik" ("Mamlakatlarga olib boruvchi yo'llar haqida kitob"), 1566-yilda yozilgan Hasanxoja Nisoriyning "Muzakkiri ahhob" ("Do'stlar yodnomasi") va boshqa shu kabi ko'plab asarlardan olishimiz mumkin.

Narshaxiyning "Buxoro tarixi" asari ushbu shahar tog'risidagi dastlabki tarixnavislik asarlaridan biri bo'lib Abu Muhammad Nuh ibn Nasr ibn Ahmad ibn Ismoil as- Somoniyga bag'ishlangan., Unda shaharning vujudga kelishi, O'rta Osiyoda arablar istilosi natijasida islom dinining tarqalishi, 9-10 asrlardagi Buxoro ijtimoiy-iqtisodiy va madaniy muhitiga oidqimmatli ma'lumotlar keltirilgan va asar bugungacha Buxoro tarixini o'rganishdagi asosiy bosh manba bo'lib hisoblanadi. Ushbu asarning arab tilida yozilgan asl nusxasi bizgacha yetib kelmagan, ammo Ahmad ibn Muhammad ismli shaxs asarni qisqartirib va qo'shimchalar qo'shib arabchadan fors-tojik tiliga tarjima qilgan. Undan so'ng Muhammad ibn Zufar bu tarjimani yanada qisqartirib bayon qilgan. Ammo ularning

har ikkisi ham Narshaxiy keltirgan ma'lumotlarni saqlagan holda, davr nuqta'i nazaridan hamda siyosiy, iqtisodiy va ijtimoiy hayot ta'sirida islom dini va va o'sha davrdagi boshqaruv tizimi, xususan Muqanna qo'zg'olonini keskin qoralash yo'lidan boradilar.

XVI asr Shayboniylar davri, shu bilan birga ushbu sulolaning markazi etib belgilangan Buxoro shahri adabiy muhitini yoritib bergan asarlardan biri bu Hasanxoja Nisoriyning "Muzakkiri ahbob" tazkirasidir. Ushbu asar 1566-yilda yozilgan bo'lib, Buxoro xoni Abdullaxon II ga bag'ishlangan. Tazkira Alisher Navoiyning "Majolis un-nafois", Davlatshoh Samarqandiyning "Tazkira ush-shuaro" asarlariga havas qilib yozilgan, ammo ulardan farqli o'laroq yozuvchi adabiy doira vakillarini bevosita Buxoro shahri bilan bog'laydi. Nisoriy yozuvchilarni o'zi ko'rgan-ko'rmagan, mulozamatida bo'lgan –bo'lmagan, Buxoroda yashgan-yashamagan, Buxoroda dafn qilinga qilinmaganiga ko'ra tavsiflaydi. U asar boshlanishida Abulg'ozii Ubaydullo Bahodirxonni yod etarkan Buxoro shahri va uning tarixiga to'xtaladi: *"Ubaydullaxon baloij ofatlarni da'f qiluvchi Buxoro shahri obodonchiligi uchun ko'p sa'y-harakat ko'rsatdi..."* [2. 26-b] deydi Nisoriy o'z tazkirasida. Chindan ham, Abu Said Ko'chkinchixon (1530-1533)dan so'ng hukmdorlik Shayboniyning ukasi Mahmud Sulton o'g'li Ubaydullaxon (1533-1540) qo'liga o'tadi. U poytaxtni Samarqanddan Buxoroga ko'chiradi. Ubaydullaxon Buxoroga ota meros mulk deb qarar edi. Shu bois u Buxoroni Ismoil Safaviy va qizilboshlilar hujumidan tish –tirnog'l bilan himoya qildi, Buxoroni markaz sifatidagi nufuzini yanada oshirdi va siyosiy kurashlar, ichki tarqoqlikka barham berdi.

Nisoriy shu tariqa Buxoroning geografik tuzilishi, tabiati va shaharning nomlanishi, buyuk shaxslar ta'rifi xususida fikr yuritishni boshlaydi: *"Buxoro qadimiy shahar bo'lib, tegrasi ulkandir. Uzunligi Xolidot orollaridan "qof" va xatti ustivodan "mim" dir... Buxoro yerining masofasi o'n ikkiyu o'n ikki farsaxdir..."* [2. 26-27-b]. Ushbu parchada Xolidot orollari Atlantika okeanida mavjud bo'lgan 6 ta orolni bildirgan. Qadimgi geograflar yer yuzining o'lchovi boshlanish nuqtasini shu orollar bilan hisoblashgan. "Xatti Ustivo" esa bugungi kundagi ekvator chizig'ini anglatadi. (Biz ushbu izohlarda asar tarjimon Ismoil Bekjon ma'lumotlaridan foydalandik. [1. 294-b]) Buxoro masofasi o'sha davrda foydalanilgan "farsang" yoxud "farsax" uzunlik o'lchovida chimalangan. Bugungi kunda 1 farsang 6km.ga tog'ri keladi. Zero, Hasanxoja Nisoriy Buxoroning maydonini shu yo'sinda ko'rsatib berishga harakat qilgan.

Tazkiranavis har bir ma'lumotni keltirganda iloji boricha fikrini dalillashga harakat qilgan. Masalan, Buxorning dastlabki fath etilishi haqida so'z yuritarkan shu o'rinda bu harakat hijriy 54 –yilda sodir bo'lgani, bu sahobalar davriga to'g'ri kelgani bois dindan qaytish ro'y berganini aytadi 2-fath hijriy 74-yil sodir bo'lib bu haqida Narshaxiy asarining XX bobi ya'ni "Buxoroning fath etilishi va u yerda islom dinining tarqalishi" bobida ham ma'lumotlar keltiriladi va bu Nisoriy ma'lumotlarining ishonchlilikini yana bir karra tasdiqlaydi. Narshaxiy Buxoruxudot vafotidan so'ng Tag'shodaning onasi Buxoroda podsholik qilgani bu yerda Qutayba ibn Muslimning islom lashkari bilan kelib Buxoro ahlini musulmon diniga 3 marotaba undagani, ammo Buxoro aholisi faqatgina arablar kelganida musulmon bo'lib, ular qaytib ketganida yana dindan qaytishlari, oxir –oqibat Qutayba boshchiligida arablar va buxoroliklarning bir uyda yashab, madaniyatlari, yurish –turishlaridan boxabar qilishi va majburan, zaruratdan musulmon bo'lishlariga undashini tasvirlaydi.

Nisoriy “Buxoro” soʻzining kelib chiqishi mugʻlar tilida “ilmlar” (“ilmgoh”) maʼnosini anglatuvchi “Buxxor” kalimasidandir. Shaharning asl nomi Lumijkatdir,- deydi. Ammo Buxoroning turli qadimiy nomlari boʻlib ulardan boshqa birortasi asarda tilga olinmagan.”Buxoro tarixi” ning Tehrondagi Mudarris Rizaviy tomonidan nashr qilingan fors tilidagi qiyosiy nashrida Buxoroning qadimgi nomlari haqida shunday deyiladi: *“Ahmad ibn Muhammad Ibn Nasr Buxoro koʻp ismlarga ega deydi va oʻz kitobida Numijkat degan ismni keltiradi. Yana boshqa bir joyda men uni Bumiskat deb keltirilganini koʻrdim. Boshqa bir joyda arab tilida “Madinat us- sufriya”, yaʼni “mis shahar” va yana bir boshq ajoyda arab tilida “Madinat us sufriya, yaʼni “savdogarlar shahri” deb yozilgan. Buxoro degan nom u nomlarning hammasidan mashhurroqdir...”*

“Tarixi Jahonkusho” da keltirilishicha, Buxoro Qubbat ul islomlikning mashriq shaharlaridan biridir. Oʻlkadagi nohiyalar orasida Buxoro “Madinat ul-islom”- islom shahri maqomida turadi,-deydi Nisoriy “Muzakkiri ahbob”da. Chindan ham, Buxoro IX asr boshlaridayoq “Qubbat ul –islom” –islom dinining gumbazi degan sifatni olgandi. Oʻrta asrlarda Makka, Madina, Quddus, Buxoro, Bagʻdod, Damashq, Mozori Sharif diniy markaz sifatida shuhrat qozongani uchun ham “Sharif” unvoni berilgan. Narshaxiyning aytishicha, “Qubbat ul islom” sifati Buxoroga mashhur fiqhshunos Xoja imom Abu Xafsi Kabir Buxoriy tufayli berilgan. “Muzakkiri ahbob” da Buxoroning eng faxrli farzandlari muhaddislar ustoz imom Ismoil Buxoriy, shayxurrais Ibn Sino (Avitsenna) qatorida faqiqlar sardaftari xoja Abu Hafz kabir ham alohi hurmat bilan tilga olinadi. Nisoriy ayniqsa, Ibn Sinoga chuqur taʼvoze bildiradi. Ibn Sino 10 yoshida gʻariba ilmlarini chuqur egallagan, 12 yoshida hazrat imomi Aʼzam Abu Hanifa Kufiyning mazhabi boʻyicha fatvo yoza olgani, 16 yoshida esa “Tib qonunlari” ni tasnif qilgani, 24 yoshida barcha ilmlarni egallab, Qurʼonni 3 kun ichida yoddan xatm qilgani toʻgʻrisida gapiradi va unga chuqur ehtiromini bildiradi.

Nisoriy Buxoro latofati xususida mufassal soʻz yuritishga imkoni yetmasligini anglab, fikrini Hofiziddin Sheroziyning ushbu bayti bilan kalta qiladi:

Kafa bila maʼra lʼzan va iftxoro,

Bana qada kana masvohu Buxoro.

(Mazmuni: Buxoroning shu koʻrinishda namoyon boʻlishi, uni yaratgan inson zoti ulugʻvorligi va faxri uchun kifoyadir) [2. 28-b]

Va mazkur xonning Buxoro haqida aytgan quyidagi baytini ham misol qilib keltiradi:

Buxoro xushtar omad az tamomi shahrho more,

Zi chashmi bad nigoh dorad xudo mulki Buxororo.

(Mazmuni: Barcha shaharlar ichida bizga Buxoro yaxshiroq koʻrindi, Buxoroni tangri yomon koʻzdan asrasin.) [2. 28-b]

Xulosa qilib aytganda, bu ikki asar ham adabiyotshunoslik va tarixshunoslikda qadimiy shaharlardan biri boʻlmish Buxoro haqida qimmatli maʼlumot beruvchi muhim durdonadir

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR:

1. Abu Bakr Muhammad ibn Jaʼfar an –Narshaxiy. Buxoro tarixi. Fors tilidan A. Rasulev tarjimai.
2. Hasanxoja Nisoriy. Muzakkiri ahbob. Abdulla Qodiriy nomidagi xalq merosi nashriyoti, Toshkent, 1993.

Muxammadiyeva Nigina Maxmudovna
Bukhara state university
(Bukhara, Uzbekistan)

MORPHOLOGICAL PECULIARITIES OF SHAKESPEARE'S LANGUAGE

Summary: *In article was written about the language of Shakespeare's works and morphological structure of this language.*

Shakespeare lived at a time when England was undergoing the revolution in ritual theory and practice we know as the English Reformation. With it came an unprecedented transformation in the language of religious life. Whereas priests had once acted as mediators between God and men through sacramental rites, Reformed theology declared the priesthood of all believers. What ensued was not the tidy replacement of one doctrine by another but a long and messy conversation about the conventions of religious life and practice [11]. the England of Shakespeare's time, English was a lot more flexible as a language. In addition, Shakespeare was writing as a dramatic poet and playwright, not as a scholar or historian. Combine the flux of early modern English with Shakespeare's artistic license (and don't forget to throw in a lot of words that have either shifted meaning or disappeared from the lexicon entirely), and there are some subtle difficulties in interpreting Shakespeare's meaning some 400 years after the fact. As with most popular playwrights of any era, Shakespeare uses language with facility and power, but with a colloquial freedom as well. English, one word can be as a noun, an adjective or a verb. And Shakespeare's period marks out greatly. It was a time, when there were new grammatical functions for many words. And William Shakespeare stood on the first stage among his contemporaries. In his works, a word can be turned to another grammatical category. 's innovative use of grammar, however, set him apart from his contemporaries. Shakespeare completely reinvented grammar, breaking away from the conformity of traditional rules [16]. have to highlight a passage from Hamlet (III:4), where Shakespeare plays with the normal rules of English that demand a sentence is structured with the order; subject, verb, object. In the scene the queen says to her son: "Hamlet, thou hast thy father much offended." Nowadays, we would expect, 'Thou has much offended thy father Hamlet'. "used a great deal of SOV (Subject-object-verb) inversion, which renders the sentence as "John the ball caught." This order is commonly found in Germanic languages (more so in subordinate clauses), from which English derives much of its syntactical foundation. Shakespeare also throws in many examples of OSV construction ("The ball John caught."). Shakespeare seems to use this colloquially in many places as a transitory device, bridging two sentences, to provide continuity. Shakespeare (and many other writers) may also have used this as a device to shift end emphasis to the verb of a clause. Also, another prevalent usage of inversion was the VS order shift ("caught John" instead of "John caught"), which seems primarily a stylistic choice that further belies the Germanic root of modern English [16]. Shakespeare's noun-to-verb conversions "what are thought of as stable objects... are wrenched from their passivity to acquire new vigour as actions," observing further that "metaphor harmonizes well with the flexibility of

conversion.” This union of metaphor and grammatical conversion is evident throughout Antony and Cleopatra, where shifts from noun to verb simultaneously affirm the fertility of metaphor and displace action from the material to the more fluid metaphorical realm. Whether the characters be Roman or Egyptian, their language persistently coins new words by incubating the solidity of nouns and adjectives into the dynamic liquidity of verbs. Thus, “joint” becomes a verb at 1.2.91, “safe” at 1.3.55, “dumb” at 1.5.50, “spaniel” at 4.7.21, and “boy” at 5.2.220, while “candy” melts itself into “discandy” at 3.13.166 and 4.12.22. These conversions garner tremendous dramatic advantages. For instance, Terttu Nevalainen notes that by turning dumb from an adjective into a verb, instead of using the already-available verb “silence,” Shakespeare gains both the solidity of an Anglo-Saxon root word (instead of the more abstract, Latinate “silence”) and an association with the inarticulacy of beasts - beasts were and are commonly described as “dumb” rather than “mute.” Such advantages supplement what is always present in Shakespeare’s functional conversion of nouns and adjectives into verbs, the “dramatic energy and economy of expression” [14]. are freely used by Shakespeare as adverbs:

“I do know, when the blood burns, how prodigal the soul lends the tongue vows.” (Polonius to Ophelia in Hamlet I:3);

“And you, my sinews, grow not instant old.” (Hamlet I:5);

“Which the false man does easy” (Macbeth II: 3).find the two forms of the adverb side by side in:

“She was new lodged and newly deified.” (A Lover’s Complaint. 84).

The position of the article shows that mere is an adverb in:

“Heaven and our Lady gracious has it pleas’d.” (First Part of King Henry the Sixth);

“Ay, surely, mere the truth.” (All’s Well That Ends Well III:5).

Such transpositions as “our lady gracious”, (adj.) where “gracious” is a mere epithet, are not common in Shakespeare. For example:

“My lady sweet, arise,” (Cymbeline II:3).

“My-lady” is more like one word than “our lady,” and is also an appellative. In appellations such transpositions are allowed. the two forms occur together:

“And she will speak most bitterly and strange.” (Measure for Measure V:1).

In Shakespeare’s works intransitive verbs sometimes acquire the transitional value. For example:

“Why this same strict and observant watch so nightly toils the subject of the land?” (Hamlet I:1).

In rare cases, the transitive verbs were used in the intransitive sense. For example verb “to lack (to be needed)”.

“... and what so poor a man as Hamlet is may do to express his love and friending to you, God willing, shall not lack.” (Hamlet I: 5).simple present for complete present with adverbs signifying “as yet,” &c. This is in accordance with the Latin idiom, “jampridem opto,” &c., and it is explicable on the ground that, when an action continued up to the present time is still continuing, the speaker may prefer the verb to dwell simply on the fact that the action is present, allowing the adverb to express the past continuousness:

“That’s the worst tidings that I hear of yet.” (Henry IV I:4);

“How does your honour for this many a day?” (Hamlet III:3).Subjunctive after

verbs of command and entreaty is especially common; naturally, since command implies a purpose.

“We enjoin thee that thou carry.” (Winter’s Tale II:3);

“I conjure thee that thou declare.” (Winter’s Tale I:2);

“Tell him from me bear himself with honourable action.” (The Taming of the Shrew).

Ochilova Nigora Usupovna
Bukhara State University
(Bukhara, Uzbekistan)

ROLE OF COMPUTER TECHNOLOGIES IN MODERN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Annotation: *This article deals with one of the most essential themes in modern methodology-the role of computer technologies in a foreign language class, it states vital points in using these technologies, its effectiveness and positive outcomes*

Key words: *software-the instructions which control what a computer does, computer programs; **application** - a computer program that is designed for a particular purpose; **transfer**- to send information through a computer; **enable** - to make someone able to do something, or to make something possible; **simulate**- to do or make something which looks real but is not real; **highlight**- to attract attention to or emphasize something important; **device**- an object or machine which has been invented for a particular purpose;*

Today we can bring into play different approaches and techniques of using modern technology which can assist English language students to improve their learning skills. Among these techniques are online English language learning web sites, computer assisted language learning programs, presentation software, electronic dictionaries, chatting and email messaging programs, listening CD-players, and learning video-clips.

It is well known that our new life is highly affected by the era of information technology, and technology plays an important role in today's human society development. Based on this fact, it is necessary to take advantage of the modern technological facilities in aiding the task of English language education. Students trying to learn English as a foreign language need further language support. They need to practice in hearing language, reading language, speaking language, and writing language in order to develop their experience and skills. For doing such tasks, they are in need of using various tools which can help them learn the language easily and effectively.

The term new technology includes communication techniques for language teaching in which the personal computer plays a central role [1, 68 p.]. There are, however, other technological tools that can be utilized in language learning besides computers. Each technological tool has its specific benefits and application with one of the four language parts speaking, listening, reading, and writing. However, in order to use these techniques successfully, the ELL student should be familiar with using computers and internet, and capable of interacting with these techniques. The effect of technology has become huge in teaching and learning the language in addition to the instructor's role. In other words, the role of the instructor together with the role of the technology can lead to advanced learning results.

We mean by English language skills, the development of the main parts or elements of the language which are speaking, listening, reading, and writing. Each

language subject or area has different educational tools that are likely suited with it. The use of several technical tools has a significant effect on the learning process of each area of the language. English language skills are classified as input skills and output skills.

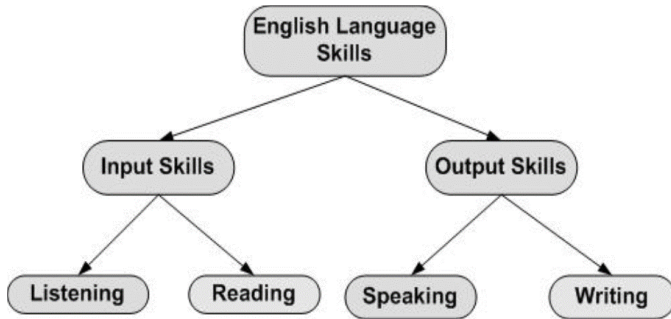

Figure 1. Classification of English language skills

Listening is defined as the process of identifying and understanding the speech of the speakers. It involves understanding the speaker's accent or pronunciation, speaker's grammar and vocabulary, and comprehension of meaning. The listener should be capable of doing these four things at the same time. Therefore, listening is very important in the process of second language education. Listening is considered as a principal language skill. Through listening people can acquire a large portion of their education, their information, their ideas, and their understanding of the world. As an input skill, listening plays a very important role in student's language development [2, 79 p.]. There are several technical ways for improving the listening capability of the ELL student, which are summarized below. The use of computers in listening problems provides students with visual and voice inputs which can enhance their information and ideas, and develop their listening skills. Computer-based listening tests are very important in reinforcing the understanding skills of the listener. CD-ROM based learning films can also provide significant advantages over the traditional methods. Finally, Internet voice chatting using the second language may also aid the communication capabilities of the student. The use of CD-player devices is another modern tool for listening comprehension. CD-players are electronic instruments used specifically to run audio CD-ROMs. Lectures and listening examinations can be saved on these audio CDs for latter use by the ELL student.

Reading is the process of understanding a written text by the learner. It is an important input skill which depends on the vocabulary and background knowledge of the learner in the second language. During the reading process, the English language learner can improve his vocabulary and terms, acquire new information and ideas, and enhance his real-world knowledge. Several methods can be utilized to improve the reading ability of the learner through the use of technology.

Computers can raise the interest of reading for learners by the use of simple and easy to understand text. Reading-based computer programs can be used to improve the word vocabulary, fluency, and comprehension of the students. This

also can enable ELL students to increase their interaction with texts, pay their attention to individual needs, and enhance their abilities to read texts they would not otherwise be able to read. Computers can perform several tasks simultaneously and run programs at a very high speed. Learning computer programs can check exercises after they are performed by students, move students gradually from easy to more difficult problems according to their abilities. Computers can also be used to correct answers for the learners, and to simulate tests in an easy to understand manner. Multimedia are computer programs that use a mixture of text, graphics, sound, video, and animation. Multimedia computer programs can increase the motivation for learners to develop their vocabulary and reading skills.

The Internet is certainly a modern technological way for persons hope to develop their English language skills. There are many Internet web sites prepared solely to enhance the reading abilities of English language learners. There are also a huge number of resources available in the form of newspapers, magazines, journals, electronic libraries, dictionaries, encyclopedias, and newsletters [3, 66 p.]. Browsing these resources and sites will obviously enhance the learner's vocabulary and reading ability. Another modern way for improving the vocabulary of the learner focuses on the utilization of electronic dictionaries designed specifically for English language learners. These dictionaries have several built-in functions and tools that are not provided in book dictionaries. Electronic dictionaries are also easy to use and represent quick tools for vocabulary acquisition. Human communication can be taken place between the speaker and the listener if only they understand each other. Both speaker and listener have a positive function to perform in simple terms. The speaker has to convert his message into spoken language, while the listener has to understand the language of the speaker.

Technology in learning English language speaking can take several forms as indicated in the following sections. Chatting is the process of voice communication between the speaker and the listener through the internet. This process may be very beneficial to the learner if the other side speaker is a native language talker [6].

Modern computer programs can generate voice signals and decode human sound. These types of programs are defined as artificial intelligence computer programs and can be a very useful tool for improving the speaking capability. Practicing with such programs will strengthen vocabulary and pronunciation abilities as well. The writing process can be very difficult for learners of English language as they must do tasks like generating ideas, organization, and perfect use of grammar and vocabulary. Some of the technical ways for improving the writing skills for the ELL student are listed below [5].

Computers can be used to develop the writing skills of English language learners. Writing statements and paragraphs in a foreign language can be very challenging for the students. However, the use of computers and graphics-based programs can make the writing task much easier and enjoyable, and can make them express their thoughts more clearly. Grammar skills can also be improved with the aid of word processing programs. The learner can highlight a specific part of the written text through underlining, bolding, italicizing, or changing the font size and color of the text with the aid of these programs which have the capability of automatically checking the spelling and grammar. So, the use of the computer as a tool in studying grammar is much more motivating for the student than the process

of traditional writing with a paper and a pencil [4, 35 p.].

Electronic mail is a modern way for writing and transferring messages through the internet. Using e-mail can be a very effective means for improving writing skills. Students can use E-mails to learn how to respond to the incoming messages using some formal statements and meaningful language. Text chatting is another important technical method for developing writing ability. It provides an on-line and quick tool for writing and expressing thoughts, transferring ideas, and responding instantaneously with the other side writer.

Generally speaking, we can state that today one cannot imagine his teaching career without the use of modern technology; it has already started playing a vital role in our teaching process. Taking this into consideration we should try to implement novel approaches, methods and techniques in foreign language teaching which can closely be connected with technology. Classes which are conducted with the help of computer technologies may involve or interest learners to the lessons. Students may feel more enthusiastic about their studies as well.

REFERENCES:

1. D. Dalton, "Computers in the schools: A diffusion/adoption perspective." Educational Technology, 1989.
2. G. Davies, J. Higgins, "Computers, language and language learning, London: CILT, 1982.
3. Erben, Tony; Ban, Ruth & Castaneda, Martha, Teaching English language learners through technology: Routledge: New York, 2009.
4. Evans, J. Michael (ed), "Foreign-language learning with digital technology, London, 2009.
5. www.languageteaching.com
6. www.wikipedia.com

Temirova Djamila Hasanovna
Bukhara State University
(Bukhara, Uzbekistan)

СПЕЦИФИКА СТИЛЕВОГО РЕПЕРТУАРА В. В. НАБОКОВА

*Он собрал все брошенное нами, всё лишнее, неважные вещи, отсеянные из нашего опыта... запомнил всё и ничего не забыл... Он восстановил в правах такое количество подробностей жизни, что она и впрямь ожила под его пером, пропущенная ...невнимательной и сытой мировой литературой...
Битов А.*

Владимир Набоков (псевдонимы Владимир Сирин, Василий Шишкин) - один из самых ярких представителей «первой волны» эмиграции и прародитель современного постмодернизма в русской литературе.

Завоевав мир, вызвав неоднозначную оценку критики оригинальным писательским даром, он так и остался «... неразгаданной загадкой... неким мнимым солнцем на литературном небосклоне нашего столетия... Не оттого ли неправдоподобно широк спектр оценок набоковского наследия – от безоговорочного восхищения до полного отрицания? Во всяком случае – сегодня это несомненно – Набоков - безусловное явление, причём явление сразу двух литератур: русской и англоязычной, создатель особенного художественного мира, новатор-стилист (прежде всего в прозе). И влияние его стилистики, его гипнотизирующего, завораживающего дара легко обнаруживается в литературе современной, правда, по преимуществу там, где преобладает книжность, вторичная культура, тяга к элитарности» - такова оценка места В. Набокова в литературе XX века, данная О. Михайловым [1].

В. Набоков – писатель-интеллектуал, он ценит игру воображения, ума, фантазии. Его книги насыщены литературными реминисценциями, мифологией, пронизаны намеками и ассоциациями. Они заставляют по-новому взглянуть на многие жизненные явления.

Набоковское художественное наследие, доведенная до классического совершенства типологическая параллель прозаическим экспериментам Андрея Белого и русской «орнаментальной прозе» 1920-х годов, разнообразно как в тематическом, так и жанрово-родовом отношении. В. Набоков – автор нескольких стихотворных сборников, цикла пьес, шести с лишним десятков рассказов, английских переводов русской классики, а также литературно-критических и литературоведческих работ. Ядро этого наследия составляют семнадцать романов, в которых поднимались основные проблемно-тематические компоненты творчества В. Набокова: жизнь и творчество, духовно озаренная личность и толпа, покушающаяся на её свободу, любовь и вера, свобода и смерть, идеал и действительность, тема рефлексии сознания, утрата рая, поиски «земного рая». Универсальным злом для В. Набокова являлась пошлость, вытекающая не из сословной, национальной, партийной принадлежности человека, но из мировосприятия человека, его способности видеть мир и себя в мире. Культ простоты, естественности, истины, по мнению писателя, привел к точному определению пошлости в

России.

Многие важнейшие особенности набоковского стиля связаны с тем, что писатель не только развивает традиции эпического повествования, сколько «переводит» в новое жанрово-родовое измерение стиливые находки русской поэзии Серебряного века. Поэтическая основа набоковской прозы дает о себе знать обилием фонетических эффектов и значимостью для Набокова категории ритма. Предметные декорации могут выглядеть вполне жизнеподобными («Машенька», «Защита Лужина», «Дар»), а сюжетные схемы мимикрируют то под криминальную историю («Король, дама, валет», «Камера обскура», «Отчаяние»), то под антиутопию («Приглашение на казнь»), то под автобиографию («Другие берега»).

Однако глубинная логика композиции конкретного произведения почти всегда определяется точно рассчитанной вязью «тематических узоров» - «музыкальным» взаимодействием избранных мотивов, «рифмовкой» ситуаций, перекличкой предметных подробностей и реплик персонажей. Набоковской прозе в высшей степени свойственно то качество поэтической речи, которое Ю. Тынянов определял как закон «единства и тесноты смыслового ряда».

Первый роман В. Набокова «Машенька» (1926) - единственное произведение писателя, близкое к русской классической традиции, наиболее «русский» (О.Михайлов) его роман, завязь будущего набоковского «метаромана». Это первая попытка в данной форме (жанра) вернуть потерянный рай. По мнению критика В.Ерофеева, «изгнание из рая является само по себе мощной психической травмой, переживание которой и составляет прафабульную основу русскоязычных романов Набокова».

Ключ к раскрытию содержания и главных мыслей романа во многом поясняют емкие пушкинские строки «Вспомня прежних лет романы, вспомня прежнюю любовь», взятые Набоковым в качестве эпиграфа к «Машеньке».

Роман построен на антитезе настоящего и прошлого, на антитезе серого, пошлого мира дешевого берлинского пансионата Лидии Николаевны Дорн для русских эмигрантов и возвышенного мира прошлой юношеской любви, пережитой Ганиным в России и воссоздающейся в его воспоминаниях. И хотя Набоков не любит символов («Само понятие символа вызывает у меня отвращение») [2], символична уже встреча Ганина и его антагониста Алферова в застрявшем лифте пансиона, где и происходит их знакомство. Алексей Алферов – мелкий служащий, провоцирует главного героя на «символистскую» интерпретацию того житейского недоразумения, которое на первой странице романа свело их вместе в застрявшем лифте: «- А не думаете ли вы, Лев Глебович, что есть нечто символическое в нашей встрече?.. Кстати сказать, какой тут пол тонкий! А под ним – черный колодец. Так вот, я говорил: мы молча вошли сюда, еще не зная друг друга, молча поплыли вверх и вдруг – стоп. И наступила тьма. - В чем же, собственно говоря, символ? – хмуро спросил Ганин. – Да вот в остановке, в неподвижности, в темноте этой. И в ожиданье...» [3].

Если последовать этим интертекстуальным подсказкам, вложенным в уста Алферова автором романа, то выяснится, что загадочная для читателя Мария напоминает пародийный вариант младосимволистской мифологемы

Вечной Жены в характерном «блоковском» варианте. Ожидание ее «воплощения», то есть приезда в Берлин, и встречи с ней определяет эмоциональное состояние Ганина и Алферова. Потеря главным героем родины (а потом новое ее обретение) благодаря густой сети лирических ассоциаций в романе «по-блоковски» приравнивается к потере возлюбленной (и новой встрече с ней – уже в неподвластном времени пространстве сложившегося воспоминания). Оставшаяся в прошлой России Машенька становится для Ганина «лицом родины», ее лирическим портретом.

Внешняя простота набоковского романа, его драматургическая компактность и ясность композиции не настраивали читателя на поиск какого бы то ни было «второго плана» повествования. Неуместное умничанье Алферова воспринимается поначалу как одна из граней его вездесущей пошлости – наряду с хамоватой навязчивостью, бестактностью и бытовой неряшливостью. Лишь в общем контексте набоковской прозы в «Машеньке» проступают пока еще осторожные экскурсы автора в сферу пародийной стилистики, обыгрывания излюбленных тем и мотивов поэзии начала XX века.

Конфликт романа строится на контрасте «исключительного» и «обыденного», «подлинного» и «неподлинного». С первых строк романа автор хочет подчеркнуть исключительность своего героя, прибегая к ономастике, собственным именам героев: «Лев и Глеб – сложное и редкое соединение. Оно от вас требует сухости, твердости, оригинальности».

Следующие излюбленные набоковские приемы, такие как игра, мистификация, розыгрыш, подтекст, обретают в его прозе драматические, иногда трагические черты. В романе «Машенька» они вводятся описанием прихожей, где стоят «дубовый баул, на который легко было наскочить коленом», очень «тесного коридора и трех комнат» с «крупными черными цифрами, наклеенными на дверях». Листочки, оказывается, вырваны из старого календаря и на них указаны шесть первых чисел апреля месяца. «В комнате первоапрельской - первая дверь налево - жил теперь Алферов, в следующей — Ганин, в третьей - сама хозяйка, Лидия Николаевна Дорн...» Первое апреля - день розыгрыша, день мистификаций («первый апрель - никому не верь»), да и Ганин живет в комнате под апрельским номером. Использование цифр готовит читателя к тем превратностям и сюрпризам, когда человек не распоряжается судьбой, а плывет без руля и ветрил, в надежде, что его вынесет к «потерянному раю».

Мистификационные приемы Набокова отметит и писательница Галина Кузнецова в «Грасском дневнике», отражающем ее жизнь во Франции. Вот как она передает характерный разговор в русской провинциальной библиотеке на юге Франции: «Я спросила о Сирине. – Берут, но немного. Труден. И потом, правда, что вот хотя бы «Машенька». Ехала, ехала и не доехала. Читатель таких концов не любит» [4]

Определяя богатство стилистического репертуара Набокова, куда входят: совмещение разных временных планов при помощи кинематографических «наплывов», и реминисцентная подсветка сюжетного движения, и характерное использование цифрового шифра, - следует обратить внимание и на умелое применение автором приема иронии. Набоков подвергает анализу все и вся. Создавая причудливый гротескный мир, он заставляет по-новому взглянуть на

привычное, обыденное. То, что до сих пор являлось незыблемым, на первый взгляд, исторически достоверным, под его пером приобрело новое звучание, новый смысл.

Сюжеты, мотивы романов В. Набокова перемещаются из одного произведения другое, приобретая новые оттенки смысла, поэтому творчество В. Набокова представляет собой единый целостный контекст, где каждое произведение, являясь художественно завершенным, в то же время является частью единого целостного контекста.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Михайлов О. Н. Владимир Владимирович Набоков// Литература русского зарубежья. – М.: Просвещение, 1995. – С. 351.
2. Набоков В. Символы Роу// Звезда. – М., 1995. - №2.
3. Набоков В. Романы. – М., 1988. – С. 401.
4. Цит. По: Михайлов О. Литература русского зарубежья. – С. 356.

Абдуллаева Лола Садуллаевна
(Бухара, Узбекистан)

ТЕКСТОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВРЕМЕННОГО ДЕЙСТВИЯ (на материале немецкого языка)

Аннотация: В статье рассматриваются текстовая характеристика временного действия в художественном произведении и отношение временных форм с лексическими наполнениями.

Ключевые слова: временные формы, парадигматика, синтагматика, момент речи, нейтрализация, оппозиция.

Annotation: The article deals with the textual character of the action in an artwork and the relationship of tense forms with lexical fillings.

Key words: tense forms, paradigmatic, syntagmatic, speech moment, neutralization, opposition.

В художественном произведении микротекст не всегда имеет обстоятельственные слова, но временные ориентиры всегда существуют в рамках контекста и дают чёткое представление об объективном времени событий. Контекст достаточно исчерпывающе объясняет употребление временных форм глагола, их согласование.

Попытку выявить особенности функционирования временной системы языка сделал Г.Вейнрих [H.Weinrich] в своей работе “Tempus. Besprochene und erzählte Welt” /1/. Он различает: 1) обсуждаемый мир и 2) рассказываемый мир. Эта концепция отражает отношение между практической деятельностью людей, которая находит своё выражение в разговорной речи и в повествовании о ней. Первая сфера речевой деятельности характеризуется употреблением презенса, перфекта, футурума 1, вторая – претеритума, футурума 2, кондиционалиса 1. Таким образом, Г. Вейнрих отметил общую тенденцию употребления временных форм для определённой речевой деятельности.

Это связано с актуализованностью/неактуализованностью речевой ситуации и участием/участием автора речи /2/. В этих типах речи по разному проявляются грамматические значения темпоральности. В первом типе речи учитывается позиция говорящего, во втором – эта ось не актуализуется. Первый тип речи характерен для непосредственного общения, второй – для художественного повествования, а также для констатации закономерностей, правил и т.д. Различия между этими типами речи значимы для реализации грамматических значений, которые связаны с отношением содержания высказывания к речевой ситуации и позицией говорящего.

Основными глагольными формами повествования являются претеритальные формы, хотя повествование может вестись и в формах исторического презенса. Что касается претеритума, то он указывает на факты прошлого, предшествующие во времени моменту сообщения, реального автору и читателю. Однако претеритальные формы в художественном повествовании не имеют значения прошедшего, они указывают на некоторое

воображаемое настоящее «эпическое» время /3/. В этом времени живут, действуют персонажи художественного произведения.

В рамках времени повествования выявляются отношения последовательности, предшествования, одновременности действия. Эти отношения определяют выбор глагольных форм в тексте. Отношение эпического времени к нашему времени оказывается несущественным. В повествовании о прошлом оно определяется как прошедшее, о будущем - как будущее, о настоящем – как настоящее героев повествования. Эти отношения не влияют на внутреннюю структуру текста, а особенности употребления претеритума дали повод говорить о том, что временная форма утрачивает грамматическую форму прошедшего времени в художественном тексте. Начало художественного текста ориентирует читателя на прошлые события, совершаемые до момента речи, и первые предложения создают предпосылку для временной характеристики дальнейших действий, служат временной точкой отсчёта /4/.

Претеритум берёт на себя функции презенса, футурума:

Am nächsten Morgen aber stachelte mich die Neugier, zum Land der Zyklopen hinüberzufahren.

Словосочетание *am nächsten Morgen* подчёркивает предстоящее действие по отношению к предыдущему контексту.

В тексте, где всё повествование ведётся в претеритуме, в прямой речи употребляется презенс для выражения настоящего времени, так как для персонажей произведения это их настоящее, а для читателя это повествование о прошлых событиях, созерцателем которых со стороны он является в настоящее время:

“Wer seid ihr, Fremdlinge und was treibt ihr hier? Seid ihr Räuber?” – fragte er.

Мастерство автора состоит в том, чтобы сделать читателя соучастником событий, сделать «настоящее» героев также и «настоящим» читателя, и тогда читатель не воспринимает действие в прошлом, а переживает и видит их в «настоящем», как и действующие лица. Следует отметить, что взятый вне контекста глагол в презенсе и претеритуме показывает временной разрыв, разные временные оси:

Ich lese das Buch. Ich las das Buch.

В художественном произведении обычно не ощущается этот разрыв и воспринимается как закономерный переход от одной речевой ситуации к другой, где глаголы употреблены в разных временных формах:

Ebner schüttelte den Kopf.

“Ist ja, auch besser”, - meinte sie. “Wenn ich die Welt so ansehe”.

“Heiter sieht sie nicht aus”, stimmte Ebner zu.

Претеритальные формы выступают в контексте с обстоятельственными словами и конструкциями объективного времени. Они делятся на:

а) синсемантические, опирающиеся на контекст, имеющие реляционное значение, точкой отсчёта для которых является временная форма глагола:

Nach ein paar Tagen war unser Kutter fertig für die Jagd.

Du fährst morgen früh zur Grenze. Mit neuen Papieren fährst du am folgenden Tag durch Polen nach Moskau;

б) автосемантические, имеющие абсолютное значение (называющие точное время, дату событий), которое согласуется с временной формой глагола:

Im Jahre 1284 liess sich zu Hameln ein wunderlicher Mann sehen.

Эти средства уточняют временную характеристику глагольного действия и выражают временное значение эксплицитно.

В тексте, однако, объективную временную характеристику несут не только глагольные формы и обстоятельственные слова. Имплицитно временное значение выражают очень многие словоформы, семантика которых связана с определёнными реалиями объективного мира и которые не имеют ярко выраженного временного значения, например:

Wir ruderten angestrengt und stiegen, als die Sonne sank, aufs Land der Zyklopen.

An den Hof war auch Siegfried, der Königssohn aus Xanten gekommen, der von der Schönheit Kriemhilds erfahren hatte und sie zu gewinnen suchte.

Ich war Quartaner, vierzehn Jahre alt, sass zu Hause und lernte Heimatkunde....

Во всех предложениях глагол употреблён в форме имперфект, но соотношение с объективным временем при этом разное. Первое предложение соотносит нас со временами подвигов Одиссея, второе – со временем Зигфрида, а третье – с недалёким прошлым.

Теория текста даёт возможность несколько по-иному подойти к содержанию категории времени глагола, соотнести её с конститuentами объективного времени в тексте. В центре поля времени находится грамматическая категория времени глагола, с которой взаимодействуют детерминанты объективного времени. Объективное время может быть выражено не только эксплицитно, но и имплицитно. Формы повествования – претеритум и презенс выступают как синонимы в текстовой характеристике, но по отношению к моменту речи, они всегда сохраняют свою специфику.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Weinrich H. Tempus. Besprochene und erzählte Welt. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994. - S. 244-246
2. Müller – Alfred T. Deutsche Grammatik.- Düsseldorf: ECON, 2007.-S. 120
3. Latzel S. Die deutschen Tempora Perfekt und Präteritum. – München: Iudicium, 2007. – S. 104
4. Schmidt, Wilhelm. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre.- Berlin: Volk und Wissen, 1995. - S. 209

Ачилов Музаффар Норкулиевич
(Бухара, Узбекистан)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

***Annatation:** This evolving direction of progressive linguistic aesthetics of knowledge and basic concepts for in-depth study of the French language.*

***Аннотация:** Развивающееся направление прогрессирующий лингвистической эстетики знаний и основные понятия для углубленного изучения французского языка.*

Вопросы словообразования занимают все более значительное место в лингвистической литературе. Как свидетельствуют данные научной литературы по словообразованию внимание лингвистов привлекает не только описание способов создания новых слов но и разработка общей теории словообразования. Результаты достигнутые в этом направлении значительны и привели к изменению положения словообразования в ряду лингвистических дисциплин. Так одни ученые его полностью относят к морфологии т.е. к грамматике, другие же исследователи к лексикологии, а третья группа ученых словообразованию отводят промежуточное место между этими двумя отраслями языкознания.

Следует признать, что словообразование, действительно, тесно связано и с грамматикой и с лексикологией. Связь словообразования с грамматикой можно объяснить тем, что изучение построения новых слов неизбежно затрагивает также и вопросы их строения т.е. вопросы морфологии. Естественно, изучение словообразовательных явлений и процессов не может происходить без учета грамматических категорий слов в них участвующих и сами словообразовательные суффиксы обычно являются одновременно показателями принадлежности производного слова к определенной части речи.

Для каждой части речи используются специфические для нее словообразовательные средства, например, имена существительные пополняются главным образом за счет суффиксального словообразования и основосложения.

Изучение структуры слова разложение его на корневую и аффиксальные морфемы составляют предмет морфологического или морфемного анализа. Морфологическое словообразование предполагает создание новых слов путем изменения формы уже существующих при помощи различных формальных средств по определенным словообразовательным моделям.

Связь словообразования с лексикологией-очевидное явление, поскольку изучение пополнения словарного состава? Кроме того словообразовательные форманты позволяют выделить группы слов не только по их грамматической принадлежности но и по лексико-семантическим признакам по принадлежности к определенным классам и разрядам.

Следует отметить, что новые слова создаются не только под влиянием изменений в окружающей действительности зачастую они создаются под влиянием внутриязыковых факторов. Под воздействием разных (**интра-и экстралингвистических**) факторов могут происходить изменения не только в степени активности моделей, но и в распределении их по сферам употребления (общенародная лексика и ее разные функциональные стили, специальная терминология и т.д.).

Таким образом *«словообразование тесно связано и с грамматикой и с лексикологией. Активное и плодотворное исследование проблем словообразования в последние годы позволяет выделить изучение словообразования в отдельную лингвистическую дисциплину, так как оно имеет дело с особыми закономерностями, оперирует своими понятиями и единицами.»*¹

Лексика языка непосредственно отражает реальную действительность изменения в развитии общества науки и техники и т.п. Основное назначение лексической единицы-функция наименования номинации. Каждое новое явление, открытие в науке, изобретение тех или иных машин, транспортных средств лекарств, предметов домашнего обихода-все это получает свои наименование, при этом, либо создаются новые слова и словосочетания, либо используются прежние слова в новом значении.

Новые слова создаются не только под влиянием изменений в окружающей действительности (**экстралингвистические факторы**) зачастую они создаются под влиянием внутриязыковых факторов, как например, служебные слова и частицы.

Изменение в лексике языка выражаются кроме того в старении и выпадении слов, что также обуславливается экстралингвистическими и внутриязыковыми факторами.

Французский язык обладает сложной и многообразной системой словообразовательных средств. Для каждой части речи используются определенные характерные только для нее способы словообразования. Новые лексические единицы создаются при помощи средств всех уровней языка-фонетического, морфемного, лексико-семантического и синтаксического.

Иногда используется несколько различных способов одновременно.

В зависимости от языкового уровня к которому относятся словообразовательные средства различаются три основных типа словообразования: фонетическое, морфологическое и семантическое.

При фонетическим словообразованием новые слова создаются путем звукоподражания (**напр: coucou**). Фонетическое словообразование служит также для создания междометий т.е.слов выражающих различные эмоциональные состояние (**напр: chut, pst u m.n**).

Морфологическое словообразование предполагает создание новых слов путем изменения формы уже существующих при помощи различных

---

¹ Маматов А. Э. Словообразование-объект грамматики или лексикологии? - Актуальные проблемы Русского словообразования. Сборник научных статей - Самарканд: Издательство Сам ГУ 2013. с. 3-5

формальных средств, по определенным словообразовательным моделям (**напр: *cendre-cendrier, porte+parole=porte-parole u m.п.***).

При семантическом словообразовании форма слова не изменяется, а изменяется лишь его значение или функция (**напр: *voler «летать»-voler «красить», passant-le passant u m.п.***).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Алешникова О. Д. Некоторые особенности современной французской фразеологии «Ученые записки МГПИИЯ» 1959, Т.
2. Алексеева Г. К. Корреляция значения и формы в словосочетании N de N современного французского языка. Канд. Дисс. М., 1971.
3. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. М.; 1959.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
5. Бенвенист Э. Общая лингвистика – М., 1974.

Ачилов Музаффар Норкулиевич
(Бухара, Узбекистан)

СУФФИКСАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ, ГЛАГОЛОВ И НАРЕЧИЙ

Annotation: *This article contains various linguistic explorations and word-formation parts of speech in the construction of suffixing nouns, adjectives, verbs and adverbs.*

Аннотация: *Данная статья содержит различные лингвистические изыскания и словообразовательные части речи в построении суффиксальных, прилагательных, глаголов и наречий.*

Отглагольные суффиксальные существительные могут обозначать действие или результат действия. Используются суффиксы **-tion (варианты -ation, -(is) ation, -(fic)ation, (fac)tion, (i) tion), например, deriver-derivation, unifier-unification и т.п.), -age,issage (assembler-assemblage; alunir-alunissage), -ment (changer-changement),-ure (blesser-blessure), -aide (glisser-glissade),-ance (esperer-esperance)**. Отглагольное существительное обозначает имя деятеля при помощи суффиксов **-eur, -euse (parler-parleur, taper-tapeur,deserter-deserteur, sculpter-sculpteur)**.

Отглагольное существительное обозначает орудие действия: **-oir,-oire (laminer-laminoire)**.

Существительные, образованные на адъективных основах, создаются при помощи суффиксов **-eur(bleuc,blanche-blancheur), -ie(barbare-barbarie), -esse(faible-faiblesse), -ude,-itude(exact-exactitude), -ise (bête-betise), -te, -ite (habile-habilete, banale-banalite), -isme (pendant-pendantisme, communiste-communisme)**.

Существительные, образованные на базе субстантивных основ, могут обозначать название профессий (**ferme- fermier, chapeau-chapelier**),сосуды, вместиллица (**cendre-cendrier**),плодовые деревья (**cerise-cerisier, poire-poirier**).

При помощи суффикса **-aire** создаются названия лиц (**fonction-fonctionnaire**),

при помощи суффикса **-iste** создаются производные существительные, которые могут функционировать и как прилагательные (**greve-greviste**).

Отыменные существительные могут иметь собирательное значение: (**colonne-colonnade**), **-aie (cerise-ceirsaie, rosier-roseraie)**.

При помощи суффиксов **-elie, -et, -etie, -elet, -elett, -lie** и др. отыменное существительное приобретает уменьшительное значение (**affiche-affichette, ruisseau-ruisselet и т.п.**). Суффиксы субъективной оценки могут присоединяться к одушевленным именам существительным, **например, суффикс -ard с уничижительным оттенком (riche-richard)**.

В научной терминологии широко употребляются от: именные существительные, образованные при помощи суффиксов греческого происхождения: **-te (branchite, larygite), -ose (nevrose), -ome (fibrome)**,

hematoma), -ides, (candes, ovides) u m.ð.

Суффиксальное образование прилагательных.

От глагольные прилагательные образуются при помощи **суффиксов -eur (flatter-fiatteur, charmer-charmeur), -abl –ible (manger-mangeable, laver-lavable, diviser-divisible) u m.n**

От именные прилагательные создаются суффиксами (**affaire-affaire), -u (barbe-barbu), -able (charite-charitable), -aire (banque-banquaire), -al (nationnnational), -el (culture-culturel), -esque (roman-romanesque), -eux,-euse (courage-courageux), -if,ive (crainte-craitife),-ien (terre-terrien), -in (argent-argentin), -i (route-routier),-ique (atome-atomique), -oire (illusion-illusoire)**)

От имен собственных прилагательные образуются при помощи суффиксов **-ais (Marseille-marsellais), -ain (Mtxique-mexicain), -een (Europe-europeen), -ien (Egypte-egiptien), -ite (Moscou-moscovite) u др. К одушевленным именам -существительным присоединяются суффиксы: -al (patron-patronal), -esque (clown-clownesque), -ier (prince-princier) u др**

Отадъективные прилагательные образуются при помощи суффиксов: **-ard (faible-faiblard),-asse(blond-blondasse),-atre (jaune-jaunatre), -aud (noir-noiraud),-et,-ette (propre-propret-propretai pauvre-pauvret-pauvrette) u др**

Суффиксальное образование глаголов.

Новые глаголы образуются от субстантивных, адъективных и глагольных основ.

Отыменные глаголы образуются путем присоединения к основе: суффикса –er при этом на стыке словообразующей основы и суффикса могут происходить морфологические изменения: **groupe-grouper, huile-huiler, serpent-serpenter, abri-abritier, tapis-tapisser, bouton-boutonner, aggression-agresser суффикса schema-schematise, tyran-tyraniser, суффикса –ifier code-coifier, plan-planifier, paix-pacifier.**

При парасинтетическом образовании глаголов к именной основе присоединяются одновременно суффикс **–er или –ir u префикс em- или a-: magasin-emmagasinер, u m.ð.**

Отадъективные глаголы создаются при помощи тех же суффиксов: **calme-calmer, fertile-fertiliser, militaire-militariser, grand-grandir u m.ð.**

Для образования отглагольных глаголов используются суффиксы, **-ailler (cr-ier-criailier),-asser (ecrire-ecrivasser, iever-revasser), -eter/oter (tacher-tacheter, bailor-basoter), (mordre-mordiller),-ocher (flaner-flanocheri) –onner (chanter-chantonner),-oyer (rougir-rougeoyer).**

Иногда, глаголы с перечисленными выше суффиксами; образуются непосредственно от субстантивных основ:**piano pianoter, larme-larmoyer u m.ð.**

Суффиксальное образование наречий.

Суффиксальное образование наречий происходит при помощи суффикса **–ment**, который присоединяется, к форме женского рода прилагательных, при этом на стыке основы и суффиксам ряде случаев происходят некоторые фонетические изменения: **clair-claire-clairement, juste-justement**, и т.д.

а) Народные суффиксы, которые выделяются в словах

непосредственно унаследованных из латыни: **-age, -ais, -ois, -aïson, -eau, -esse, -ien** и многие другие. К народным следует также отнести суффиксы **-ard, -aud** германского происхождения, которые пришли во французский язык через посредство народной латыни.

б) Книжные или ученые суффиксы, которые вычленились из слов, заимствованных из латыни: **-aire (лат. -arium), -al (лат. -alem), -at (лат. -atum) –ateur (лат. -atorem)** и многие другие. Сюда следует также отнести суффиксы греческого происхождения, которые в свое время были усвоены латынью: **-isme (греч. –ismos), -iste (греч. –istes)**.

в) Суффиксы, заимствованные из живых языков, из итальянского (**-esque, -oche, -asque**), провансальского (**-ade**), английского (**-ing, -er**).

г) Суффиксы французского образования, образованные либо путем сложения народных суффиксов, **например, -erie(-ier, -ie): cheval, chevalier, chevalerie**, либо путем усиления народного суффикса начальной согласной,

принадлежавшей ранее основе слова. Так, суффикс **-tier** извлечен из слов на

-ier, основа которых оканчивалась на **-t**, **например, fruit-ier, lait-ier**.

Суффикс **-tier** присоединяется к основам, оканчивающимся на гласную: **cafe-cafetier, bijou-bijoutier, clou-cloutier, echo-echotier, papier-papetier и т.п.**

Наиболее многочисленными являются суффиксы народного и ученого происхождения, значительное число которых образует дублеты, т. е. пары, восходящие к одному латинскому суффиксу, **например, -aïson и -ation от латинского –ationem, -e и -aterr латинского –atum, и т.п.** Различие в форме дублетных суффиксов объясняется тем, что в народных словах суффиксы подверглись действию фонетических законов и заметно изменили свой фонетический облик, книжные же суффиксы выделились из заимствованных латинских слов в более поздний период, когда действие указанных фонетических законов прекратилось. Поэтому книжные члены дублетных пар более похожи на соответствующие латинские суффиксы, чем их народные «родственники».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков). М., 1977.
2. Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – М., 1988.
3. Гурычева М. С. О закономерностях в словообразовании романских языков. «Вопросы языкознания». 1954.
4. Доза А. История французского языка. М., 1956.
5. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование – М., 1973.
6. Касарес Х. Введение к современной лексикографии. М., 1958.
7. Катагощина Н. А. Как образуются слова во французском языке. – М., 1980.

Бокарева М. А.
Бухарский государственный университет
(Бухара, Узбекистан)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНТЕРТЕКСТА В ДИСКУРСЕ РОМАНА Т. ТОЛСТОЙ «КЫСЬ»

В статье рассмотрены некоторые аспекты использования приемов интертекста в романе Т. Толстой «Кысь»

Роман Т. Н. Толстой «Кысь», написанный в стиле постмодернистской поэтики, является таким текстом, который содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам. В интервью Литературному кафе Т. Н. Толстая говорит: «...*Написать надо так, чтобы читатель не чувствовал, что его считают невеждой. А кроме того, желательно посмешить*».

Роман полностью литературоцентричен. Работая над книгой, автор использовала в качестве основы и отправной точки ранние произведения своего деда А.Н. Толстого, Андрея Белого, А.М. Ремизова, Ф. Сологуба и, конечно, "Историю одного города" М.Е. Салтыкова-Щедрина. Действие романа происходит в поселении Федор-Кузьмичьск (некогда – Москва); *"набольшего мурзу", творца всего сущего, в частности, всей прежней литературы русской, натурально, звать-величать Федор Кузьмич»* [1]. Настоящее имя поэта и прозаика Федора Сологуба было Федор Кузьмич Тетерников. Можно также провести аналогию от сологубовской "Недотыкомки" из романа "Мелкий бес" до твари-"кыси" из романа Т. Толстой. Щедринские "глуповцы", обыватели "города Глупова", напоминают персонажей книги Т. Толстой, а "глуповский летописец", в особенности, – главного героя романа Бенедикта, чьи описанные им самим приключения являются сюжетообразующими. «Кысь» можно трактовать как словесно-понятийный систему, состоящую из множества механизмов, причем в каждом есть дополнительные колесики [2, с. 160].

Рассмотрим наиболее типичные и яркие примеры использования Т. Толстой различных приемов и методов для создания специфической авторской интертекстуальности.

Интертекстуальность романа «Кысь» проявляется и в его апелляции к жанрам народного словесного творчества. Роман Т. Толстой представляет собой «энциклопедию фольклора»: сказки, заговоры, сказания, песни. Толстая создает особый сказочный мир. В тексте присутствуют различные виды фольклорного цитирования: образный, прямое цитирование, переделка фольклорного текста.

В тексте романа пересказаны сюжеты нескольких известных русских народных сказок: «Колобок», «Куручка Ряба», «Репка» с целью переосмысления и применения к реальной жизни Федор-Кузьмичьска.

Главная особенность этого мира в том, что фантастичное здесь плавно переходит в естественное, при этом, правда, теряя символ «чуда». Чудом же здесь является естественное для читателя. К примеру, в романе «необычные»

куры Анфисы Терентьевны были задушены жителями Федоро-Кузмичьска, хотя читатель понимает, что они-то были совершенно нормальны.

Один из таких легендарных образов – страшная Кысь, рассказ о которой создан как народная легенда, например, можно сравнить страшные рассказы о леших, водяных и прочей нечисти, которой изобилует русский фольклор: *«В тех лесах, старые люди сказывают, живет кысь. Сидит она на темных ветвях и кричит так дико и жалобно: кы-ысь! кы-ысь! – а видеть ее никто не может. Пойдет человек так вот в лес, а она ему на шею-то сзади: хоп! и хребтину зубами: хрусь! – а когтем главную-то жилочку нащупает и перервет, и весь разум из человека и выйдет»*.

Если же говорить о значении этого образа, некоторые исследователи считают, что Кысь – это сочетание всех низменных инстинктов в человеческой душе. Другие говорят, что Кысь – прообраз русской мятущейся души, которая вечно ставит перед собой вопросы и вечно ищет на них ответы. Не случайно именно в минуты, когда Бенедикт начинает задумываться о смысле бытия, ему кажется, будто к нему подкрадывается Кысь. Наверное, Кысь – что-то среднее между прообразом вечной русской тоски (а Кысь кричит в романе очень тоскливо, грустно) и человеческим невежеством.

Другой, не менее важный для романа образ – белая Княжья Птица Паулин: *«А глаза у той Птицы Паулин в пол-лица, а рот человеческий, красный. А красоты она таковой, Княжья Птица-то, что нет ей от самой себя покою: тулово белым резным пером укрыто, а хвост на семь аршин, как сеть плетеная висит, как марь кружевная. Птица Паулин голову все повертывает, саму себя все осматривает, и всю себя, ненаглядную, целует. И никому из людей от той белой птицы отродясь никакого вреда не бывало, нет, и не будет. Аминь»*.

Их образы как будто остаются за рамками основного сюжетного повествования, но упоминаются настолько часто, что можно понять: Кысь является нематериализованным воплощением бессознательных человеческих страхов, а Княжья Птица Паулин – отображением их надежд и подсознательной жажды красоты жизни.

Цитирование фольклорного текста – элемент создания особого стиля романа. Авторское переосмысление фольклорных образов, мотивов и сюжетов помогает раскрыть глубину поэтики произведения.

Художественное пространство в романе «Кысь» представляет собой плотный **прецедентный текст**, включающий в большей степени поэтические неатрибутированные цитаты, аллюзии и цитоны из произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, О. Мандельштама, А. Блока, М. Цветаевой, В. Маяковского, Б. Пастернака, С. Есенина, И. Анненского, Б. Окуджавы, Б. Гребенщикова и многих других.

Наиболее часто интертекстуальные взаимодействия в романе актуализируются в виде цитат и иного рода отсылок к текстам художественных произведений. Можно выделить несколько групп цитат в зависимости от источника:

Цитаты из художественных произведений:

<p>А.С. Пушкин: <i>«На всех стихиях человек – Тиран, предатель, или узник». Ни огня, ни темной хаты, Глушь и снег, навстречу мне Только версты полосаты Попадаются одне!</i></p>	<p>«Кысь», Т.Толстая <i>«А-а, брат пушкин! Ага! Тоже свое сочинение от грызунов берег! Он напишет, – а они съедят, он напишет, а они съедят! То-то он тревожился! То-то туда-сюда по снегу разъезжал, по ледяной пустыне! Колокольчик динь-динь-динь! Запряжет перерожденца да и в степь! Свое припрятывал, искал, где уберечь!»</i></p>
<p>Александр Блок:</p>	<p><i>«Кузьмич сочинил: О весна без конца и без краю! Без конца и без краю мечта! Узнаю тебя, жизнь, принимаю, И приветствую звоном щита! Только почему «звоном щита». Ведь щит-то для указов – деревянный».</i></p>
<p>Яков Полонский:</p>	<p><i>«От зари роскошный холод Проникает в сад, - сочинил Федор Кузьмич. Садов у нас, конечно, нету, это разве у мурзы какого, а что холодно, – это да... Проникает.»</i></p>
<p>Борис Пастернак:</p>	<p><i>«А вставляют его, день-то этот, в феврале, и стих есть такой: Февраль! Достать чернил и плакать!»</i></p>

Т. Н. Толстая часто использует цитату как *«точное воспроизведение какого-либо чужого фрагмента текста»*, но при этом полностью меняется смысл. Преобразование и формирование смыслов авторского текста и есть главная функция цитаты. Эта функция цитаты реализуется прежде всего за счет её комического переосмысления. В «Кыси» автором представленных «чужих» текстов является Федор Кузьмич. Большинство из них не имеют атрибуции, так как истинный автор строк не упоминается.

Цитаты из произведений устного народного творчества

В основном используются тексты сказок, поговорок и пословиц:

«Ежели икота напала, скажешь три раза: Икота, икота, Иди на Федота, С Федота на Якова, С Якова на всякого, - она и уйдет».

«Бенедикт сел за стол, поправил свечу, поплевал на письменную палочку, брови поднял, шею вытянул и глянул в свиток: что нынче перебеливать досталось. А достались «Сказки Федора Кузьмича». «Жили были дед да баба, – строчил Бенедикт, – и была у них курочка Ряба. Снесла раз курочка яичко, не простое, а золотое...» Да, Последствия! У всех Последствия!»

«Сел перебеливать новую сказку: «Колобок». Смешная такая история, ужаси. Этот колобок и от бабушки ушел, и от дедушки ушел, и от медведя, и от волка. По лесу знай себе катался. Песенки пел веселье, с прибаутками: «Я колобок-колобок, по амбару метен, по сусеку скребен, на сметане мешен, на окошке стужен!»

Одним из самых заметных семантических приемов в произведении становится **прием аллюзии**.

«На крюке непременно грязь от голубчика бывает: сукровица, али блевота, мало ли; а руки должны быть чистыми». Возможно, имеет

отношение к высказыванию Ф. Э. Дзержинского: «У чекиста должна быть холодная голова, горячее сердце и чистые руки» [3, с. 114].

«Кохинорскую слободу сначала думали от города особым забором отгородить, чтоб они к нам не совались, но потом еще раз подумали и постановили: не-а, ни пяди земли не отдадим».

Последние слова отсылают читателя к лозунгам Великой Отечественной войны, *«Лозунги «биться до последней капли крови» и «ни пяди земли врагу» имели в то время вовсе не отвлеченный характер»* [www.abcreferats.ru]. Первоначальный источник и лозунгов, и предложения из романа - слово ПЯДЬ, имеющее значение незначительной длины: «старинная мера длины, равная расстоянию между концами растянутых большого и указательного пальцев» [СЗТС 1998: 158] и употребляемое сегодня в выражении «ни пяди земли не уступить».

Аллюзии, встречающиеся в тексте романа, чаще всего **неатрибутированные**. По своей внутренней структуре построения межтекстового отношения они лучше всего выполняют функцию открытия нового в старом.

Такова реплика Никиты Иваныча: *«Но слово, начертанное в них, тверже меди и долговечней пирамид».*

В данной строке присутствует не один предтекст: в первой части фигурируют элементы стихотворения **М. Цветаевой «В черном небе – слова начертаны»** из цикла «Версты II», вторая – отсылает к нескольким авторам. В стихотворении М.В. Ломоносова находим: «Я знак бессмертия себе воздвигнул / Превыше пирамид и крепче меди».

В «Памятнике» Г. Державина присутствуют следующие строки: *«Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный / Металлов тверже он и выше пирамид».*

Список дополняют поэты: В.В. Капнист («Я памятник себе воздвигнул долговечный; Превыше пирамид и крепче меди он»), А.А. Фет («Воздвиг я памятник вечнее меди прочной / И зданий царственных превыше пирамид»), Тучков («Я памятник себе поставил / Превыше царских пирамид / Я имя тем свое прославил. / Его великолепный вид, / Который тверже меди зрится») и другие.

Особый интерес привлекает литературная аллюзия, содержащаяся в слове **«дубельт»**, в ней содержатся размышления автора о творчестве, таланте: *«Бенедикт постучал валенком по бревну. Звенит; древесина хорошая, легкая. Но плотная. И сухая. Хороший матерьял. – Дубельт? – спросил Бенедикт. – Кто?!?! Старик заругался, залпелвался брызгами, глазенки засверкали; чего взбеленился – не пояснил. Красный стал, надулся как свеклец: – Пушкин это! Пушкин! Будущий!...».*

Дубельт – это фамилия цензора Пушкина, который известен как свирепый гонитель русской литературы: требовал недопущения к печати сочинений А.С. Пушкина. То, что статую Пушкина делают из дерева под названием "дубельт" подчеркивает связь в русской культуре творчества и гонений, запретов. Это творчество "вопреки".

Выявление цитат и **реминисценций (неявных цитат)** необходимо для правильного прочтения текста, оно обнаруживает скрытые глубины в том, что

казалось простым, позволяет «расшифровать» то, что казалось загадочным или даже бессмысленным.

Повествователь использует в своем произведении многие виды реминисценций. Безусловно, в романе «Кысь» они приобретают иное смысловое значение, но так или иначе рассчитаны на память и ассоциативное восприятие читателя.

Что касается героев романа, то обильное количество реминисценций с ее разновидностями преобладает в речи Прежнего населения и начинает расти у Бенедикта после прочтения им литературной классики. То же можно сказать и о повествователе: повышение его культурного уровня можно проследить по частоте использования в своей речи крылатых фраз и строк из известных произведений русских литературных классиков (А.С. Пушкин, М. Булгаков, М. Горький, Н.А. Островский). Среди них дословные реминисценции: из молитв: «...*Отныне присно и во веки веков...*» «...*На веке веков, аминь*», из сочинений А.С. Пушкина: «...*Глаголем жечь сердца людей...*» «...*Чего тебе надобно, старче?*» и т.д.

Наличие в речи повествователя многочисленных реминисценций на произведение А.С.Пушкина свидетельствует о его начитанности, поэтическом вкусе и романтичности. Например, известные строки «*Без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви*» вызывают в памяти стихотворение **А. С. Пушкина «Я помню чудное мгновенье...»**.

Такие реминисценции дают понять читателю, что повествователь однозначно является современником, и у него существует определенная точка зрения на этот счет. Воспроизводятся самые различные элементы текста. Так, повествователь дословно цитирует целые фразы из произведений различных писателей, например, всем известные строки из стихотворения А.С. Пушкина «Без божества, без вдохновенья, без слез, без жизни, без любви», первые строки из стихотворения **Н. А. Некрасова «Тройка»** («*Что ты жадно глядишь на дорогу...*») и из стихотворения **Б. Пастернака «Достать чернил и плакать»**. Реминисценциями становятся и самые маленькие элементы текста. Словосочетание «болезнь в головах» является напоминанием булгаковской цитаты. А известная фраза А. Григорьева «*Пушкин – наше все*» приобретает у повествователя такую форму: «*Ты – наше все, а мы – твое*». Известная фраза из стихотворения А.С. Пушкина «Памятник» «*К нему не зарастет народная тропа*» появляется у повествователя в ином виде: «*Думал, не зарастет народная тропа, дак если не пропалывать, так и зарастет*».

Примером реминисценций, как невольного воспроизведения автором знакомой фразовой или образной конструкции из других литературных произведений, служит следующая фраза: «*С молчаливого согласия равнодушных как раз и творятся же злодейства*» (намек на слова Б. Ясенского «*Бойся равнодушных – они не убивают и не предают, но так с их молчаливого согласия существуют на земле предательство и ложь*»). Использование лексического повтора «*думу думает*», «*рисунки рисует*» и т.п. говорит, с одной стороны, о бедности языка повествователя, а с другой стороны, приводит к мысли о поэтическом характере повествователя, его языковом чутье и эрудированности.

Центонные тексты представляют собой целый комплекс аллюзий и цитат. В большинстве своем они неатрибутированы. Текст, составленный из вопросительных предложений, передает эмоциональное состояние главного героя: *«Что в имени тебе моем? Зачем кружится ветер в овраге? Чего, ну чего тебе надобно старче? Что ты жадно глядишь на дорогу? Что тревожишь ты меня? Скучно, Нина! Достать чернил и плакать! Отворите мне темницу! Иль мне в лоб шлагбаум влепит непроторный инвалид? Я здесь! Я невинен! Я с вами! Я с вами!»*.

Данный центонный текст представляет собой совокупность узнаваемых строк из различных стихотворений пяти известных авторов (Пушкин, Некрасов, Блок, Лермонтов, Пастернак).

Таким образом, интертекстуальность в романе «Кысь» является приемом создания художественных структур и инструментом анализа. Функциональная роль интертекстуальности состоит в специфической организации текстовой структуры, формы и стиля, в полифонизме, в смысловой открытости и множественности, в ориентации на культурный контекст. Художественное пространство «Кыси» представляет собой плотный прецедентный текст, включающий в большей степени поэтические неатрибутированные цитаты, аллюзии и центоны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Толстая Т. Н. Кысь: Роман. – Переиздание. – М.: Подкова, 2003.
2. Пономарева О. А. «Диалогизм» романа Т. Толстой «Кысь» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2007. – №20 – С. 160-165.
3. Фоменко И. В. Цитата // Русская словесность. – 1998. – № 1. – С. 73-80.

Джураева З. Р.
(Бухара, Узбекистан)

ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СТРУКТУРЫ КОНЦЕПТА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Аннотация: в данной статье сделана попытка представить концепт как единицу коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде. Исследуется структура компонента и определяются ее компоненты.

Ключевые слова: Концепт, концептуальная система, многомерность, язык, мир, фактуальный компонент, образный компонент, ценностный компонент

Summary: in this article the attempt to present a concept as unit of collective consciousness which is stored in national memory of native speakers in verbally designated look is made. The structure of a component is investigated and its components are defined.

Keywords: Concept, conceptual system, multidimensionality, language, world, faktualny component, figurative component, valuable component

Концепты, понимаемые как структурные единицы человеческого сознания, вызывают наибольший исследовательский интерес, так как именно они хранят совокупность знаний человека о тех или иных фактах действительности и являются частью национальной культуры. Поскольку люди большую часть информации об окружающем мире получают через зрительный канал, восприятие пространства становится ведущим в формировании языковой картины мира.

Концепты представляют мир в сознании человека, образуя концептуальную систему (концептосферу), а языковые знаки кодируют содержание этой системы. Концепты возникают в сознании человека в результате его жизнедеятельности, опыта, социализации, т.е. складываются, по утверждению З. Д. Поповой и И. А. Стернина, из: а) непосредственного чувственного опыта, т.е. восприятия мира органами чувств; б) предметной деятельности человека; в) мыслительных операций с уже существующими в его сознании концептами; г) из языкового знания, т.к. концепт может быть сообщен, разъяснен человеку в языковой форме; д) путем сознательного познания языковых единиц [4, с. 78].

Основными признаками и свойствами, характеризующими концепт и описанными рядом ученых, можно признать:

вербализованность (выраженность средствами языка). Однако вряд ли концепт может быть полностью описан, т.к., по справедливому утверждению Ю.С. Степанова, во всех "концептах мы можем довести свое описание лишь до определенной черты, за которой лежит некая духовная реальность, которая не описывается, а лишь переживается" [3, с. 13];

культурная и историческая *значимость* для носителей языка, которые понимают его в зависимости от особенностей менталитета и уровня

культурного развития [3, с. 15];

константность (постоянное присутствие в национальном сознании, национальной картине мира), которую глубоко исследует Ю.С. Степанов. Он предельно сближает понятия константы и концепта: "Константа в культуре - это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долго" [3, с.15];

универсальность (изначальная всеобщая причастность) концептов, которая рассматривается Д.С. Лихачёвым как нечто общечеловеческое: "Концепт - универсалия человеческого сознания" [2, с. 36]. В ментальном пространстве концепта универсальные знания занимают его ядерную зону;

субъективность, личностный характер концептов анализирует в частности Р.М. Фрумкина, указывая, что разные языки "концептуализируют" (т.е. преломляют) действительность по-разному, но за одним и тем же словом одного языка в умах разных людей могут стоять разные концепты".

способность концепта к развитию, его динамическая, неоднородная природа объясняется его историческим существованием [Степанов 1997; Никитин 2004]. В. И. Карасик рассматривает это свойство как эволюцию (словесное расширение) и инволюцию (смысловое сжатие) концепта [Карасик 2007, с. 178-188];

многомерность (сложное, неоднородное строение). В концепте можно выделить рациональное и эмоциональное, абстрактное и конкретное, универсальное и этническое, общенациональное и личностное [Маслова 2005, с. 36];

многокомпонентность концепта обусловлена его развитием как вглубь (исторически), так ивширь (смысловые репрезентации). На эту черту концепта особенно важно ориентироваться при анализе художественного текста [Бабенко 2004, с. 106];

диффузность (способность структурных элементов одного концепта быть строительным материалом другого, обеспечивая их взаимодействие) [Немец 2002, с. 32].

Большинство ученых согласно с тем, что концепт имеет определенную структуру, хотя и не может быть представлен так же четко, как значение слова. К настоящему времени исследователями предложены несколько методик описания структурной организации и изучения концепта, однако, бесспорно, эта задача остается весьма сложной, т.к. "никакой концепт не выражается в речи полностью", а "ни один лингвистический анализ не может выявить и зафиксировать все средства языковой и речевой репрезентации концепта в языке, - всегда что-то остается незафиксированным и, следовательно, неучтенным" [4, с. 14]. Представим краткий обзор некоторых из существующих моделей.

По утверждению Ю.С. Степанова, в сложную структуру концепта входит "все, что принадлежит строению понятия" и "все то, что и делает его фактом культуры", т.е. этимология, история, современные ассоциации [3, с. 43]. Концепт представляется исследователем в виде "слоистого" образования, содержащего актуальный (основной), пассивный (дополнительный, исторический) компоненты и внутреннюю форму (обычно не осознаваемую) [3, с.49].

В актуальном, "активном" слое концепт существует для всех пользующихся данным языком как средством взаимопонимания и общения. В дополнительных, "пассивных" признаках своего содержания концепт понятен только некоторым социальным группам. Внутренняя форма, или этимология, открывается лишь специалистам, хотя это не значит, что для носителей языка указанный слой содержания концепта вообще не существует: "он существует для них опосредованно, как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений" [3, с. 48].

С. Г. Воркачев выделяет в структуре концепта следующие семантические компоненты: предметную отнесенность, сведения о коммуникативной организации (парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи), прагматическую информацию, когнитивную память слова (смысловые характеристики языкового знака, связанные с его исконным предназначением и системой духовных ценностей носителей языка) и культурно-этнический компонент, отражающий языковую картину мира его носителей [1, с. 66].

Г. И. Берестнев, напротив, подчеркивает относительность структурированности концепта из-за диффузности и недискретности. "Концепт не имеет собственного специального плана выражения", поскольку значение слова, входящего в его синонимический ряд - лишь часть значения концепта, "никогда не доходящая до целого".

Достаточно часто в лингвистических исследованиях концепт получает полевое описание [Загороднева 2006, Маслова 2004, Новосельцева 2005, Тимошенко 2007 и др.]. В структуре концепта при таком подходе отражается смысловая иерархия. Исследователи выделяют ядро и периферию. Семантические признаки, составляющие содержание каждого из компонентов поля концепта, разграничиваются по критериям частотности, обязательности, эксплицитности/ имплицитности и др. Ядро концептуального поля составляют объективные семантические признаки, т.е. те элементы содержания базовых репрезентантов, которые закреплены в толковых словарях и несут в себе возможности для дальнейшего концептуального развития, кроме того, те смысловые приращения, которые отражают ментальные стереотипы нации, народа, а также семантические признаки, которые неоднократно представлены в художественном тексте, следовательно, выражающие авторское видение мира. Периферию концептуального поля - субъективные семантические признаки, возникшие в процессе концептуализации и связанные с объективными семантическими признаками ассоциативно.

Таким образом, концепт понимается как единица коллективного сознания, которая хранится в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде. Его структура обязательно включает фактуальный, образный и ценностный компоненты.

Концепты формируются в процессе познания мира и отражают информацию об этом мире. В процессе концептуализации у языковых единиц различного уровня (от слова до текста) появляются семантические приращения - объективные, развивающие значение слова, представленного в словаре, и субъективные, ассоциативно связанные с объективными приращениями в микро- и макроконтестах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании //Филологические науки. 2001. № 1.
2. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология / под ред. В. П. Нерознака. М., 1997.
3. Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие концепта в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999.

Джураева З. Р.
(Бухара, Узбекистан)

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В MORFOЛОГИЧЕСКОМ КЛАСТЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА

Аннотация: В данной статье рассматривается стилистическая нагрузка имен существительных как наиболее частотных репрезентантов морфологического уровня художественного текста.

Ключевые слова: части речи, имя существительное, стилистическая роль, морфологический уровень, средство языковой образности, категория падежа, имена собственные, количественная характеристика

STYLISTIC LOADING OF NOUNS IN THE MORPHOLOGICAL CLUSTER OF THE ART DISCOURSE

Summary: In this article stylistic loading of nouns as most frequency representant of morphological level of the art text is considered.

Keywords: parts of speech, noun, stylistic role, morphological level, means of language pictorialism, category of a case, proper names, quantitative characteristic

Выразительность грамматических средств обычно менее заметна, чем выразительность других пластов русского языка. Вместе с тем в произведениях многих писателей и поэтов можно найти яркие примеры выразительного использования средств грамматики, удачно употребленных в экспрессивных целях. Морфология ассоциируется с системой частей речи, каждая из которых выполняет определенную экспрессивную роль.

В предисловии к роману «*Пьер и Жан*» *Мопассан* писал: «Какова бы ни была вещь, о которой вы заговорили, имеется только одно существительное, чтобы назвать ее, только один глагол, чтобы обозначить ее действие, и только одно прилагательное, чтобы ее определить. И нужно искать до тех пор, пока не будут найдены это существительное, этот глагол и это прилагательное, и никогда не следует удовлетворяться приблизительным, никогда не следует прибегать к подделкам, даже удачным, к языковым фокусам, чтобы избежать трудностей» [1].

Ученых давно волнует, какие части речи встречается чаще всего литературных произведениях. Так, например, установлено, что на 500 знаменательных слов у *Куприна* приходится 77 глаголов, у *А. С. Пушкина* – 110, у *А.Чехова* – 127. В прозе *К. Симонова* на 500 слов приходится 170 существительных, 49 прилагательных, 73 местоимения, 11 глаголов, у *М. Шолохова* – 216 существительных, 77 прилагательных, 39 местоимений, 77 глаголов.

Еще интересны числа, говорящие о соотношениях между частями речи у того или иного автора. Выдающийся русский филолог *Б.Головин* писал: «*Лермонтов* видит и изображает мир, действительность в большом

разнообразии качественных характеристик, признаков, чем это делает Пушкин: в среднем у Лермонтова 39 имен существительных из каждых 100 получает признаки прилагательных, а у Пушкина таких существительных всего 25; значит, речь и мышление Пушкина предметнее, Лермонтова – «качественнее». Интересно и то, что соотношение «существительное и прилагательное» оказываются у Пушкина и М.Лермонтова статистически равными, что позволяет опровергать гипотезу об особой глагольности речевого стиля Пушкина» [4].

Таким образом, даже чисто количественная характеристика морфологической стороны текста писателя может многое рассказать об его индивидуальном почерке, стилистических пристрастиях.

Рассмотрим подробнее изобразительные приемы использования существительных. С морфологической точки зрения представляет несомненный интерес творчество А.Фета. Так, многие его стихи поражают отсутствием глаголов в тексте, которое не мешает автору передать динамику жизни:

Это утро, радость эта, Эти ивы и березы,
 Эта мощь и дня и света, Эти капли – эти слезы,
 Этот синий свод, Этот пух – не лист,
 Этот крик и вереницы, Эти горы, эти долы,
 Эти стаи, эти птицы, Эти мошки, эти пчелы,
 Этот говор вод. Этот зык и свист,

Эти зори без затмения,
 Этот вдох ночной селенья,
 Эта ночь без сна,
 Эта мгла и жар постели,
 Эта дробь и эти трели,
 Это всё – весна.

Прием безглагольности, нанизывания имен существительных, подкрепленных еще и указательным местоимением это, видим в стихотворении А.Фета «Утро, радость эта...». Внешний мир окрашивается настроениями лирического «я», оживляется, одушевляется ими. Концепт «весна» состоит из 36 существительных.

Среди лирических стихотворений А.Яшина по своей содержательной сути и манере поэтического исполнения выделяется стихотворение «Не просто слова» на первый взгляд довольно неприметное и негромкое. В стихотворении поэт говорит о важнейших обязанностях человека в обществе: о любви к Родине, дружбе, верности, чувстве ответственности за свои слова и дела перед другими людьми, своим добром имени и достоинстве. Он призывает не забывать, что они составляют основу моральных качеств настоящего человека независимо от должности, образования и профессии. И для выражения своих идей Яшин делает акцент на имени существительном:

В несметном нашем богатстве Совесть,
 Слова драгоценные есть: Честь...
 Отечество Ах, если бы все понимали,
 Верность, Что это не просто слова,

Братство Каких бы мы бед избежали.

А есть еще: И это не просто слова!

Итак, насыщение текста именами существительными может стать средством языковой изобразительности. Тем же целям служит и экспрессивное использование разных категорий имен существительных, например категории падежа. Так, конструкция с творительным сравнения придает особую живописность, непринужденность описанию. Сравните, к примеру, стилистические и смысловые различия выражений *петь щеглёнком* и *петь как щеглёнок*. Не случайно именно первый синонимический вариант (конструкцию с творительным сравнения) находим в басне И.А. Крылова «Скворец»: она лаконична и образна.

Какой-то смолоду Скворец

Так *петь щеглёнком* научился,

Как будто бы щеглёнком сам родился.

Одним из сильных изобразительных средств, которые тоже связаны с морфологической категорией имени существительного, является экспрессивное использование имен собственных. Пушкин блестяще использует внутреннюю форму имен собственных при сатирической зарисовке группы лиц:

С своей супругой дородной С детьми всех возрастов, считая

Приехал толстый *Пустяков*; От тридцати до двух годов;

Гвоздин, хозяин превосходный, Уездный франтик *Петушков*,

Владелец нищих мужиков; Мой брат, двоюродный, *Буянов*...

Скотинины, чета седая («Евгений Онегин»)

Глубоко выразительны «говорящие» фамилии в романах Ф. М. Достоевского. Неприятная фамилия *Смердяков* принадлежит персонажу, вызывающему отвращение у окружающих.

Тайна фамилии Карамазов раскрывается в романе самим писателем: «Ну, *Карамазов*, или как там, а я всегда *Черномазов*».

Как видим, здесь выделяются два корня: *кара-* (в переводе с тюркского «черный») и *маз-* («мазь, мазать»). Всех Карамазовых объединяет темное, черное начало.

Исследователи давно обратили внимание на необычное имя главного героя романа «Преступление и наказание»: создается впечатление рокошущего звука (ра-ра-ра: *Родион Романович Раскольников*). Но не только звуковые ассоциации породили это сочетание. *Раскольников* – «раскалывает» породившую его мать-землю, «раскалывает» родину (имя *Родион*), а если брать отчество, то вполне возможно прямое толкование: *раскол родины Романовых* (отчество: *Романович*) [3].

В комедии Грибоедова «говорящие» фамилии не только указывают на какой-то аспект характера героя, но еще и отсылают к теме человеческого общения - «говорению»:

Говорящая фамилия	Значение	Вид речевой деятельности
<i>Фамусов</i>	Молва	говорение
<i>Репетилов</i>	Повторение	говорение
<i>Тугоуховские</i>	Тугое ухо	слушание
<i>Скалозуб</i>	Скалить зубы	говорение
<i>Молчалин</i>	Молчание	слушание

Значит, имена героев значимы не только по отдельности, но и все вместе: они составляют важный символический ключ к пониманию проблематики «Горя от ума». Ведь это комедия о трудностях общения, именно поэтому сквозные мотивы в ней – глухота и непонимание.

Признанным мастером в области создания «говорящих» фамилий считается А. П. Чехов. Многие его образы, носящие ёмкие и меткие фамилии-характеристики дополнили золотой фонд прецедентных имён: Очумелов, Хрюкин, Елдырин, Червяков, Бризжалов, Отлукавин, Пришибеев, Ползухин.

№	Антропоним	Мотивировка	Рассказ
1	Ахинеев	Учитель чистописания. За полчаса всем гостям рассказал про себя сплошную ахинею.	«Клевета»
2	Вонючкин	Полицейский. А их в народе не любят	«В Париж!»
3	Гыкин	Гыкал на свою жену, называя её ведьмой	«Ведьма»
4	Самолучшев	Считает, что все вокруг плохие, а он самый лучший.	«Жалобная книга»
5	Дробискулов	Он ест очень много и быстро. И только за этим ходит в гости.	«Закуска»

Однако А. П. Чехов использует и более тонкий, завуалированный прием изображения. В рассказе «Попрыгунья» главный герой наделен безликой фамилией **Дымов**.

«На фоне людей, окружавших Ольгу Ивановну, *Дымов* казался чужим и незаметным, хотя он был высок ростом и широк в плеча».

Наделяя своего героя семантически невыразительной фамилией, Чехов как тонкий стилист прodelывает с этой фамилией следующее. В устах недалекой Ольги Ивановны, не способной понять внутреннее богатство мужа, эта фамилия звучит как имя, и фамилия приобретает обобщенный характер. Этим Чехов подчеркивает духовную убогость Ольги Ивановны.

В рассказе Чехова «**Страшная ночь**» фамилии говорят сами за себя: **Панихин, Трупов, Черепов, Упокоев, Погостов**. А.П.Чехов такими фамилиями наделил неслучайно, ведь они лучше помогают раскрыть тему рассказа.

Вместе с тем в русской литературе известно и немало имен собственных, которые воспринимаются как «хорошие, красивые»: *Онегин, Печорин, Ларина, Ленский, Ростов* и т.д., благодаря их эстетическому звучанию, благозвучию и благоприятным ассоциациям.

Таким образом, имена и фамилии многих героев не являются случайными. Раскрыть их значение – значит лучше понять замысел писателя.

Обратимся к другой категории имени существительного – к категории рода. Источником экспрессии является образное использование существительных мужского и женского рода при олицетворении.

Часто этот прием рассматривается на примере стихотворения М. Лермонтова «Листок». Контраст существительных мужского и женского рода, которые взяты за основу олицетворения **дубовый листок ↔ младая чинара**, создает яркую экспрессию. За этими образами мы видим

человеческие сложные взаимоотношения «мужского» и «женского» начал в жизни. Известны случаи, когда образность разрушается при переводе художественного произведения на другой язык. Так, Лермонтов, переводя стихотворение Гейне «Ein Fichtenbaum steht einsam» («Сосна стоит одиноко»), точно повторил название дерева – сосна. Но в русском языке это существительное женского рода, в то время как в немецком – мужского:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине *сосна*
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная *пальма* растет.

Вот почему в переведенном Лермонтовым стихотворении оказалось утраченным противопоставление образов мужчины и женщины, навеки разделенных непреодолимым расстоянием. Л.В. Щерба писал, что Г. Гейне «создал образ мужской любви далекой, а потому недоступной женщине. Лермонтов женским родом сосны отнял у образа всю его любовную устремленность и превратил сильную мужскую любовь в прекраснодушные мечты» [2]. Интересно, что другой поэт, Ф.И. Тютчев, стараясь сохранить авторский образ, в переводе того же стихотворения Гейне изобразил кедр одинокий, которому снится юная пальма.

Таким образом, имена существительные играют в художественных произведениях важную стилистическую роль.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. – М.: Флинта/ Наука, 2000.
2. Левушкина О. Н. Анализ стихотворения М. Ю. Лермонтова «Утес». Лингвокультурологический подход. – Русская словесность, № 4, 2007. С. 59-65.
3. Лингвистический анализ художественного текста. / О. Н. Панченко. – М.: Просвещение, 1988.
4. Рудяков Н. А. Основы анализа художественного текста. – Киев: Наукова Думка, 1989.

Жаббарова Малохат Хошимовна
(Бухара, Узбекистан)

ПРИЁМЫ НОМИНАЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ В. М. ШУКШИНА

Аннотация: В данной статье автор исследует состав антропонимов на материале рассказов В. М. Шукшина. В ней рассматриваются функции имен собственных в шукшинских рассказах, их структурная организация, дается подробный анализ антропонимических категорий и приводятся примеры. Исследуются дублетные имена, различные варианты антропонимических единиц в шукшинских рассказах.

Isayeva G. A.
(Bukhara, Uzbekistan)

In present article the author explores composition of anthroponyms in V. M. Shukshin's short stories. Functions of proper nouns in said short stories, their structure are reviewed and detailed analysis of anthroponymic categories and examples are given. Also, alternative names, different variants of anthroponymic units in Shukshin's short stories are examined.

Проблема изучения собственных имен в художественном тексте важна и актуальна.

И именно антропонимы, то есть имена, фамилии, прозвища и т.д., являются ядром ономастикона художественных произведений и составляют 50% от общего количества имяупотреблений. Подтверждением этого является творчество В. М. Шукшина, а именно сборники его рассказов, например, «Беседы при ясной луне». Ономастика Василия Шукшина широка и разнообразна. Она выделяется в современной литературе и даже на фоне писателей, близких ему по типу творчества (Виктор Астафьев, Василий Белов).

Изучение имен собственных в рассказах В. Шукшина до сих пор актуально, хотя проблематикой и поэтикой его творчества занимались такие ученые, как Михайлов В. Н., Бодрова Л. Т., Хисамова Г. Г., Зубкова Л. И и другие.

В. М. Шукшин придавал большое значение литературным антропонимам. Часто антропонимы входили в заголовок его произведений: роман «Любавины», рассказы: «Степка», «Несопrotивленец Макар Жеребцов», «Петя», «Операция Ефима Пьяных», «Дядя Ермолай», «Генерал Малафейкин», «Страдания молодого Ваганова», «Алеша Бесконвойный», «Мужик Дерябин», «Свояк Сергей Сергеевич», «Гринька Малюгин», «Ванька Тепляшин», «Артист Федор Грай», «Стенька Разин», «Вечно недовольный Яковлев», «Митька Ермаков», «Владимир Семеныч из мягкой секции», «Чередниченко и цирк», «Гена Пройдисвет» и другие.

Атрибуция персонажа Шукшина часто начинается с имени и фамилии, причём не так уж редко начинается с первой же строки рассказа. Типичный пример – рассказ «Ноль – ноль целых»: «Колька Скалкин пришёл в совхозную контору брать расчёт... Книжку должен был выдать некто Синельников Вячеслав Михайлович, средней жирности человек, с коротким

лоснящимся лицом, белобровый в белом костюме. Синельников был приезжий...»

Антропонимическая атрибуция главного персонажа может сопровождаться дополнительной характеристикой либо его социального происхождения, профессии, либо его внешнего облика, а иногда того и другого вместе, в результате чего сразу создаётся облик человека, где антропонимы уже неотделимы от персонажа, характеризуют его, создают дополнительные ассоциации в восприятии его читателем. Например, начало рассказа «Генерал Малофейкин»: «Мишка Толстых, плотник СМУ – 7, маленький, скуластый человек с длинными руками, забайкальский москвич, возвращался из гостей восвояси». Нельзя не обратить внимание на то, что в Восточной Сибири много фамилий с – ЫХ.

Антропонимы в тексте рассказов В. М. Шукшина выступают в качестве неперемного атрибута текста и настолько органичны, спаяны с этим текстом, настолько мастерски он ими пользуется, что каждая такая фраза представляется шедевром. Вот, например, как начинается рассказ «Залётный»: «Кузнец Филипп Наседкин – спокойный, уважаемый в деревне человек, беспрекословный труженик – вдруг запил. Да и не запил вовсе, а так – стал прикладываться. Это жена его, Нюра – Заполошная, это она решила, что Филя запил». С фамилией Наседкин ассоциируется домовитый, основательный человек, прозвище жены Нюры – «Заполошной» говорит само за себя, а включение наряду с официальным «Филипп» деминутивного «Филия» явно говорит об употреблении этого имени женой Нюрой.

О выборе фамилий Шукшиным имеется немало свидетельств. Первое, на что указали и читатели, и исследователи, – это совпадение многих фамилий персонажей с фамилиями жителей села Сростки Алтайского края. Это наблюдение подтверждают сами жители села [5]. Нельзя не обратить внимание на фамилию Вениамина Зяблицкого, прототипа рассказа «Мой зять украл машину дров»: «И фамилии у шукшинских героев – тоже наши, а некоторые, как, например, у Веньки Зяблицкого из рассказа «Мой зять украл машину дров» попросту взяты у их прототипов, жителей этих сёл» [6, с. 5].

Важное место в творчестве В. М. Шукшина принадлежит героям, носящим широко известное русское личное имя Иван, представляющее собой фонетически освоенный народной речью вариант канонического имени. Этот антропоним нередко употребляется вместе с его разговорным вариантом – полуименем Ванька. В семантике данного имени, соотносённого так или иначе с характером героя, писатель актуализирует определённые значения его «переносного употребления», в основу которого положены архетипические черты Ивана. «Ванька, пожалуй, забываться стал и даже имя его – всё реже и реже. Всё больше – Эдуарды, Владики, Рустики. Опять надежда на деревню: может, хоть там не забудут про Ивана. Иван на Руси славные дела делал! И землю пахал, и книжки писал. И песни складывал, и машины изобретал, и города строил. И не плохо!» («Монолог на лестнице»).

Несмотря на частотность повторяемых личных имён, выбор имени для Шукшина не был случайным. Он глубоко интересовался мотивами выбора имён в реальной жизни, их этимологией, функционированием. Поэтому не случайно в художественных произведениях писателя, в публицистике много

замечаний о личных именах: «у меня отец Макар. Я где-то прочитал, что Макар – это путевой». В рассказе «Упорный» он пишет: «Моня... Тут, между прочим, надо объяснить, почему — Моня. Его звали Митька, Дмитрий, но бабка звала его — Митрий, а ласково — Мотька, Мотя. А уж дружески переделали в Моню - так проще, кроме того, непоседливому Митьке имя это, Моня, как-то больше шло, выделяло его среди других, подчеркивало как раз его непосредственность и строптивый характер». Автор представляет не только варианты имени персонажа, но и описывает мотивы выбора той или иной ономастической единицы в антропонимическом ряду, степень соответствия словесного образа существующими у субъектов представлениями об именуемом объекте и некоторые другие моменты.

Шукшин, выражая свое собственное отношение к герою посредством его фамилии, является при этом выразителем мироощущения народа. Особая роль отводится в этом плане характеристике «античудика». Автор дает «античудика» имя, несочетаемое с фамилией. «Глеб Капустин был родом из соседней деревни и здешних знатных людей знал мало» («Срезал»). Глеб — имя праведника, а Капустин — ироническая фамилия. Это злостная шутка автора над героем. Поэтому можно объяснить поведение «античудика», оно связано с обидой на саму жизнь. То же самое можно было сказать о Брониславе Пупкове («Миль пардон, мадам!»). Жизнь обещана ему как Брониславу (претенциозно – пышное польское имя буквально означает «слава защите», «защитник», «воин»), а живет он как Пупков. Это расхождение литературной и бытовой семантики имён во многом определяет полемический подтекст рассказа, связанный с трагедией нереализованных возможностей талантливого человека. В этом плане, художественно – полемическом, имя героя очень часто у Шукшина В.М. – центр конфликта, полемики, зашифрованной дискуссии.

Таким образом, антропонимы в произведениях Шукшина оказываются функционально значимыми.

Во-первых, они определяются повторяемостью этих имен в реальной жизни, которую отобразил писатель.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Алухтина В. А. Проза В. Шукшина. М., 1986.
2. Вежбицка А. Дескрипция и цитация // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982.
3. Воробьёва И. А. Ономастический словарь по произведениям В. М. Шукшина // В. М. Шукшин. Жизнь и творчество. – Барнаул, 1989
4. Камышова О. А. Рассказы В. М. Шукшина и их место в творческих исканиях художника: Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., Современная советская «деревенская проза» и традиции фольклора (В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. М., 1986. С. 9
5. Творчество В. М. Шукшина // Проблемы, поэтика, стиль: Труды краевого музея истории литературы, искусства и культуры Алтая / Вып. 1 – Барнаул, 1991.
6. Шукшин В. М. Рассказы. Повести. – Москва: Дрофа, 2002.

Назарова Гулшод Ходжиевна
(Бухара, Узбекистан)

INGLIZ TILI PREDLOGLARI VA ULARNING O`ZBEK TILIDAGI MUQOBIL VARIANTLARI, ULARNING QULLANISHI

Annotatsiya: *E'tiboringizga havola qilayotgan ushbu ilmiy maqolada adabiy til zahmatkashlarining fikrlariga hamda ingliz tili materiallariga tayangan holda yordamchi so'zlar (predlog va ko'makchilar)ning ikkilamchi ma'nolarining nutqdagi ahamiyatini o'rganishga harakat qildik, chunki u ham nazariy, ham amaliy jihatdan dolzarb muammodir.*

Tayanch so'zlar: *predloglar, yordamchi so'zlar, old qo'shimchalar, leksik ma'no, ingliz tili predloglari.*

Annotation: *Before studying the work we tried to study works of plodders of literary language and English materials of auxiliary words (both prepositions and the assistant words), because it is actual problem in both theoretical and practical view of point.*

Key words: *prepositions, auxiliary words, pre-supplementary, lexic meaning, English language prepositions.*

Аннотация: *В статье рассматриваются вопросы изучения актуальной проблемы предлогов, вспомогательных слов английского языка*

Ключевые слова: *предлоги, вспомогательные слова, приставки, лексическое значение, предлоги английского языка*

Chet tilini qiyoslash orqali o'rganish bevosita milliy tillarga, mazkur holda o'zbek tiliga qilinadigan tarjimani yaxshilash, qiyoslama grammatika bo'yicha fundamental asarlar yaratish uchun negiz tayyorlash eng muhim mavzularni asta-sekin ishlab chiqish lozim. Ingliz tili predloglari yordamchi so'zlardan biri bo'lib, gap qurilishida zarur bo'lgan leksik-grammatik kategoriyadir.

Predloglarni chuqur o'rganmasdan turib o'zlashtirilgan so'zlarni to'g'ri ishlatish va gapni to'g'ri tuzish mumkin emas. Ingliz tilidan o'zbek tiliga to'g'ridan to'g'ri tarjima qilish asosida talaba ingliz tilida mumkin bo'lmagan gap tuzishi mumkin.

Predloglar (old qo'shimchalar) mavzusi ayniqsa tillarda grammatik kategoriya sifatida predlog mavjud bo'lmagan millatlar vakillari uchun g'oyatda qiyinchilik tug'diradi. Masalan ko'p tillilik sharoitida (ingliz va rus tillarida predlog bor, o'zbek tilida esa predloglar yo'q).

Biz ingliz predloglari bilan ularni o'zbek tilida ifodalashining turli vositalari o'rtasidagi aloqani aniqlash g'oyatda muhim deb bildik.

Turli millatlarning nazariy mulohazalari, shuningdek o'z kuzatishlarimiz shundan guvohlik beradiki, ingliz predloglarining leksik ma'nosi mustaqil leksik birliklar ma'nosidan ba'zi hollarda muayyan darajada aniq bo'lishi boshqa hollarda esa o'zga shaklga kirishi (turlanishi) mumkinligi bilan farqlanadi. Ushbu farqlarga qaramay, predloglar o'z mustaqil ma'nosiga ega ekanligini e'tirof etmaslik mumkin emas.

Ingliz tilining barcha predloglarini keng ko'lamda qarab chiqish vazifasini qo'ymadik. Chunki bir ish doirasida predloglar bilan bog'liq barcha masalalarni yoritib bo'lmaydi.

Shuning uchun biz ingliz tili predloglarining o'zbek tili muqobilligini ko'rib chiqishda 10 ta oddiy: **at, by, for, from, in, of, off, on, through, to** predloglarini tadqiq qildik.

Biz sanab o'tgan predloglar oddiy va birlamchi predloglardir, ular chamasi hali umuman Hind-Yevropa tili -o'zak tildayoq tabaqalashmagan holda ravishlar, predloglar va nisbatan mustaqil fe'l old qo'shimchalari sifatida ishlatilgan keng ma'noli elementlardan kelib chiqqan va nafaqat boshqa german tillari, balki o'zga Hind-Evropa tillari lotin, qadimgi grek, rus tillarining birlamchi predloglariga qarindoshdir.

Tahliliy, grammatik vositalar rolini bajaradigan yordamchi so'zlar har ikkala tilda umum-tipologik vosita hisoblanadi.

Qiyoslanayotgan tillarda yordamchi so'zlarga ingliz tilida bog'lovchilar, yuklamalar, modal so'zlar, predloglar o'zbek tilida ko'makchilar, kelishik qo'shimchalari kiradi. Garchi predlog va ko'makchilar so'z birikmalari holda gaplarda mustaqil ma'noli so'zlar o'rtasidagi sintaktik munosabatlarni ifodalaydigan yordamchi so'zlar hisoblansa, muayyan predlogning ma'nosi har doim ham muayyan ko'makchining ma'nosi bilan mos tushavermaydi.

Predloglarga o'zbek tilida funksional jihatidan nafaqat ko'makchilar, balki boshqa vositalar ham muvofiq kelishi mumkin. Shu sababli o'zbek talabalariga ingliz predloglarini to'g'ri ishlatishga o'rgatish juda mushkul. Predloglar kategoriyasi o'zbek tilida yo'qligi uchun ularning ma'nosini talabalariga faqat ona tili yordamida yetkazish mumkin.

Hozirgi ingliz tilining tuzilishini qarab chiqsak, ingliz tili mutaxassislari odatda uning asosan tahliliy (analitik) tusdaligini ta'kidlaydilar. Ko'rsatilgan tizim zamonaviy tillarning hammasida ham bor; deb bo'lmaydi. "Bir tilni boshqa tildan talab qilish deyarli bema'ni bo'lgan tarzda bajarishi mumkin yoki tilning kamchiligi (o'zbek tilida predlogning yo'qligi) umuman olganda uning afzalligi (agglutinatsiyasi) bilan farqlanadi."

Turkiy tillarda shu jumladan hozirgi o'zbek tilida ham gap qismlari o'rtasidagi sintaktik aloqa asosan kelishiklar shakli affiks (qo'shimcha) vositasida amalga oshiriladi.

Kelishik-hozirgi o'zbek tili grammatik tizimining murakkab bo'limlaridan biri. Kelishik gapda yuzaga keladigan va mazkur so'zning boshqa so'zlarga nisbatan sintaktik munosabatlari bilan belgilanadigan ot shaklidir. Gap bo'laklari o'rtasida aloqa funksiyasini bajarib, kelishik shakli o'z ma'nosida ko'makchilar gapda so'z birikmasining tarkibiy qismlari o'rtasida sintaktik munosabatlarni ifodalaydigan nutq qismi bilan to'ldirilishi va aniqlashtirilishi mumkin.

Ko'makchilar odatda ular tegishli bo'lgan nomdan keyin ishlatiladi. Shu sababli "predlog+nom" ingliz birikmasida o'zbek tilida ko'pincha "nom+ko'makchi" muvofiq keladi.

Masalan: through the wood-o'rmon oralab.

Shuni ta'kidlab o'tish kerakki, yuqorida ko'rsatilgan mualliflarning yordamchi so'zlar (ingliz pedloglari va o'zbek ko'makchilari) xususida fikri(ikkalasi ham so'z birikmalari va gaplarda mustaqil ma'noli so'zlar o'rtasida sintaktik aloqalarni bajaradi)

asosan mos tushadi.

Predlog va ko`makchilarning makon-zamon ma`nosiga oid materialda ularning tarkibiy tavsifi ham na o`zbek tilida, na ingliz tilida bajarilgan.

Shu sababli biz tadqiq qilinayotgan tillardagi yordamchi so`zlar tavsifiga to`xtalishni lozim deb hisoblaymiz. Bizga ma`lum ta`riflarga suyangan holda yordamchi so`zlarga quyidagi ta`rifni beramiz.

O`zbek tilida ko`makchilar va kelishik qo`shimchalari asosan gapda so`zlarni bog`laydi xolos, ingliz tili predloglari esa xuddi shunday aloqalarni ifodalash bilan birga so`z birikmalarida ham chiqishi mumkin.

Chunonchi prof. A. N. Kononov o`zbek tilida ko`makchilarning ikki guruhga ajratadi. Ko`makchi yuklama va ko`makchi otlar deb ataydi. Ko`makchi yuklamani muallif, o`z navbatida: a) mustaqil leksik ma`nosini tamoman yo`qotgan so`zlar (kabi, uchun); b) mustaqil leksik va yordamchi-ko`makchi ma`noga ega leksik-grammatik omonimlarga (burun, boshqa, ko`ra, qarab) bo`ladi.

Ko`makchi otlar makonni ko`rsatadigan otlarning o`zidir (ust, tag, old, orqa). Ular uch shaxsga mansub — bo`lgan qo`shimchalari hamda jo`nalish, o`rin-payt va chiqish kelishiklari qo`shimchalari bilan ta`minlangan.

Prof. A.N. Kononov ikkala guruh mohiyatan bir-biridan farqlanadi va shu sababli ular alohida-alohida ko`rib chiqish kerak deb hisoblaydi.

Masalan: bilan, uchun, kabi, singari yordamchi so`zlar sintaktik funksiyalariga ko`ra yon, tag, ost yordamchi so`zlaridan tamomila farq qiladi. "Agar birinchi guruhdagi so`zlarning o`z ma`nosi, odatda faqat ular oldida turgan so`zga bog`liq holda amalga oshirilsa va ular ko`pincha kelishik qo`shimchalari o`mini bosib, ularga funksional jihatdan yaqinlashsa, ikkinchi guruhdagi so`zlar esa o`z mustaqil ma`nosini to`lakamiga saqlab qoladi, ya`ni o`zi kelishik qo`shimchalarni qabul qiladigan va o`zining leksik ma`nosiga bog`liqligida kelishik ma`nosi bilan birikuvda turli makon munosabatlarini ifodalash uchun xizmat qiladigan to`la salmoqli so`z bo`lishida davom etadi".

A.N. Kononov tomonidan ajratilgan o`zbek «ko`makchilarining ikki toifasi, bizningcha, ularning vazifasini g`oyatda aniq belgilab berar va ulardan ingliz predloglariga muqobillarini aniqlash vazifamizni yengillashtiradi.

Predloglar ingliz tilida erkin va tobe holatda ishlatiladi. Predloglarni tobe holatda ishlatishga ikki bo`lakli ob`ektiv so`z jo`nalish kelishigi qo`shimchasi -ga beshta predlogga (in, on, by, to, for) tushum kelishigi qo`shimchasi -ni oltita predlogga (in, on, to, by, for, through) mos keladi.

Xususan ona tilidagi so`z bo`lagining ingliz tilida butun bir qancha muvofiqligini anglash uchun ancha katta qiyinchilik tug`diradi.

How many minutes are there in a quarter of an hour?

Chorak soatda qancha minut bor?

Mazkur gapda are, in, a, of, an talabaga tushunarsiz. Uning ona tilisida yordamchi fe`l, predlog, artiki mavjud emas. Ularning qaysi biri predlog ekanini u qiyinchilik bilan o`zlashtiradi, ba`zan esa bilmaydi ham, inglizcha gapni predloglar bilan bezatish zaruratini his qilmaydi, yoki aksincha, ba`zi ingliz gaplarida predlog yo`q (look round) o`zbek tilida esa kelishik qo`shimchalari talab qilinadi. (Atrofga qara). O`zbek talabalarining ingliz predloglaridan foydalanishi mahoratini tajriba yo`lida tekshirilganda predloglarni o`zlashtirishda talabalarining yuqori darajada natijalarga erishishda quyidagi omillar to`sqinlik qilayotganligiga ishonch hosil qildirdi.

a) o`zbek talabalariga ingliz predloglarini o`qitishda ilmiy ishlab chiqilgan uslubiyat mavjud emas.

b) talabalarning ona tilisi o`ziga xos xususiyatlarini hisobga oladigan maxsus darsliklar yoki o`quv qo`llanmalari mavjud emas.

v) o`zbek talabalar bilan ishlaydigan o`qituvchilar talabalar ona tilisining grammatik xususiyatlarini qoniqarli bilmaydilar uning kuchli ta`siriga qarshi kurasha olmaydilar.

Predloglar kategoriyasi o`zbek tilida yo`q, ularning ma`nosini talabaga faqat ona tili yordamida yetkazish muayyan ko`nikmalarni hosil qilishni hisobga olgan holda amalga oshiriladi.

Masalan so`zlashuv maishiy nutqda badiiy, ilmiy - publistik matnri tushunishda (tarjimada) yoki o`qituvchi va talabaning sa`yi harakatlari aniq maqsadga erishishda qayd etilishi kerak.

Adverbial birikmalarda predloglarning mustahkamlanish darajasi ancha kam.

Ingliz predloglari o`zbek tilida yagona morfologik muvofiqlikka ega emas. Agar o`zbek ko`makchilarining soni va ular har birining aniq ma`nosi ingliz predloglarining soni va ma`nosiga to`liq muvofiq kelganda edi, farq faqat so`z tarkibiga bog`liq bo`lib qolardi.

Lekin gap shundaki, o`zbek kelishik qo`shimchalari va ko`makchilar ingliz predloglariga qaraganda ancha oz. Shu sababli predloglarga o`zbek tilida nafaqat ko`makchilar va kelishik qo`shimchalar, balki ba`zi bir so`z yasovchi qo`shimchalar (-cha, -gacha, -li, -lab, -siz) va bayon aylanmalari funksional jihatdan muvofiq keladi.

Masalan **at** predlogi "yon" ko`makchisiga ya`ni ma`lum so`zga muvofiq keladi. Biroq bu yordamchi so`zlarning o`rni ingliz va o`zbek tillarida turlicha: **at the table - stol yonida** so`ngra "yon" ko`makchisi faqat bir ma`noda, predmetni ko`rsatish uchun foydalanilganda **at** predlogiga muvofiq keladi. Biroq bu ko`makchi joy ma`nosida about, by, near predloglariga muvofiq keladi.

Aytilganlardan xulosa chiqarish mumkinki predloglar muayyan ma`noda o`zbek tilidagi muayyan qo`shimcha ko`makchi yoki boshqa vositalarga muvofiq keladi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR:

1. Admoni V. G. Основы теории грамматики.-М. -Л. « Наука» 1974.
2. Aksenenko B. N. Предлоги в английского языка. -М., 1976.
3. Aliyeva S. Ko'makchi otlar sinonimikasi. Toshkent. 1971.
4. Arakin V.D. О превращении лексических единиц в аффиксальные морфемы / Научные доклады высшей школы. Филологические науки, 1959, № 4.
5. Axmanova O. S. О семантической классификации предлогов. М.-1958.

Таирова М. Х.
(Бухара, Узбекистан)

О НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. КАМЮ ПОСТОРОННИЙ. ЧУМА. БРАКОСОЧЕТАНИЕ В ТИПАСА

Аннотация: В данной статье речь идёт о трёх наиболее известных произведениях Альбера Камю, значение абсурда в этих произведениях.

Summary: In this article it's referred to the three most famous works of Albert Camus, meaning of absurd in these works

Альбер Камю (Albert Camus) – крупнейший французский писатель, драматург, эссеист, один из основоположников философии экзистенциализма, левый интеллектуал, лауреат Нобелевской премии, участник французского Соппротивления.

Он родился в 1913 году во французском Алжире на ферме «Святой Павел» в предместье небольшого городка Мондови. Отец писателя погиб в начале Первой мировой войны в битве на Марне, мать работала уборщицей.

В студенческие годы Камю по совету старших вступил во Французскую компартию, однако вскоре был исключен из нее за приверженность идеям «алжиризации Алжира». Выход из компартии не умерил его общественного пыла. В 1936 году Камю возглавил Алжирский Театр Труда, объединивший левую молодежь; много писал для местной левацкой газеты «Республиканский Алжир», требуя изменить к лучшему положение арабского населения страны.

В это время Камю увлекался эстетикой абсурда. В 1940 он переехал в Париж и устроился техническим секретарем в желтую газету «Пари-Суар», однако из-за капитуляции Франции вернулся в Алжир (Оран). Еще раньше он пытался попасть на фронт, но был выбракован из-за туберкулеза. В 1941 Камю закончил «триптих абсурда»-эссе «Миф о Сизифе», пьесу «Калигула» и роман «Посторонний».

«Посторонний», действие которого происходит в Алжире, стал одной из первых культовых книг нового поколения французской молодежи. Книга о герое, который ни добр, ни зол, ни нравствен, ни безнравствен, но твердо решил отказаться от лжи. Это решение, конечно же, оборачивается бедой. «Посторонний» описывает наготу человека лицом абсурда», - так определяет свой замысел автор. Эта книга до сих пор остается мировым бестселлером. По ее мотивам написано несколько безумных рок-композиций, роман постоянно цитируют юные бунтари, а в 2000 большинство опрошенных лондонскими социологами английских мужчин (политиков, журналистов, преподавателей, бизнесменов, студентов и школьников) назвали «Постороннего» «главной книгой, изменивший их жизнь».

В 1942 году Камю возвращается во Францию, вступает в подпольную группу Соппротивления «Комба», возглавляет одноименную газету. Идеальным прикрытием для подпольной деятельности стало издательство «Галлимар», сотрудником которого Камю был всю оставшуюся жизнь и где вышли

основные его произведения.

Действие главного романа Камю-«Чума»-также происходит в Алжире. Герои романа – жители небольшого алжирского города (в котором в 1940 жил и сам Камю). Они замедленно живут своей немного шизанутой жизнью и не понимают, что делать, когда именно на них свалилась эпидемия чумы, отрезавшая пути в мир. Описание эпидемии дано медицински точно, так же, как и психологически точно описано отчаянье перед смертельной опасностью людей, которых беда обычно обходила стороной.

Роман выходит из печати после войны и сразу делает Камю одним из ведущих авторов своего времени. «Чума»-антифашистский роман; «в некотором смысле, - нечто большее, чем хроника сопротивления, но и не меньшее», - поясняет Камю в письме Ролану

Барту, и в другом месте уточняет: «Все борются, каждый на свой лад. Трусость – только в том, чтобы встать на колени». Этой позиции анархического гуманизма Камю стойко придерживался всю свою жизнь, хотя утыкался постоянно при этом в вопрос пределов бунтующего человека. «Что меня действительно интересует, так это чем можно руководствоваться в жизни, когда мы не верим ни в Бога, ни в разум». Именно Камю ввел в политический оборот понятие «пространство диалога», бывшее для него краеугольным.

На несколько лет это понятие стало лозунгом анархо-синдикалистского движения, нацеленного на организацию «реальной дружбы народов», минуя отвратительных глав национальных государств. Хотя Камю до конца жизни сотрудничал со многими анархистскими группами по всему миру, а некоторые из них даже материально поддерживал, вопрос пределов бунта стал для него наиболее принципиальным вопросом жизни. В своем «Бунтующем человеке» Камю категорически отверг террор, что привело к его разрыву со многими своими коллегами и соратниками, прежде всего – с Сартром. Камю любит Алжир и не собирается от него отказываться только потому, что он белый.

Одна из важнейших вещей Камю-эссе «Бракосочетание в Типаса»-пронзительный рассказ о том, как взрослый Камю посещает места своего солнечного детства в Алжире. «Едва мы делаем несколько шагов, польнь берет нас за горло...»

В 1954, через два года после разрыва с Сартром, началась Алжирская война, ставшая личной трагедией Камю. Он видел выход в диалоге между двумя общинами: черноногими (алжирскими французами, к которым он сам относится) и мусульманами. Левые интеллектуалы, для которых победа Фронта Национального Освобождения Алжира означала окончательное уничтожение колониализма видела в Камю предателя. «Гуманист в нем, - писала подруга Сартра Симона де Бовуар, - уступил черноногому».

Сам Сартр в это время занимался организацией финансирования алжирского вооруженного сопротивления. А Камю говорил: «Я верю в справедливость, но я буду защищать свою мать прежде всякой справедливости»; «Если кто-то продолжает героически настаивать на том, что пусть лучше погибнет мой брат, чем исповедуемый мною принцип, то я могу лишь на расстоянии восхищаться им. Сам я человек иного склада». После 1958, когда стало ясно, что примирение в Алжире невозможно, Камю не

касаясь этой самой болезненной для него темы. Террор в Алжире, развязанный левыми, несколько раз мутировал, но не прекращён до сих пор. Сегодня мировое общество пытается разрешить «алжирскую проблему» по «переговорным» рецептам Камю.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Camus A. L'Etranger. La peste. – Moscou. Edition du Progres, 1969
2. Андреев Л. Г. Французская литература. – Изд-во московского университета, 1959

Шукурова Нигора Шавкатовна
(Бухара, Ўзбекистан)

INGLIZ TILI FONETIKASIGA KIRISH (FONEMA, TOVUSH, BO'G'IN, INTONATSIYA, OHANG)

Annotatsiya: *Ushbu maqolada ingliz tilida fonetika va fonologiyaning o'rni har bir fonetik qismlarda alohida olib o'rganilgan. Unda asosan tilning fonetik tuzilishi tipologik tahlil qilingan.*

Kalit so'zlar: *fonetika, fonema, fonologiya, tovush, intonatsiya, ohang, tipologiya, prinsip.*

Summary: *In this article was written about English phonetics and phonology and its importance to language structure. Here mainly the phonology of English analyzed deeply.*

Key words: *phonetics, phoneme, phonology, voice, intonation, tone, typology, principles*

Fonologik sathda tipologik tadqiqot olib borilganda qiyoslanayotgan tillarning nafaqat fonemalar tarkibidagi o'xshash va farqli tomonlari, balki bu tillar fonologik sistemasining tuzilish prinsiplaridagi farqli va o'xshash tomonlari ham inobatga olinsa maqsadga muvofiq bo'ladi. Bu borada A.A. Reformatskiy (1970, s. 510) shunday yozadi: "Biz ona tili va o'rganilayotgan tillarning alohida ajratilgan tovushlarini emas, balki sistemadagi butun bir fonetik kategoriyalarni qiyoslaganimizda, har bir fonetik sistemaning o'ziga xos xususiyatga ega ekanligiga ishonch hosil qilamiz. Bu hodisa har bir tilning asosiy xususiyatlaridan biri – idiomatik xususiyatga, ya'ni har bir tilning takrorlanmas individual sistema ekanligidan dalolat beradi. Idiomatiklik grammatikaga ham, leksikaga ham xos bo'lish bilan bir qatorda fonetikaga ham xosdir. Bu xususiyat esa har bir tilning o'ziga xos milliyligini ta'minlaydi".

Haqiqatdan ham, tilning idiomatik xususiyati fonetikada yaqqol namoyon bo'ladi.

Ingliz tili fonetik sistemasida rus tili fonetik sistemasiga nisbatan umumiy belgilar bilan bir qatorda anchagina farqli tomonlari ham mavjud. Ingliz tili o'zining vokalizm xususiyati bilan ajralib turadi: unililar sistemasi 21 fonemadan – 12 ta monoftong va 9 ta diftongdan tashkil topgan. Rus tili unililar sistemasi oddiyroq: rus tilida oltita unli fonema mavjud, xolos. Ammo ushbu ko'rsatgich barcha slavyan tillariga tegishli emas. Slavyan tillari fonetik sistemasida sohasida olib borilgan tadqiqotlar ular orasida vokalizm xususiyatiga ega bo'lgan til ham mavjud ekanligini ko'rsatadi. Bu serb-xorvat tilidir (O.I. Dikushina, 1952).

Unli tovushlar artikulyatsiyasi murakkab jarayon bo'lib, u bir necha nutq organlarining holatiga bog'liqdir. Buning natijasi o'laroq, unli fonemalar sistemasida bir qator qarama-qarshiliklar kelib chiqadi.

Jadval 1. Tilning gorizontol holatiga ko'ra unililar klassifikatsiyasi

Unililar	Ingliz tili	Rus tili
Old qator unililar	i: i e æ	и э
Orqa qator unililar	u: o: o a: ʌ ʊ	о у
O'rta (aralash) qator unililar	ə ɜ:	а ы

Ingliz tilida tilning gorizontol holatiga ko'ra unililar old, orqa va o'rta qator unililariga ajratiladi (O.I. Dikushina, 1952); tilning vertikal holatiga ko'ra pastki (ochiq), yuqori (yopiq) va o'rta ko'tarilish unililariga ajratiladi. Bundan tashqari, ingliz tilida unililar miqdoriy belgilar, ya'ni cho'ziqlik va qisqalik hamda turg'unligi (o'zgarimasligi) bilan ham farqlanadi: turg'un artikulyatsiyaga ega bo'lgan unililar – monoftonglar diftonglarga qarama-qarshi qo'yiladi.

Ingliz tilida lablashgan va lablashmagan unli fonemalar unchalik rivojlanmagan.

Yuqorida ko'rib chiqilgan birinchi ikki xususiyat rus tilida ham kuzatiladi. Unda old qator unililar orqa qator unililar bilan qarama-qarshi qo'yilgan. Aralash unililar qatoriga keladigan bo'lsak, rus tilida hosil bo'lish usuliga ko'ra ingliz tili aralash qator unli fonemalariga yaqin turadigan o'rta qator unli fonemalari mavjud.

Jadval 2. Tilning vertikal holatiga ko'ra unililar klassifikatsiyasi.

Unililar	Ingliz tili	Rus tili
Yuqori ko'tarilish	i: i u: ʊ	и ы у
O'rta ko'tarilish	e ɜ: ʌ ə	э о
Pastki ko'tarilish	æ a: o: o:	а

Shunday qilib, ko'tarilishlar va qatorlar sonini ham ikki til uchun qaysidir darajada universal belgilar deb hisoblash mumkin.

Rus tilida unililarning cho'ziqlik-qisqalik fonologik kategoriyasining yo'qligi uning asosiy farq qiluvchi belgilaridan hisoblanadi. Unililarda uzun yoki qisqa cho'ziqlik hodisasi rus tilida ma'no ajratuvchi belgi hisoblanmaydi. Ingliz tilida esa bu hodisa so'zning ma'nosini o'zgartirib yuboradi.

Masalan: pool [pu:l] – ko'lmaq va pull [pul] – tortmoq; port [pot]- port va pot [pot] – tuvak; leave [li:v]- biror joyga ketmoq va live [liv]- yashamoq; fool [fu:l] – ahmoq va full [ful]- to'la; cart [ka:t]- arava va cut [kʌt] – kesmoq.

Eslatib o'tish joizki, rus tilida unli fonemaning cho'ziqligi emfatik vosita sifatida qo'llaniladi.

Taqqoslanayotgan tillarning yana bir farqli tomonlaridan biri rus tilida artikulyatsiyaning turg'unligiga ko'ra unli fonemalarni qarama-qarashi qo'yish holati uchramaydi; boshqacha aytganda, rus tilida ingliz tilidan farqli o'laroq, diftonglar yo'q. Shunday qilib, ingliz tiliga xos bo'lgan unli fonemalarning to'rt oppozitsion tipidan rus tilida atigi ikki tipigina mavjuddir. Lekin lablashish hodisasi ko'proq rus tili unli fonemalariga xos. Shuning uchun ular lablanganlik va lablanmaganlik oppozitsion xususiyatiga ega.

Rus tili undoshlar sistemasini ingliz tili undoshlar sistemasiga qaraganda anchagina murakkabdirdir. Chunki unda oppozitsiyaning soni ko'proq kuzatiladi. Ingliz tilida undosh fonemalar soni 24 tani tashkil qilib, ular jaranglilik-jarangsizlik, hosil bo'lish usuli, hosil bo'lish o'rni, artikulyatsion organi, shovqin va ovoznangiz ishtiroki kabi belgilar asosida farqlanadi.

Bundan tashqari, qattqlik va yumshoqlik xususiyatiga ko'ra taqqoslash rus tili undoshlariga xosdir. Bunda palatilizatsiya semantik ma'no kasb etadi. Chunki so'z o'z tarkibida yumshoq yoki qattiq undoshga ega bo'lishiga ko'ra turli ma'no anglatadi. Masalan: пыл – пыль, кон-конь, трон-тронь.

Palatilizatsiyaga uchragan undoshlarning mavjudligi rus tili fonetik sistemasining o'ziga xos xususiyatlaridan biridir. Undoshlarning palatilizatsiyaga uchrashi ingliz tiliga xos emas. Ko'rib chiqilayotgan tillarda undosh fonemalarni taqqoslashdan kelib chiqib, har bir tilda o'ziga xos xususiyatga ega bo'lgan fonemalar mavjud ekanligini xulosa qilish mumkin. Ular quyidagilardir: ingliz tili uchun δ , θ , h , w , d , n ; rus tili uchun ζ , x , p . Ingliz tili undoshlarining asosiy farq qiluvchi xususiyatlaridan biri bu so'z oxirida kelgan undoshning qanday talaffuz etilishidadir. Ingliz tilida so'z oxirida kelgan jarangli undoshlar o'zlarining jaranglilik xususiyatini yuqotmaganligi bilan rus tili jarangli undoshlaridan farq qiladi. Qiyoslang: ingliz tilida bed [bed], big [big]; rus tilida столб [столп], зуб [зуп].

So'z oxirida kelgan jarangli undoshning noto'g'ri talaffuz qilinishi ma'no buzilishiga olib kelishi mumkin. Masalan: feet [fi:t]- oyoqlar va feed [fi:d]- ovqatlantirish; neat [ni:t] – ozoda va need [ni:d] – muhtoj bo'lmoq; dog [dog] – kuchuk va dock [dok] – dok.

Ingliz tili jarangsiz undoshlari so'z oxirida ham o'z xususiyatlarini yuqotmaydi. Ingliz tilidagi m , n , η burun sonor tovushlari rus tilidagi m va n tovushlariga qaraganda anchagina jarangliroqdir. Ayniqsa so'z oxirida qisqa unidan keyin kelgan paytda, ular cho'ziqroq talaffuz qilinadi, masalan: [roŋ:], [soŋ:], [dʌn:], [dim:]. Qisqa unidan keyin kelgan ikkinchi jarangli undosh jaranglilikicha qoladi: [soŋ:z], [θiŋ:z], [sʌm:z], lekin зонд [зонт], ринг [ринк].

Ingliz tili undoshlarining yana bir farqli tomonlaridan biri rus tilida t , d , n , l undoshlari til orqa-tish holatida talaffuz etilsa, ingliz tilida m , d , n , l undoshlari tanglay oldi holatida talaffuz etilishidadir. Shunday qilib, taqqoslanayotgan tillarning undosh fonemalar sistemasi o'rtasida universal belgilarga nisbatan ko'proq farqli belgilarga ega ekanliklarini ko'ramiz.

Nutqda tovushlar bir-biriga ta'sir etib, artikulyatsiyada turli xil o'zgarishlar keltirib chiqaradi. Har bir tilda ushbu turdagi o'zgarishlarni amalga oshiradigan o'z qonunlari mavjud. Ulardan asosiylari akkomodatsiya (fonetik adaptatsiya) va assimilyatsiya (fonetik o'xshatish) jarayonlarida amalga oshadi.

Akkomodatsiya unililar va undoshlar o'rtasida sodir bo'lib, yonma-yon kelgan tovushlar artikulyatsiyasining qisman moslashuvi bilan belgilanadi. Hozirgi rus tili, masalan, unilarning yuqori darajada adaptatsiyalanish xususiyatiga ega ekanligi bilan xarakterlanadi (Taqqoslaymiz: мал-мял, рад-ряд, лук-люк, мил-мыл). Ingliz tili uchun esa adaptatsiyalanish xususiyati unchalik xos bo'lmaganligi sababli o'quvchilar ko'pincha uni payqamaydilar. Masalan, [I]dan oldin kelgan [e]ning ancha ochiq talaffuz qilinishi – [fel], [I]dan oldin kelgan [u:]ning talaffuzi– [nju:] sezilmaydi va hokazo.

Assimilyatsiya ikkita unli yoki ikkita undosh o'rtasida sodir bo'ladi. Assimilyatsiya to'liq yoki qisman, regressiv yoki progressiv bo'lishi mumkin. Assimilyatsiya hamma tillarga xos bo'lsada, har bir tilda turlicha amalga oshiriladi. Qiyoslanayotgan tillarda assimilyatsiya ko'proq undoshlar o'rtasida sodir bo'ladi.

Ingliz tilida assimilyatsiyaning ikki turi ham faoldir: progressiv assimilyatsiya - what's this [wots ðis], va regressiv assimilyatsiya – newspaper [nju:speɪpə]. Aytish

joizki, undoshlarning progressiv assimilyatsiyasi ko'proq uchraydi.

Rus tilida esa, aksincha, regressiv assimilyatsiya ko'p kuzatiladi. Ayniqsa undoshlarning jaranglilik va jarangsizlik xususiyatlariga ko'ra assimilyatsiya keng tarqalgan. Masalan: rus. сдал [сдал], под стулом [пат ступльм], ложка [лошкь]. Ingliz tilida o'xshash assimilyatsiya uchramaydi: a big table so'z birikmasini [ə big teibl] tarzida talaffuz qilamiz. Lekin ingliz tilida rus tilidagi singari so'zlar birikkanda [s-J] va [z-J] tovushlari ketma-ket kelsa, regressiv assimilyatsiya sodir bo'lishi mumkin. Masalan, ingliz tilida does she iborasi [dʌʃʃi] tarzida talaffuz qilinadi. Bundan tashqari, rus tilida undoshlarning palatizatsiyalanishi bilan bog'liq bo'lgan assimilyativ o'zgarishlar sodir bo'ladi: rus. гвозди [гвоз'ди], зонтик [зон'тик].

Shunday qilib, o'rganilayotgan va ona tillar nutqida tovushlarning tabiatida sezilarli darajada tafovutlar kuzatiladi. Ingliz tili talaffuziga o'rgatishda bunday o'zgarishlarga alohida e'tibor qaratish kerak bo'ladi.

Bo'g'inning mohiyati va chegarasi kabi masalalar fonetikaning asosiy masalalaridan biri hisoblanadi. Bo'g'in odatda ikki jihatdan farqlanadi: fiziologik va akustik. Fiziologik jihatdan bo'g'in tashqariga ma'lum bir kuch bilan chiqarilayotgan havo yordamida talaffuz qilinadigan bir yoki bir necha tovushdan iboratdir. Akustik jihatdan esa bir tovush boshqa tovushlarga nisbatan o'zining jarangliliigi bilan ajralib turadi.

Odatda unli fonemalar monoftonglar ham diftonglar ham bo'g'in yasaydi. Rus tilida bo'g'in, asosan, unli fonemalarsiz mavjud bo'lmaydi. Lekin ingliz tilida bo'g'in yasashning farqli tomoni shundaki, unli lardan tashqari l, n, ba'zi holatlarda m o'zining oldidan kelgan undosh bilan bo'g'in yasashi mumkin. Masalan: table [tei-bl], garden [ga:-dn], rhythm [ri-ðm], curtain [kɜ:-tn] va hokazo. Rus tilida so'z oxirida kelgan bo'g'in tarkibida ikki undosh qo'llanilishi mumkin. (rus. Вопль, песнь, жизнь). Lekin undosh bo'g'in yasovchi hisoblanmaydi.

O'z tuzilishiga ko'ra bo'g'inlar ochiq (bo'g'in hosil qiluvchi tovush bilan tugaydigan) va yopiq (bo'g'in hosil qilmaydigan tovush bilan tugaydigan) bo'g'inlarga ajratiladi: кни-га, де-ре-во, там, бан-тик.

Shu narsani esda tutish kerakki, ingliz tilidagi cho'ziq monoftong va diftonglar yopiq bo'g'inida ham ochiq bo'g'inida ham uchraydi: be [bi:], beat [bi:t], may [mei], mine [main]. Qisqa unlihar esa, ba'zi birlaridan tashqari, faqat yopiq bo'g'inlarda keladi: lot [lot], book [buk], cup [kʌp].

Yopiq bo'g'in ko'proq ingliz tili uchun xarakterlidir. Amalga oshirilgan statistik tahlil taqqoslanayotgan tillarda ochiq va yopiq bo'g'inlar nisbati haqida aniq xulosa qilishga imkon beradi.

Material yig'ish (hozirgi ingliz va rus yozuvchilarining asarlaridan 2000 tadan so'z olindi) uzluksiz, yalpi tanlash metodi asosida olib borildi (yuklamalar, predloglar, bog'lovchilar, artiklar hisobga olinmadi). Ochiq va yopiq bo'g'inlarning o'rtacha ishlatilish chastotasini aniqlab, ingliz tilida ochiq bo'g'in 63%, yopiq bo'g'in 37 %ni tashkil etishi aniqlandi. Rus va ukrain tillarida esa teskari holat kuzatildi: ochiq bo'g'inlar 66 va 73 %ni, yopiq bo'g'inlar esa 34 va 27 % ni tashkil qildi.

Olingan so'z formalardagi bo'g'inlar sonini sanash taqqoslanayotgan tillarda qanaqa bo'g'in tuplari mavjudligi haqidagi savolga javob berishga imkon yaratdi. Ingliz tili ko'proq bir bo'g'inli so'zlardan tashkil topganligi aniqlandi. Ingliz tilida har bir 100 ta so'zga 56 ta bir bo'g'inli so'z to'g'ri kelsa, rus tilida esa ularning soni 10 taga to'g'ri keladi. Taqqoslashda qulaylik yaratish uchun bir, ikki, uch, to'rt, besh va

undan ortiq bo'g'inli so'zlarning tillarda o'rtacha ishlatilish chastotasi jadvalini keltiramiz.

Jadval 3. Bo'g'in turlariga ajratish

Tillar	Bo'g'inlar soni					
	1	2	3	4	5	6
Ingliz tili	55,6	30,1	11,0	2,7	0,6	-
Rus tili	10,1	38,0	29,5	15	5,7	1,7

Shunday qilib, aytish mumkinki, ingliz tilida yopiq bo'g'inlarning katta salmoqqa ega ekanligi unda bir bo'g'inli so'zlarning ko'pligidandir. Rus tilida esa bu aksincha bo'lib, ikki va uch bo'g'inli so'zlar sonining ko'pligi unda ochiq bo'g'inli so'zlar sonining ko'pligi bilan izohlanadi. Qiyoslanayotgan tillarda bo'g'inlar xarakteri bilan so'zlarning uzunligi o'rtasida o'zaro bog'liqlik borligi kuzatiladi.

Tipologik nuqtai nazardan bo'g'inga ajratish usullarini taqqoslash ham katta qiziqish uyg'otadi. Odatda bo'g'inga ajratilganda bo'g'in chegarasida undosh harf turadi: ingl. later [lei-tə]; rus. no-ro-да. Bo'g'inga ajratishda so'zning orfografik ko'rinishini emas, balki uning aniq zarb bilan aytilishini ham hisobga olishimiz kerak. Rus tili uchun bo'g'inga ajratishning asosiy qonunlaridan biri – bu ko'tariluvchi ohang bilan aytilish qonunidir. Ya'ni, bo'g'indagi tovushlar kuchsiz zarb bilan aytiluvchilardan kuchli zarb bilan aytiluvchilarga qarab joylashadi. Masalan: rus: па-трон, ма-сло, кар-та, вой-на.

Ingliz tilida esa so'zlarni bo'g'inga ajratishda unilarning cho'ziqlik va qisqaligi bilan bog'liq boshqacha vaziyat kuzatiladi. Bo'g'inning fonetik chegarasi cho'ziq unidan keyinga o'tib, undan keyin kelgan undosh yangi bo'g'in hosil qiladi. Agar unli qisqa bo'lsa, u holda undosh ushbu unliga qo'shilib keladi. Taqqoslaymiz: farmer [fa:-mə], water [wo:-tə], ruby [ru:-bi], boozy [bu:-zi], naughty [no:-ti], forty [fo:ti], lekin funny [fʌn-i], body [bod-i], busy [biz-i], city [sit-i], money [mʌn-i], letter [let-ə]. Yuqoridagi birinchi holatda avval ochiq bo'g'in, keyin esa yopiq bo'g'in yasalyapti.

Rus tilida bunday holatlarda ochiq bo'g'in keladi: rus. во-да, си-то, ре-ка, мя-та.

Rus tilida bo'g'in chegarasi unidan keyin, undoshdan oldin o'tadi. Ushbu hodisa taqqoslanayotgan tillarda bo'g'in tuzilishidagi asosiy farqlar hisoblanadi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO'YXATI:

1. Abduazizov. A. O'zbek tili fonologiyasi va morfologiyasi. - T.; "O'qituvchi", 1992. - B. 134
2. Abduazizov. A. Tilshunoslik nazariyasiga kirish. - T.; "Shapq nashriyot-matbaa aksiyadorlik kompaniyasi bosh tahririyati", 2010. - B. 175
3. Abduazizov. A. Fonostilistik vositalarning o'rganilishiga doir. "O'zbek tili va adabiyoti". - T.; 1985. №2. 24-28 - B.
4. Азнаурова Э. С. Очерки о стилистике слова. -Т.; "Fan", 1973.

Khusanova Munis Ozad qizi
Uzbekistan state world languages university
(Tashkent, Uzbekistan)

COGNITIVE ASPECT OF FOREIGN LANGUAGES TEACHING AND LEARNING

It is apparent that every student learns in a personal way that is different from others. The differences in learning were found in learning styles, or through the unique features that each student possesses when they engage in the study, in the performance of tasks or in solving cognitive problems. The concept of learning style is now a very disputable topic because it runs contrary methodologies that highlight more aspects of the students' personality such as social interactions, emotional skills and attitudes. Other criticisms of the concept stem from considerations about the inaccurate theoretical substrate and the lack of effectiveness in teaching.

The importance of learning styles is that it serves as a system of teaching that allows multiplying the results achieved rather than a simple sum of the results of every teacher and every learner. It requires thorough knowledge of the students who attend classes, particularly learning styles. This is not to assess the merits or attributes but to understand in what way the students that we face, "work": what are the preferred sensory pathways (auditory, visual, kinesthetic, visual-auditory, auditory-kinesthetic, all three together), what are the prevailing modes of information processing (analytical-sequential, synthetic-global, by inference, by induction, by divergent or convergent), which are the languages most efficient (verbal, body-gestural, body-verbal, graphic, reading and writing etc.). A host of students appear passive, showing a low level of participation. They have the sense of exclusion or inadequacy than teachers, classmates or even disciplines. Knowing their own cognitive processes and learning styles can help students understand that their sense of helplessness is not due to incapacity or personal difficulties but methods which are not fully responsive to their styles.

Meta-cognition is also an efficacious tool for the enhancement of excellence, their knowledge and skills, their professional life in future. Benefits of teaching are based on the styles of learning possessing two advantages: on the one hand allows students to understand how significantly they learn (meta-cognition), making them safer, more motivated and more active; the other side is an incentive for teachers to customize the educational action so as to be of interest to all students, according to their preferential styles. Alternative effective solutions to difficulties encountered in implementing the daily teaching action can be found in the systematic methodology of the teaching. A majority of teachers believe that the customization of teaching requires a serious commitment that cannot always be done. It should be noted, however, where the difficulties of the didactic seem to be insurmountable, personalized instruction allows to implement a teaching more effective, less expensive and far more rewarding for both teachers and pupils. What is certain is that an individual teacher cannot and should not face this type of teaching in isolation.

The personalized didactic refers to a specific programming for each student and a consequent individualized teaching. This reference does not always correspond to the truth, but be exact only in cases of children with functional diagnosis, specific learning disabilities or with a serious social, economic, linguistic

or cultural disadvantage. For "normal" pupils, however, the customization of teaching is achieved through actions and the diagnostic evaluation (the so-called entry test) which is made at the beginning of each school year. If pupils know their learning styles, it provides a chance for teachers to understand how they learn (meta-cognition), make them safer, more motivated, more active and participatory. It offers the opportunity to enhance learning in school and personal study at home. For teachers to know the learning styles of the students is a stimulus to the customization of the didactic so as to be of interest to all students, according to their preferred styles. Every student is different from the others in terms of their cognitive skills, knowledge, strategies, motivation and learning styles, but it does not mean that one is better than another.

Learning styles indicate the strategy or strategies mainly used in learning, and they define how the students and we all learn. Cognitive aspect of the learning style is an individual subjective matter which refers to the "black box", the mind learns, without putting emphasis on socio-relational aspects. It is not related to different levels of intelligence and abilities, but how we use that intelligence and ability.

Hence, learning requires from students to know and adopt their style, to have experience with different styles, to recognize the characteristics of the task and the material that is most appropriate to use one style over another.

In a broader sense, learning style refers to how people interpret, distinguish, and process knowledge and context. It is defined as the "composite of characteristic cognitive, affective, and physiological factors that serve as relatively stable indicators of how a learner perceives, interacts with, and responds to the learning environment" (Keefe, 1979). It is commonly known that people learn and process information in different ways. Some people prefer to learn by listening or reading, others prefer to work with other people in the group, or solve their problems by themselves representing preferences and methods of different learning styles. It is also important to underline the fact that when a person identifies one preferred learning style, the person will be motivated to adopt the best attitude to learn.

Three major sensory receivers, namely visual, auditory and kinesthetic assist to determine the prominent learning style. "It is based on modalities – channels by which human expression can take place and is composed of a combination of perception and memory" (Constantinidou and Baker, 2002). These three modalities enable learners to receive and learn new information or experiences.

According to modality theorists, teachers should deliver information utilizing all three styles which provides learners with the chance to become involved no matter whether they are visual, auditory or kinesthetic learners.

Learning style: Visual

The favorite is the visual sensory channel. Students learn better with visual images, visual diagrams, videos, drawings and tables, it tends to display images representing the topics covered. The visual memory is more pronounced than verbal. The process of information is proceeding by mental images to accomplish a task by following visual instructions.

These types of learners possess two sub-channels, namely linguistic and spatial. The learners possess the former sub-channel are keen on learning via

written language. They can easily remember what they have written down without reading it at least once. The latter sub-channel learners find written language difficult to comprehend and prefer doing charts, demonstrations, videos and alternative visual materials. To combine this learning style into the learning atmosphere it would be better to:

- utilize graphs, charts, illustrations or other visual aids;
- comprise outlines, concept maps, agendas, handouts, etc. for reading and taking notes;
- comprise much content in handouts to reread after the learning session;
- leave white space in handouts for note-taking;
- provide questions to help them stay awake in lectures;
- highlight key points to signal when to take notes;
- add textual information with examples if it is possible;
- let them draw pictures in the borders.

Learning style: kinesthetic

It is a cognitive style characterized by movement, from being active. Many details come from muscles, tendons, joints, tactile sensations, thermal and dolor touch, and movements. As visual style, kinesthetic also has two sub-channels: kinesthetic (movement) and tactile (touch). Both during the reception of stimuli and storage, the kinesthetic are active, they need to move, and in communication they tend to gesticulate a lot. In the lectures they take note just for moving their hands. In reading they first scan the material quickly to obtain the gist of it and then they read it for getting detailed information. To combine this learning style into the learning atmosphere it would be better to:

- implement activities that get the learners up and moving;
- play music during activities whenever it is suitable;
- utilize colored markers to highlight key points on white boards;
- provide frequent stretch breaks;
- give toys such as balls which allow them something to do with their hands;
- give high lighters, colored pens and/or pencils;
- give directions to learners through a visualization of complicated tasks.

Learning style: auditory

Auditory learners prefer talking to themselves (moving their lips and reading out loud). They find reading and writing tasks more complicated. They are excellent at interacting with colleagues or tape recorders. To combine this learning style into the learning atmosphere it would be better to:

- commence new material with a short description of what is coming. Give a summary of what has been covered. This is the old adage of “tell them what they are going to learn, teach them, and tell them what they have learned” (Constantinidou and Baker, 2002);
- utilize the Socratic method of lecturing by giving questions learners and then fill in the gaps with your own responses;
- combine auditory activities, such as brainstorming, buzz groups, or jeopardy;
- allow the learners verbalize the questions;
- set an inner dialogue between yourself and the learners.

Sometimes people utilize more than one learning style, or they should change the way according to the situation in which the material is located. In Finland, it was noted that many students prefer certain styles and are disinclined to embrace the new, which may be adapted to particular situations because of fear, lack of motivation, or reluctance to work hard.

Nowadays, trends in changing and improving the learning style are critical. In Italy, the traditional organization of education aims to promote listening and writing activities, favoring only students with visual and auditory learning skills. Kinesthetic learners whose necessity of movement is always penalized, with negative consequences in the learning phase do not take benefits from doing these types of activities. Thus, it is significant to introduce some activities directed to all kinds of learners (visual, auditory and kinesthetic) in different ways.

In all European countries, the approach to learning styles is widely used in the field of knowledge of a foreign language, while in other areas it is almost unknown or has only recently been taken into consideration. Moreover, Scotland has used many learning styles, but the style is one of Visual, Aural, Read/write, and Kinesthetic sensory (VARK) methods is more familiar. However, the learning styles are mostly used in the services of the students and are not part of a curriculum based on learning cycle. Some educators find them useful, but there are studies – as those published by *'Times Educational Supplement'* (TES) - the leading British publication about primary education, secondary and further.

It is assumed that the learning styles of the models are relatively stable, and that consist of appropriate strategies and educational approaches. Learning styles are widely identified in different areas and ways. The researchers found that the most important factor that influences learning is represented by the knowledge and perception that the student possesses (Ausubel 1968; Hakkarainen, Lonka & Lipponen 2004). Some researchers have found that the motivation and the process of information are fundamental. The learning outcome is better when the student plays an active role (Biggs 1991; Entwistle 1988; Lindblom-Ylänne et al. 2001).

Learning is a complicated phenomenon which intervene related factors. The teacher cannot influence the personal factors of the student. The role of the teacher is to create a suitable and friendly environment which is applicable to different styles of the students. (Lindblom-Ylänne et al. 2001; Lonka 1997).

As educators, we have to consider and recognize how to reach all students' levels and know how to present information in a variety of ways. Students can be helped effectively, both in and outside the classroom, if the teacher and students are aware of their learning styles before groped to teach or learn new skills.

As a student, it is important to be aware of their learning preferences in order to adapt the various techniques even when the information and the instructions do not coincide with the preferential style.

REFERENCES:

1. Harker M., Koutsantoni D. Can it be as effective? Distance versus blended learning in a web-based EAP programme// ReCALL, 2005.
2. Krashen S. D. Principles and practice in second language acquisition. - Oxford, Pergamon. 1982.
3. Marshall H. W. Three reasons to flip your ESL classroom. Bilingual Basics. 2013.

Khusanova Munis Ozad qizi
Uzbekistan state world languages university
(Tashkent, Uzbekistan)

INNOVATIVE TRENDS IN FLT

Nowadays we can say that innovative era has come; there is a rapid change in the field of language education. Innovative ways of language learning are replacing traditional education. The target of language learning and teaching is not based on grammar, memorization and learning from rote, but rather utilizing language and knowledge of culture, along with current innovative trends, as a tool to interact and bond people around the world.

In the recent years, learners acquired the language with the help of language labs when modern foreign language programs commenced advancing as a new discipline in secondary schools and universities. Students learnt the language by following a prescribed audio program, and obtained auditory exposure to the language. It was an essential innovation in the mid twentieth century. However, in today's era of digital, building audio language labs is not beneficial since there are significant changes in the innovative trends. Student portfolios, digital and multimedia projects are obtaining popularity in foreign language teaching providing a superior opportunity to develop students' oral and listening competencies.

Student portfolios are collaborative efforts between a student and a teacher that provide clear demonstrations of a student's progress and achievements. Students are guided by their teachers to develop their own portfolios over time. Student portfolios contain demonstrations of their knowledge and authentic use. The beauty of the student portfolio is that the student owns it, not the teacher (Eaton, 2010).

Student-centered approaches being implemented into teaching has proved the need for learner autonomy and cooperative learning. Hence, the trend towards learner-centered approaches and student participation in the advancement of consequences will continue. Speech contests, debates, poetry readings and storytelling have also become trendy and proved the value of language learning through stories and speech.

Competence-based language teaching (CBLT) is another innovative trend in which students must show their potentials to utilize the language to accomplish a real-world task. Competency-based education traced back to the Behaviorist tradition which was popular in the United States during the 1950s by Benjamin Bloom, and it was used, particularly in vocational training programs. Later, the approach spread to Europe and Australia in order to measure professional skills. The trend was popular with a variety of names such as performance-based learning, criterion-referenced learning, and capabilities-driven instruction.

According to Docking (1994), CBLT:

"...is designed not around the notion of subject knowledge but around the notion of competency. The focus moves from what students know about language to what they can do with it. The focus on competencies or learning outcomes underpins the curriculum framework and syllabus specification, teaching strategies,

assessment and reporting. Instead of norm-referencing assessment, criterion-based assessment procedures are used in which learners are assessed according to how well they can perform on specific learning tasks”.

In CBLT, students use the language in authentic situations as if they are coming across outside the classroom. Despite the fact that students have to practice so as to become competent, competencies are not activities for practice. They are not completed for giving students a grade or done to permit a student to become superior at the task. Competencies are forms of practical applications of language in context.

In CBLT, student-centered classes are frequent and more attention is paid to what students can do. Students must show that they possess an ability to complete specific tasks that tend to be faced in the real-world using the target language. The skills needed to complete the tasks to obtain competency in the language:

- the ability to read and understand telephone numbers;
- the ability to identify oneself when answering or calling;
- the ability to ask to speak to someone;
- the ability to respond to a request to hold the line;
- the ability to give a message or respond to an offer to take a message;
- the ability to express opinions politely following the target language conventional cultural norms;
- the ability to use past tenses; and
- the ability to provide relevant information.

The CBLT classroom, students receive data giving feedback on their individual progress towards mastering the competency.

Teachers possess a variety of roles in CBLT classroom, varying from an information giver to a facilitator. Making a plan becomes a focal part of the teaching procedure. To begin with, competencies are identified and subdivided into relevant skills. Modules are set permitting students to utilize them to learn and practice those skills. Moreover, teachers are required to separate large amounts of time for making activities pertinent to the particular skills which are important to carry out the competency prerequisites. Last but not least, adequate time must be allocated by teachers to assess students and give specific, objective and personalized feedback.

The role of the students also varies in some degrees. In CBLT classroom, the students do not rely on the teacher, but they become autonomous learners. Their role embraces integration, production and extension of the knowledge. While working on each competency, the students master it and carry on progressing to another.

Students may be resistant to this approach in the beginning, especially if they do not see any real need for learning the language. Successful classroom interaction depends on student participation. Students need to find ways to motivate themselves and find ways to apply information to their own lives and to integrate it into the classroom. Students must be willing to challenge, to question, and to initiate in the CBLT classroom (Marcellino, 2005).

The following Table 1 summarizes the differences between assessments and grades in traditional and competency-based classes.

Table 1: Traditional versus Competence-Based Grading Style

Traditional Classrooms	Competency-Based Classrooms
One grade is given per assignment. As assignment may be a quiz, a test, homework, project or anything the student must complete.	One grade is given for each specific competency. Students may be assessed throughout the process but these formative assessments will not typically be considered in the final evaluation.
Assessments are based on a percentage system. Criteria for success may be unclear.	Standards are criterion or proficiency-based. Specific criteria and standards are made available to students ahead of time.
Traditional grades may rely on a mix of assessment, achievement, effort and behavior to determine the final grade and may include late penalties and extra credit.	Grades measure only achievement. Information about effort and behavior may be reported but it is not part of the competency assessment. There are no penalties or extra credit given.
Everything goes in the grade book regardless of purpose. Every assessment score is included in determining the final grade no matter when it was collected during the module. The final grade determines whether the student advances to the next level.	Students advance only upon mastery of the competency.

Thus, successful accomplishment of the authentic tasks is a priority of the competence-based approach. At the pre-stage of the course, every student is assessed to identify the level of proficiency. Students then commence to learn the material at their own pace, obtaining objective feedback from their teachers. Students will be aware of the level of their work, where they are and what they are obliged to pursue to fulfill the standards of the competency. Although opponents of this approach claim that it is unattainable to recognize every single competency for particular situations, supporters argue that if the students are catered with appropriate tasks and beneficial feedback, they tend to be able to practice and utilize the language in all the practical settings in a short term.

Alternative innovative trend which the globe accepting as a standard tool to measure the level of proficiency in FL is the Common European Framework of Reference (CEFR). It is a document of the Council of Europe which is intended to establish standardization of objectives, content and levels of expertise for any process of teaching and learning language.

According Queensland Certificate of Education (QCE), the fundamental objective of any language learning is the development of linguistic and communicative competence, which consists of multiple skills:

- the pragmatic competence, which is the ability to act linguistically effectively than the communication context;
- sociolinguistic competence, which is the ability to recognize and respect the social conventions of language use;
- linguistic competence, that is the ability to choose what language more appropriate to achieve their communicative acts.

As regards rating scales, the European document distinguishes the

linguistic and communicative competence in six common reference levels: the level of said contact A1, the level of survival (A2), the threshold level (B1), the level progress (B2), the level of effectiveness (C1) and the level of mastery (C2). The descriptors of rating scales are pragmatic, that define what a learner must be able to do with language, understand not as a closed system and the abstract, but as a practical tool and dynamic face to actions in the context of communicative interaction.

Based on this approach, the socio-cultural and communicative environment of reference of the learner becomes initial point of the teaching plan, the model of which must be consistent with the identification of needs. All those working in the field of language learning are required to base its work on the needs, motivations and characteristics of the recipients, in order to define concrete targets and develop realistic and consequently programs and appropriate materials to achieve those objectives.

The trends open the doors of achievement for both teachers and students in obtaining sociolinguistic and communicative competencies.

REFERENCES:

1. Adair-Hauck B., Willingham-McLain L., Youngs, E. Evaluating the integration of technology and second language learning // CALICO Journal. 1999, 17/2. - Pp. 269–306.
2. De Capua A., Marshall H. W. Breaking new ground: Teaching students with limited or interrupted formal education. - Ann Arbor, MI: University of Michigan Press. 2011.
3. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes: A learning-centered approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Seitbekova Dinura
(Tashkent, Uzbekistan)

APPLYING AUTHENTIC MATERIALS IN EXTENSIVE READING

In today's world, every man tries to be a successful at least in one sphere. However, being capable in several spheres gives a great opportunity to one who can find in every area of the job his future life. Definitely, being educated from all spheres can be impossible, but human being found the way to become knowledgeable one. The use of authentic materials in different classes or groups of people is not new, because teachers started using them in the 1970s because of the spread of the Communicative Language Teaching Approach. Martinez (2002), defines authentic materials created for native speaker of the language and use in a class in its original form and design. Kilickaya (2004) has another definition for authentic materials, which is "exposure to real language and use in its own community." Many articles show that using authentic materials both native and foreign speakers is increase learners' reading comprehension.

Reading gives an ability to practice on speaking and learn how to pronounce the words. We read the texts because we have a purpose of reading. The usage of authentic materials in the classroom is debatable in several articles, many of them show that the student profit from the exposure to real language being used in a real context. Another aspect of using authentic materials is that these materials are highly motivated and it is a reason of encouraging reading the rest of the text. Authentic materials also follow any conversions in the use of language, as we know, there is a wide variety of text types and styles, they are also very versatile for instance, texts can be used in different ways to promote different skills and definitely can be used more than once as well as be renovated. Crookes and Schmidt (1991) define motivation as "interest in and enthusiasm for the materials used in class; persistence with the learning task, as indicated by levels of attention or action for an extended duration; and levels of concentration and enjoyment." Motivation in language learning which refers to the directed effort individual learners make to learn the language (Ellis, 1994) can be classified as integrative motivation and instrumental motivation. Moreover, we can give other views of researches for instance, "various topics related to students reading materials are encouraged to be implemented; if possible the topics should be based on students' preferences" (Zhao & Zhu, 2012).

By extensive reading, it means that students read for a significant amount of time. It is an approach beyond skill development; an activity students "choose" to do for a variety of personal, social, or academic reasons (Day & Bamford, 2000, p. 4). Susser and Robb (1991) agree. They claim that extensive reading involves reading a large variety of materials for general understanding and usually obtaining pleasure from reading. Extensive reading materials provide substantial linguistic input (Bell, 1998), which is needed for language acquisition. Thus, extensive reading provides a rich source for developing learners' linguistic competences.

Researchers point out the importance of extensive reading, but what does extensive reading entail? Successful extensive reading requires the following (adapted from Maley's list, 2009).

1. Reading often and in a large quantity
2. Reading in a wide variety of topics and genres
3. Reading content that is interesting and compelling
4. Reading books students themselves select
5. Reading for pleasure and information
6. Reading is its own reward
7. Reading at levels appropriate for the readers
8. Reading speed is fast, not slow

Wallace (1992) suggested that the selection of authentic texts is vital to teaching reading. It will depend on some factors such as the nature of class, the level of readers and so on. The modifications also play important roles in second language acquisition under some conditions. If the ultimate goal of teaching is to equip students to deal with the authentic language in the real life, "the focus should be more on the authenticity use of material and not so much on the authenticity of the material itself" (Anderson, 1999, p. 118).

REFERENCES:

1. Anderson, N. J. 1999. Exploring second language reading: Issues and strategies. Canada: Heinle & Heinle
2. Bell, T. (1998). Extensive reading: Why? and how? *The Internet TESL Journal*, 6(12). Retrieved from <http://iteslj.org/Articles/Bell-Reading.html>
3. Crookes, G. and Schmidt, R. 1991. Motivation: Reopening the research agenda. *Language Learning*, 41(4), 469-512
4. Day, R. R., & Bamford, J. (2000). Reaching reluctant readers. *English Teaching Forum*, 38(3). Retrieved from <http://eca.state.gov/forum/vols/vol38/no3/p12.htm>
5. Ellis, R. 1994. *The study of second language acquisition*. Oxford: Oxford University Press.
6. Kilickaya, F. (2004). Authentic materials and culture content in EFL classrooms. *The Internet ELT Journal*, 10(7).
7. Maley, A. (2009). Extensive reading: Why it is good for our students... and for us. Retrieved from <http://www.teachingenglish.org.uk/think/articles/extensive-reading-why-it-good-our-students%E2%80%A6>
8. Martinez, A.G. (2002). Authentic materials: An overview. Free resources for teachers and students of English, *Karen's Linguistics Issues*, 1-7.
9. Susser, B., & Robb, T. N. (1990). EFL extensive reading instruction: Research and procedure. *JALT Journal*, 12(2), 161-185. Retrieved from <http://nflrc.hawaii.edu/rfl/October2011/articles/judge.pdf>
10. Wallace, C. 1992. *Reading*. New York: Oxford University Press.
11. Zhao, Yuxiang and Zhu, Qinghua, "A Conceptual Model for Participant's Motivation in Crowdsourcing Contest" (2012). Eleventh Wuhan International Conference on e-Business. 92.

**Tursunova Mukhlisa
(Tashkent, Uzbekistan)**

THE EVOLUTION OF NEGATIVE IMAGES IN WILLIAM SHAKESPEARE'S WORKS

It's clear how much the English language is important for the world and that much Shakespeare's works are important for the world literature. The material body of William Shakespeare's works is restricted to 38 surviving dramas, 154 sonnets, two narrative poems, one allegorical poem and several texts the authorship of which is a subject of academic debates. However, its spiritual body, the range of human experience and emotions it encompasses, is boundless². And, similarly, though the critical works almost ever highlight the essence of the investigation devoted to the analysis of heroes, we claim in the new era of modern literature, the study of villain characters can launch a different approach to the world literature. Shakespeare created the best villains in his works not only for his time but for all the time while the humankind exists. Through a thorough insight into Shakespeare's villains we start to perceive that the influence that is made on heroes by villain characters is immense. Without villain characters, heroes are all nice creatures with a good fortune working for them. It's villains who give a special drive to the play which means the necessity of the villains to be studied on and on. Also, recent years' critics raised some crucial questions of evil in human nature on which our analysis of villains in W. Shakespeare's plays might be able to find some decent respond. However, in order to comprehend villains and their vice actions we have to thoroughly define the word villain and its etymology before dealing further on the evolution or development of negative images or villains in literary works. A villain, the principal evil character in a play or story, is usually the antagonist opposed to the hero or heroine³. If we are far more inclined to define the term villain in a work of fiction, we have to once more clearly state that the villain is mainly the antagonist at the same time in some literary works it can also be the protagonist, and the character who tends to have a negative effect on other characters. *Random House Unabridged Dictionary* defines villain as "a cruelly malicious person who is involved in or devoted to wickedness or crime; scoundrel; or a character in a play, novel, or the like, who constitutes an important evil agency in the plot"⁴. It's of course a rather short explanation to the word "villain" in terms of literature while we know that the term has quite a broad meaning and defines an evil person who due to his greediness, enviousness, higher ambitions and jealousy converts into the misery of a literary work and results into the sufferings and sometimes even the deaths of the main characters through which the authors try to show their morality and humanism.

The literary definition of the term is deeply portrayed by Emma Ariane Sherr-Ziarko in her recent thesis "Confronting Evil on the Stage: The Immoral Villain as a

---

² Stollova, J. "Anatomy of Villainy: The Concept of an Antagonist in Tragedies and Histories of William Shakespeare". – Prague, University of Karlov, 2011. – 7 p.

³ Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, International Student Edition in Malaysia, 2002.

⁴ The Random House Dictionary of the English Language: The Unabridged Edition. Edited by Jess Stein, 1966.

Moral Figure”. She states that “Villain” is a broad term that can apply to stock characters of farce and melodrama, or can simply denote a character that does bad things consistently. The villain is a theatrical figure that is a human but seems to transcend human abilities of intellect, deception, and persuasion, which grants it a metaphysical or sublime stature. One of the greatest features of the villains is that they do not simply entertain, but also raise critical questions concerning the evil in human nature. Very few would argue that the villain dominates or controls the action of the play and shares a unique intimacy with the audience. Villains commit and often delight in morally depraved, or “evil,” actions, but despite their immoral nature, they are somehow attractive, charming, or seductive both to the audience and to the other characters⁵. Part of this attraction comes from the delight they take in their behavior, and part comes from the sublimity that pervades their characters. And we tend to support her point here and state the following: villains in comparison to the main virtuous characters have a tendency to share their thoughts, ambitions and further plans with the audience with the help of the soliloquies which emerge strong emotions in them and they start to ponder over the villains’ thoughts and sometimes they feel like to support what they are going to accomplish and most of the time they forget what kind of results might come about from these deeds. When she stated “although often misunderstood as purely evil, the Villain possesses many virtuous qualities” she might have an intention to judge them from different point of views. However, we absolutely can’t support the author’s view here just because the villains might seem to have some virtuous qualities whereas they pretend to be virtuous just to keep everything on its keel or just to keep everything under their own control or to just to demonstrate their selfish individualism. Many scholars pointed Aaron’s protection of his own son, one of the oppressive villains ever been created. We merely believe that he didn’t just protect his son as a father, but he saw the persistence of his evil spirit in his newborn child. It is what happens when these virtues are transformed by evil that gives rise to the questions of morality and the human condition.

And, we might find the origin of the word quite intrinsic. The term “villain” comes from the Anglo-French and Old French *vilain*, which itself descends from the Late Latin word “villanus”, meaning “farmhand”, in the sense of someone who is bound to the soil of a villa, which is to say, worked on the equivalent of a plantation in Late Antiquity, in Italy or Gaul. The same etymology produced “villein”. It referred to a person of less than knightly status and so came to mean a person who was not chivalrous and polite. “As a result of many unchivalrous and impolite acts, such as treachery or rape, being considered villainous in the modern sense of the word, it became used as a term of abuse and eventually took on its modern meaning”⁶. So from this explanation of the etymology of the word, we can infer that throughout the history it has been used to show different traits of a person. However, it could preserve the unchangeable stem of it with the meaning of wrong and harmful actions. More precisely, in literature it still illustrates the low life behavior of the character. And cognitively, the writers portray the dominant

---

⁵ Sherr-Ziarko, Emma Ariane. “Confronting evil on the stage: The immoral villain as a moral figure”. – Middletown, Connecticut, April, 2011. – 9 p.

⁶ <https://www.quora.com/Do-you-know-where-the-word-villain-comes-from-Why-or-why-not>.

miserable feelings in the villains' hearts through their deep literary knowledge. Over the decades, the concept of evil has attracted attention of different parties including moral and legal philosophers, as well as political theorists. Due to the complexity of the concept, different philosophers have defined evil from varying perspectives. However, the common aspect of evil is that it causes suffering to the victims.

In order to understand the essence of the word villain we have to emphasize the characteristics of the villains. There are different types of villains which help us to analyze them. Some basic, common ones are:

Traitors – these base villains betray everyone who trusted them.

Patriarch or *Matriarch* – these warped villains see themselves as the head of the family or group and are tended to supervise everyone who is under their hand.

Tyrant – this stern villainous leader disregards everyone – do as you're told or pay the price.

Devil – absolute evil at its worst and ideal villain that has nothing positive.

Evil genius – highly intelligent, this villain sees himself as superior to all others.

Schemer – this villain loves making diabolical plans and carrying them out.

Monster – a villain that produces fear or physical harm by its appearance or its actions.

Another important thing is that, recent years, the issue of villains in Shakespeare's works has been accentuated and analyzed several times by prominent critics. However, we have to mention that in their critical works we can see only limited number of villains and one dimensional analysis of their characteristics. For example, Marwan Alqaryouti & Ala Eddin Sadeq in their research work evaluated "The Concept of Villain in Shakespeare's Othello". They state: in Othello, Shakespeare describes a villain character that causes harm to the society in effort to satisfy his selfish ends. The villain character is portrayed as having an unhappy life as he is always focused on destroying other people's lives. Iago's destroying Othello is indicated by his words

*"But for my sport and profit I hate the Moor,"*⁷

Also they attempt to prove that through the character, Shakespeare intends the audience to reflect on their lives and evaluate the extent to which they play villain to other people. The unhappy lives that people lead may be due to the anger, revenge and jealousy that characterize villains.

Md. Saiful Islam, a contemporary Shakespearean critic, in his PhD research paper "Nature of Evil in Macbeth" presents statements which serve to prove that Macbeth is Shakespeare's most profound and mature vision of evil. In his further discussion he confirms that: "In other tragedies of Shakespeare the evil is concentrated in the antagonists who are able to bring about the ruin of better people than themselves by making use of their weakness: pride, credulity and lust. But in Macbeth, "the evil is transferred from the villains to the hero and the heroine"⁸. He also states Macbeth's transformation from good to evil, Macbeth's

---

⁷ The Oxford Shakespeare, "The Tragedy of Othello" (Edited by Nicholas Brooke), Oxford University Press; in print: 1990; published online: 2012. – 49 p.

⁸ Md. Saiful I. Nature of Evil in Macbeth. Department of Theatre, University of Dhaka, June 2011. – 1. p

power of imagination, evil in Lady Macbeth and certainly, the destruction of evil. Intrinsicly he makes us realize by this analysis that those who destroy life, life itself becomes merely a tale told by an idiot.

“Temptation, Sin, and the Human Condition in Shakespeare’s Macbeth”, published in 2015, a thesis by Maria Cusimano, is a good three chapter research work providing a new insight into the issue of villainy. As far as the author incorporates different elements of religious beliefs of Renaissance England in the tragedy of “Macbeth”, we are inclined to state that she firstly attempts to establish the presence of moralistic themes in “Macbeth”, then, explores the various beliefs about predestination and free will in Renaissance England and the ways in which Shakespeare reflects this question in Macbeth’s entrapment in self-fulfilling prophecy. Notably, in order to show the malicious character of Macbeth she entitles the third chapter “Definitions of Sin⁹ⁿ” which is singled out in eight accurate paragraphs. Each of these paragraphs characterizes a particular feature and consequence resulted due to the sin, from the first to the eighth accordingly: sin is a compliance with the Devil, sin is a perversion of virtue and goodness, sin is unnatural, it acts contrarily to the natural order of the world, sin disrupts and ruins relationships, ultimately leading to solitude, sin begets sin, sin distorts the ability to reason or see the world objectively, sin creates hell on Earth, sin cannot bring life, only death.... So according to her we can make a clear understanding that a **good literary villain** is one who has traits which make the readers feel that they too are humans who sin. And they might as well have many basic flaws and intentions and sinful actions may cause untold miseries to the others. “Despite the metaphysical qualities of villains, the nature of their evil is rooted in their humanity, and their chief purpose is to provoke critical thought as to the relationship between good and evil inhuman nature, what happens when evil prevails, and why it prevails”¹⁰

REFERENCES:

1. Cusimano, Maria, “Temptation, Sin, and the Human Condition in Shakespeare’s Macbeth”. B.A. Franciscan University of Steubenville, 2015. – 39 p.
2. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, International Student Edition in Malaysia, 2002.
3. Md. Saiful Islam. Nature of Evil in Macbeth. Department of Theatre, University of Dhaka, June 2011. – 1. p
4. Sherr-Ziarko, Emma Ariane. “Confronting evil on the stage: The immoral villain as a moral figure”. – Middletown, Connecticut, April, 2011. – 9 p.
5. Stolova, J. “Anatomy of Villainy: The Concept of Antagonist in Tragedies and Histories of William Shakespeare”. – Prague, University of Karlov, 2011. – 7 p.
6. The Random House Dictionary of the English Language: The Unabridged Edition. Edited by Jess Stein, 1966.
7. <https://www.quora.com/Do-you-know-where-the-word-villain-comes-from-Why-or-why-not>.

---

⁹ Cusimano, Maria, “Temptation, Sin, and the Human Condition in Shakespeare’s Macbeth”. B.A. Franciscan University of Steubenville, 2015. – 39 p.

¹⁰ Ibid: – 9 p.

Tursunova Mukhlisa
(Tashkent, Uzbekistan)

THE RISE OF RENAISSANCE IN ENGLISH LITERATURE

Were there no arrival of the Greek language, we assume that there would not be a period like the Renaissance or hardly anything decent in literature of the Renaissance to boast. Every one of us knows the fact that up to the 1400s Greek had died in the West. Yet, it returned after 1400 with the arrival of Byzantine scholars in Italy, who in 1440 founded the Platonic Academy in Florence. "Every nation in Western Europe experienced its own incarnation of the Renaissance."¹¹ If Renaissance did start with the invention of printing machine in Germany, with the painting in Italy, with the arrival of the artists in France, we would claim that the true Renaissance in England began with the rise of a villain in English literature. The English Renaissance would never be praised or would never be scientifically analyzed in such a huge extent if there were no such great villains like Iago, Richard III, Edmund, Macbeth, Aaron and Edgar II. The Renaissance in Europe was in one sense an awakening from the long slumber of the Dark Ages. There was the sincerely held belief that humanity was making progress towards a noble summit of perfect existence. "The Renaissance was the beginning of the modern world in the areas of geography, science, politics, religion, society and art"¹² How this rebirth – for Renaissance literally means rebirth – came to fruition is a matter of debate among historians. Lorna Hutson, an English critic, ascribes the growing sophistication of late sixteenth-century drama in England to the growth of "evidential awareness" in an increasingly wider segment of the English population. Any familiarity with medieval legal records will show that "criminal investigations were detailed and thorough, but the gathering and analysis of facts at the time was the province of a few"¹³ Hutson's point is that in the period under study, jurors were more and more being called upon by the criminal justice system "to weigh facts and to draw inferences from them"¹⁴ and in fact they were better trained to decode rhetorical devices used by accusers and accused persons alike to create a sense of verisimilitude. As a result, theater audiences were more prepared and eager to follow the deceptive practices of stage villains in tragedy and comic figures in plays of intrigue. In Elizabethan drama, the villains were frequently among the most important characters, as they "embody innate malignancy in the tradition of the Vice figure of the morality play"¹⁵ The conqueror and ferocious tyrant, whose reputation and triumph depended on his cruelties that were usually condoned and left unjudged by moral standards, anteceded the villain, who became popular around 1600. He often had a henchman to carry out his orders, the villain, whom he often deceived in the end. The role of the villain depended on the plot rather than on his

---

¹¹ English Renaissance Timeline: Some Historical and Cultural Dates. Great Writers Inspire: Learning from the Past, 2014.

¹² Gredina I. V. The Period of Renaissance in English Literature. – 5. p

¹³ Hutson, L. The Invention of Suspicion: Law and Mimesis in Shakespeare and Renaissance Drama. – Oxford, Oxford University Press, 2008. – 1415-1417. pp

¹⁴ Ibid: – 1415-1417. pp

¹⁵ Hausarbeit Literature: Traditional Roles and Personnel in Renaissance Drama. – 21. p

character. However, there are examples of villains that developed into distinctive characters. Before the emergence of the newly devastating character – a villain in English Literature, the early Italian and Spanish romances also were merely “the repetition of a state of things” in which all was fair in love and war, the Italian showing a preponderance of the love, the Spanish of the war which meant the extolment of the main virtuous characters which created rather insincere emotions. Though, we have to bear in mind that Thomas Kyd’s “The Spanish Tragedy”, a Senecan tragedy, is an abiding contribution to the development of English tragedy. It is a well-constructed play in which the dramatist has skillfully woven passion, pathos and fear until they reach a climax. Kyd succeeded in “producing dialogue” that is forceful and capable. He introduced the revenge motif into drama. He, thus, influenced Shakespeare’s “Hamlet” and Webster’s “The Duchess of Malfi”. The device of play within play, which Shakespeare employed in Hamlet, is used for the first time in “The Spanish Tragedy”. He also introduced the hesitating type of hero, suffering from bouts of madness, feigned or real, in the character of Hieronimo, who anticipates the character of Hamlet¹⁶. In fact, even though you search through the whole class of literature, you will not find the morality requisite to make a background against which by contrast a villain would be visible. And certainly there are fairly several reasons to explain the same situation in the literature of the continent. English Renaissance theatre, also known as early modern English theatre or commonly as Elizabethan theatre, refers to the theatre of England between 1562 and 1642. This is the style of the plays of William Shakespeare, Christopher Marlowe and Ben Jonson. It is considered to be the most brilliant period in the history of English theatre. It was an age of great diversity and contradictions. It was an age of light and darkness, of reason and of unreason, of wisdom and of foolishness, of hope and of despair. Despite the advancement of science and learning people still believed in superstitions, ghosts, witches, fairies, charms and omens of all sorts. Italy, the home of Renaissance, fascinated the Elizabethans. All liked to visit Italy and stay there for some time. People were not only found of Italian books and literature, but also of Italian manners and morals. Consequently the literature of England was immensely enriched by imitating Italian classics. However, English Renaissance would never flourish if there were not the name of Christopher Marlowe. Hilton mentions that, “English-speaking theatre ... began with Marlowe”¹⁷. He structured his lines using blank verse, which from then on, became the basis for writing poetry. Therefore, Hilton considers Marlowe “the first great dramatist,” who had “no precedents ... to follow as a professional playwright”. Another important fact about the English Renaissance is that even though the milestone of villain characters was put by Christopher Marlowe it reached its peak respectively due to the greatest works of W. Shakespeare. In this sense, Marlowe opened up a new way for the development of English drama. His themes appealed to both audiences and successors as they depicted either comically or tragically the struggles of individuals to reach their worldly aims despite religion which was an unshaken

---

¹⁶ In Drama of the English Renaissance: The Tudor Period. Ed. by Russell A. Fraser and Norman Rabkin. – New York: Macmillan, 1976.

¹⁷ Hilton, D. Second Unto None Marlowe and Early Drama, USA: Durham Academic Press, 1997. – 1-18. pp

tower. In terms of their themes, the seven plays that Marlowe could produce in his short life time probably "stem from a private fascination with "forbidden" knowledge, with ambition and with the disruptive leaps of the human imagination which the Elizabethan political and religious establishment would readily have interpreted as seditious"¹⁸. In the Middle Ages, the English language was not a medium for the literary field, and works were produced in Latin; however, as many people became literate in Renaissance, works began to be produced in English which made it possible for the average reader to understand and enjoy a book. As time went on, the comforts of life increased, men lived farther from the weird aspects of nature, and science dispelled many mysteries. "The belief in demons no longer appeared save as a faint aesthetic overtone in the works of the masters of literature"¹⁹, and the villain was a man pure and simple, without trace of supernatural agency in his deeds. With the increasing complexity of personal life, the types of the villain have grown ever more varied. There has been the villain political, commercial, religious, social, psychological, and moral. The villain is treacherous, devious and fearless; being driven by ambition, he cunningly tries to take advantage of others. Therein lies his dramatic purpose: with his plotting, he complicates the action and helps to create the tragic situation. As the incorporations of natural malignancy, he is a useful device in drama: "the virtuous heroes are often so faultless that innate villainy can be the only motivation to do harm to them"²⁰ Modern taste asserts itself, however, in the demand for villains to whom the corresponding hero is the detective. But in what the educated world regards preeminently as contemporary literature, a new element has been developed. Modern life in its subtle refinement of thought, feelings, and relations has grown keenly perceptive. It is the difficulty of fine adjustment in daily life, the incessant resistance and opposition encountered in all human relations with the complex business, social and religious organization of the times, that has taken the place in literature of that desire for stronger opposition, more startling moral contrast embodied in the villain. Because the English stage villain epitomizes the "new" man, recently liberated from the Middle Ages, he serves in a sense as a spokesman for the Renaissance. The villain's amplified: individualism repudiates the communal past while his self-assertive instincts betoken a form of moral solipsism, lying rooted within the human will. It is in this respect that the Elizabethan villain finally emerges as something of a caricature-criticism of the times. Envisioning the moral consequences of fully emancipated self, English playwrights projected onto the stage a figure decorated in trappings of the Renaissance. But, as we have already observed, the medieval mind continued to preside over European thinking in the sixteenth century. This attitude is reflected, moreover, in works by Shakespeare and his contemporaries. Dramatists of the period applauded the Renaissance, yet they displayed a remarkable ability to evaluate the Age during which they lived. The English stage villain stands as proof to their recognition of its limitations. While attitudes of the Elizabethan villain signify a break with the past, the role itself shows signs of having been visibly affected by

¹⁸ Sanders, A. *The Short Oxford History of English Literature*. – Oxford: Oxford UP, 2000. – 148. p

¹⁹ La Monte, L. *The Rise of the Villain in literature*. – New York, The Vassar Miscellany, 1889. – 295-300 pp.

²⁰ Hausarbeit *Literature: Traditional Roles and Personnel in Renaissance Drama*. – 21. p

dramatic art of the Middle Ages, particularly by the Vice of English moralities and interludes. Not unlike the villain, the Vice possesses notable rationalistic tendencies to which various critics have alluded. Since the critics are convinced that William Shakespeare could give the villain character a real essence, converting them from evil monsters into intelligent personality. Also, they are assured portraying evil doers not as divine or supernatural beings was the first attempt of Shakespeare whose ingenuity we have to confess. Moreover, it was Shakespeare who could give the spirit of the time and period to the character of villain. And this matter of fact we can rightly claim that Shakespeare is definitely the pioneer of the Renaissance in English literature with the truest portrayal of a villain character.

REFERENCES:

1. English Renaissance Timeline: Some Historical and Cultural Dates. Great Writers Inspire: Learning from the Past, 2014.
2. Fraser and Norman Rabkin, In Drama of the English Renaissance: The Tudor Period. Ed. by Russell A.. – New York: Macmillan, 1976
3. Gredina I. V. The Period of Renaissance in English Literature. – 5. p
4. Hausarbeit Literature: Traditional Roles and Personnel in Renaissance Drama. – 21. p
5. Hilton, D. Second Unto None Marlowe and Early Drama, USA: Durham Academic Press, 1997. – 1-18 pp.
6. Hutson, L. The Invention of Suspicion: Law and Mimesis in Shakespeare and Renaissance Drama. – Oxford, Oxford University Press, 2008. – 1415-1417 pp.
7. La Monte, L. The Rise of the Villain in literature. – New York, The Vassar Miscellany, 1889. – 295-300 pp.
8. Sanders, A. The Short Oxford History of English Literature. – Oxford: Oxford UP, 2000. – 148. p

Tursunova Mukhlisa
(Tashkent, Uzbekistan)

ECOCRITICISM AS A NEW BRANCH OF LITERARY CRITICISM IN AMERICAN AND ENGLISH LITERATURE

Annotation: *The main purpose of this article to give thorough explanation on the new literary research field. Along with the investigations of early American literary critics, late English ecocritical works are considered to show the up-to-date necessity of ecocriticism.*

Key words: *ecocriticism, literary criticism, William Rueckert, "Literature and Ecology: An Experiment in Ecocriticism", Cheryll Glotfelty, American Transcendentalism, "The Song of the Earth", Jonathan Bate.*

People of the XXI century are facing the environmental issues a lot more powerfully than ever before. Just five or six decades ago, kids enjoyed the snow equaling their knees and the thick frozen ice below on which they skated the whole winter. And it is clearly shown in the works of the writers of all periods. As for the characters of the ancient literature, it was everlasting struggle against the violent storms at sea like in "Odysseus", severe freezing climates in old folklore, like Cinderella. In the age of Reason, scientists examined the superiority of Nature requiring the characters admitting the fact that human beings should try to live in harmony with it. However, during the period of Romanticism, mainly in the works of American Transcendentalists, initial adoration towards the real beauty of the Nature can clearly be identified, simultaneously the glorification of Nature reached the level that can ever be emphasized in literature. A rationally new theory we are going to investigate can make our efforts much more productive. This recent literary criticism is Ecocriticism that refers to the consideration of current ecological issues in the works of contemporary writers, the necessity of these issues in the creative artistic novels and the inclusion of appropriate ways or stable criteria to investigate these kinds of works. It's obvious that ecocriticism is a new study of the sensible relationship between literature and the environment. In spite of the fact that we are much confident about our knowledge of various schools of literary criticism which investigate language and literature from specific perspectives such as feminist criticism, which fairly examines literature from the perspective of feminine gender, or Marxist criticism which analyzes literature from the standpoint of class structure and production, we are nearly unaware of a fairly new movement – ecocriticism which looks at literature from the perspective of the ecology. It is believed that William Rueckert – American literature educator and writer was the first to use the term ecocriticism. Rueckert published an essay in 1978 entitled "Literature and Ecology: An Experiment in Ecocriticism." This essay offered an outline for the new discipline: "the application of ecology and ecological concepts to the study of literature." The intrinsic fact is that, while environmentalism referring the theory that environment, as opposed to heredity, has the primary influence on the development of a person or group – became a popular issue in the late 1960s and 1970s, ecocriticism was not established as a genre until the mid-1980s. Since being developed as an innovative but crucial critical method of research only more than

three decades ago this critical approach needs to be further advanced not only practically but at the same time theoretically. The first theoretical attempts were made by Cheryll Glotfelty from the University of Nevada in Reno in 1990. More specifically, he was the first to assume an academic position as professor of Literature and the Environment.

We assume that "Only science and technology are not enough to combat the global ecological crisis" as today's scientists claim. A moderate assumption of ours has its definite proof in the works of American Transcendentalists' works. *All science has one aim, namely, to find a theory of nature.* There has to be the share of every sphere to tackle such a worldwide problem. Literature as being one of the greatest creative humanistic study is capable of letting the world realize the true value of nature in the human life. When we consider Emerson's statement "*the universe is composed of Nature and the Soul*", it makes for us easier to carry on in this field. As far as literature artistically deals with the issues in the human soul, it can make the future survival possible for the human beings by emphasizing the true portrayal of nature or environment. The only thing we have to do is we should make change in our attitude to nature with the help of literature and literary studies. We are all aware that "literature does not float above life, it has its role to play". And, thus, ecocriticism is able to perform this role both practically and theoretically by strongly stressing the tough bond between ecology and literature. This inspiration can be applied from the three major American writers whose works celebrate nature as a life force, and the wilderness as manifested in America. They are Ralph Waldo Emerson (1803-1882), Margaret Fuller (1810-1850), and Henry David Thoreau (1817-1862). The trio belonged to the group of New England writers, poets, essayists, novelists and philosophers collectively known as the transcendentalists, the first major literary movement in America to achieve "cultural independence" from European models. But one thing, we have to accentuate that ecocriticism mainly considers the term nature and human impact on the environment broadly from the scientific point view while transcendentalism highlights the truth in the existence of the human being in Nature. R. W. Emerson had enjoyed the influence of nature in his first reflective prose narrative *Nature*. He suggests that reality can be best perceived studying nature. Because the truest reality can be obtained through the perception, even likely through the smell or the shadow of the nature. When he argues that "some people don't merely see the sun", he tries to reveal one painstaking mysterious reality that some are too much engaged to see the sun as it changes time by time as a natural phenomenon. If we are concerned to take the terms from ecocritical point of view, they are too ignorant what's happening around them that might be even warning about the approaching disaster. And this perception is likely to make us realize the mere objective of the ecocriticism. Ecocriticism targets first of all to show the real consequences or inevitable repercussions of natural disasters through the work of contemporary writers. But it is Henry David Thoreau who is considered to be the father of Ecocriticism. He even regarded "man as an inhabitant, or a part and parcel of Nature, rather than a member of society". However, we suppose he categorized man only by that perception which initially cannot be accepted practically stable from the ecocritical point of view. Actually, the status of man cannot be defined from only one categorization. Categorization only limits the true being of it. Though through his

further claim in the conclusion of “Walden” – “The wild goose is more of a cosmopolite than we”, he forpud the milestone of ecocriticism unconsciously more than a century ago. He foresaw the future of the species that they might go endangered by too much human intrusion. And this is one of the main principles of ecocriticism to warn the human being against the food chain lost and all in all, humans’ final fate on what most of the contemporary sci-fi novelists are trying their pens on. One of the most important things in the consistency of the new theory should be practically without the exaggeration that deprives the human inclusion in the natural process as H.D. Thoreau’s mentions “We need the tonic of wildness... At the same time that we are earnest to explore and learn all things we require. In addition, if we probe deep under the surface we find that nature reveals the universal truth of human life. Ecocriticism, being a rather new research method in the field of literary criticism, is less developed in the UK than in the USA. Whereas the American writing celebrates nature, the British ecocritics seek to warn us of environmental threats emanating from governmental, industrial, commercial, and neocolonial forces. And, we basically approve the way of British novelists due to the requirements of the new technological era when everything is too fast and too factual. More specifically, in his *“The Song of the Earth”* Jonathan Bate claims that humankind long had forgotten about the restrictions of human intrusion in natural resources or the people started to consider whatever exists in the nature as a beneficent sort of item to advance further. They stopped to consider nature as a phenomenon to live in harmony in it but only as a phenomenon that has to meet every need of modern world. Modern world needs more paper to prosper and more timber for furniture production, so they will continue to cut more trees to meet the uprising demands. Modern life finds comfort in the vehicles that produce a lot more emissions to the air without foreseeing further consequences of air pollution. Modern era cannot be considered civilized without electricity that means developing countries burn coal endlessly to improve life standards. From his book, one thing becomes obviously clear, if the humankind does not change its attitude towards nature, his generations will definitely suffer from longlasting repercussions that their ancestors left for them. In his nostalgic mood, Bate tries to identify the romanticist or naturalist authors’ delicate or rather logical and rational tendencies towards nature. He emphasizes their peculiarities through their perception and conscious attitudes towards nature. They would never be so highly praised by any readers of any time were they not realistic in their tendencies towards the nature. They got the inspiration from the nature, they reacted to the changes of the nature more logically though seasonally. Yet, ridiculously, for the current world, the change of a season is just the definition of what to wear in order to look more stylish. They do not see the necessity of the seasonal change, they long for their modish clothes to be put into the demonstration. They feel so unhappy about the season if it is not as expected just because of the fact they cannot wear their chic jacket or open heeled sandals. Ecological changes mustn’t be perceived so narrowly, it needs to be scientifically investigated, and therefore ecocriticism as a new literary form of criticism should be highly accentuated in this global century.

REFERENCES:

1. Barry, Peter. "Ecocriticism". *Beginning Theory: An Introduction to Literary and Cultural Theory*. 3rd ed. Manchester: Manchester UP, 2009.
2. Buell, Lawrence. *The Environmental Imagination: Thoreau, Nature Writing, and the Formation of American Culture*. Cambridge, Massachusetts and London, England: Harvard University Press, 1995.
3. Moore, Bryan L. *Ecology and Literature: Ecocentric Personification from Antiquity to the Twenty-first Century*. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
4. Rueckert, William. "Literature and Ecology: An Experiment in Ecocriticism." *Iowa Review* 9.1 (1978): 71-86.

УДК 821.111

Мансуров Р. Д.
(Ташкент, Узбекистан)

**“РЕСПУБЛИКА БУДУЩЕГО” АННЫ БОВМАН ДОДД – РОЛЬ ЖЕНЩИН
В ПРОИЗВЕДЕНИИ**

Аннотация. Данная статья анализирует работы женщин писателей Америки позднего 19 века на тему утопии/дистопии. Взгляд женщин писателей на роль слабого пола в будущем, их свободы и обратная сторона затронутая в их работ.

Ключевые слова: Утопия, дистопия, Государство женщин, Анна Бовман Додд, Республика Будущего.

Mansurov R. D.
(Tashkent, Uzbekistan)

**“THE REPUBLIC OF THE FUTURE” BY ANNA BOWMAN DODD – THE ROLE
OF A WOMAN IN THE NOVEL.**

Abstract. Analysis of female utopia/dystopia in American literature of late 19th century, its unique features that makes them utopia for females/dystopia for males. Reaction of females to their bounds. Political meditation on female rights in late 19th century utopia/dystopia.

Keywords: Utopia, dystopia, Anna Bowman Dodd, The Republic of the Future, self-sufficient society

Depiction of utopia or dystopia by female writers by the end of 19th century was not uncommon, for they wanted to be a part of a new world that would shape under their pen. As a matter of fact we could name several works which were published over the period of the 19th century, which had political and social reflection to the world. To this group we can classify Anna Bowman Dodd and her “*The Republic of the Future*” which was published in 1887. Her work was a response to the dramatic rise of utopian literature in the second half of the nineteenth century. Her work was published a year before Edward Bellamy’s famous “*Looking Backward*” appeared in 1888. These works fall into to the category of literature which Kate Millet have identified as reaction to oppressed gender.

Other novels which were written by female writers during that time were:

• *Mizora: A Prophecy* (1889) by Mary H. Lane It appeared in book form in 1890²¹. *Mizora* is “the first portrait of an all-female, self-sufficient society,”²² and “the first feminist technological Utopia.”²³ And dystopia for males.

---

²¹ New York, G. W. Dillingham, 1890.

²² Mary E. Bradley Lane, *Mizora: A World of Women*, Introduction by Joan Saberhagen; Lincoln, NE, University of Nebraska Press, 1999; Introduction, p. vi.

²³ Howard P. Segal, *Future Imperfect: The Mixed Blessing of Technology in America*, Amherst, MA, University of Massachusetts Press, 1994; p. 117.

• *Herland* (1915) by Charlotte Perkins Gilman²⁴

These works not only represent new social order but also at some point criticize realities of their time. While dealing with significance of dystopian literature of America at the end of the 19th century, we should approach each work from the different perspectives, for each of them had their strong sides and weak points. Applied to the case of Anna Bowman Dodd, we should rely on feminism criticism as it seemed to be the root of all ideas given in the novel. This short novella was written in the form of an epistolary novel Wolfgang, the main character wrote letters to his home, to his brother Hannevig while visiting New York Socialist City in the year 2050. Compared to others of that time, this work exposes dystopia in her novel. Famous at that time, movements such as socialism and feminism finally reached their ultimate goal. All were equal; all had exactly the same amount of space, house, clothes, work, food, and education. While using the method of describing relationships between the literary text and ideas about power, gender and sexuality in this novel, we see that Anna Bowman had her own view towards the happiness. Clear reflection of this idea can be seen on the 30-31 pages where the main character talked to a female citizen of New York Socialist City. The topic circled around the cooking and dressing. In the future, there was no longer need in chimneys, for a woman was no longer bound to kitchen, because of scientific advance food was sent by pneumo tube. The female citizen partially regretted about how things turned in the future she lived now but then she added:

*"I sometimes do wish I had lived in the good old times, in the nineteenth century, for instance, when such dear old-fashioned customs were in vogue as having four-hour dinners, and the ladies were taken into dinner by the gentlemen and every one wore full dress the dress of the period, and they used to flirt wasn't that the old word? Over their wine and dessert. How changed everything is now! However, she quickly added, "if kitchens and cooking and long dinners hadn't been abolished, the final emancipation of women could never have been accomplished. The perfecting of the woman movement was retarded for hundreds of years, as you know, doubtless, by the slavish desire of women to please their husbands by dressing and cooking to suit them"*²⁵

Men had as many rights as women. Lack of competition for better conditions, lack of masculine/patriarchal notions in this state of the future, men turned to be rather passive, almost exchanging with roles of females, while females who had all rights started to use all chances for their development which were limited in older times. Females were no longer burdened with child-care, in this future state, whereas in older times they (females) were bound by shackles of childcare and house chores. For houses were designed to minimize effort to clean them. Concepts of machinery cleaning/automated cleaning were offered to free women.

"Oh, everything is done by machinery, as at your hotel. Everything, the sweeping, bed making, window scrubbing and washing. Each department has its various appliances and apparatus." *"The Republic of the Future"*

²⁴ December 1915, The Forerunner (magazine)

²⁵ Anna Bowman Dodd, *The Republic of the Future, or Socialism a Reality*, New York, Cassel & Co., 1887

This equality destroyed the notion of a family, home, and children with this destroying all the strength of men. The same dress both for female and male took its share affecting the attitude of men to women.

“The women dress so exactly like the men in this country that it is somewhat difficult to tell the sexes apart.”²⁶ [Anna Bowman, 27]

“From what I have been able to observe, however, I should say that the prettiness which has descended to some of the women fails to awaken any old-time sentiment or gallantry on the part of the men. There has, I learn, been a gradual decay of the erotic sentiment, which doubtless accounts for the indifference among the men; a decay which is due to the peculiar relations brought about by

the emancipation of woman” [Anna Bowman, 37]

According to her the development of the ideas of equality between men and women are destructive, and can bring the long lasting negative side effects.

Thus, men turned to become passive, while all roads and political positions were luring females, for they didn't have power before. And now they had a chance to take it, and to try it.

“But the women here do appear to possess by far the most energy, vigor, vitality and ambition” Soon they took all influential positions, made laws that were comforting their needs, as amount of female citizens was higher than males, as the former war took the most part of male citizens.

These comparisons and interpretations are not intended to lower the concept of feminism, but rather to show the author's view and point her vision of consequences, for this novella is a science fiction, and dystopia. Partially it reflects political notions and dangers of their time, along the way studying the extreme forms of transformation of feminism movement. Yes, her visions might be wrong but we should consider the time when this novella was written, even prominent Mary Wollstonecraft didn't say that Man and Woman were equal. The fact that novella is dystopian might be the factor that turns the whole concept of feminism to darker side. We should keep that in mind while reading the text.

No wonder that such novels have appeared when women have taken equal positions to the men.

While discussing such novels we might find why the word “feminism” have become a derogatory word. Some female authors exposed equality among genders as something really bad at early development of the movement of feminism itself. Both *“The Republic of the Future”* and *“Mizora”* discuss the matter of equality crossing the border of normal perception, exposing extremes.

If we discuss the plot of *“Mizora”*, we can come across the first fictional creation of an all-female society. *“Mizora” is the journal of Russian princess whose boat is caught in a storm in the northern seas, sucked into ocean in the interior of the earth, where it finally lands on the a world inhabited only by woman. Society where there is no any single man. The society she finds in Mizora has resolved the*

---

²⁶ Anna Bowman Dodd, *The Republic of the Future, or Socialism a Reality*, New York, Cassel & Co., 1887

*problem of female inequality by simply eliminating men.*²⁷

Slowly but with steady movement women were able to gain their rights in this novel, but they didn't stop, they kept on moving. So the next move of equal females was to exclude all men from all official affairs, and after hundred years, "not a representative of (that) sex was in existence" with this this solution they were able to deal with "Plots, intrigues, murders and wars..." created by men and lived ever after in peace.

Same trend can be seen in Anna Bowman Dodd's novella where men are pictured as decorative elements, not as a part of progress and development. The major conversation between the main hero and a socialist world is set up with a female character. If we would give another 50 years for events to continue on like it is said in the novel, soon this city will be the same as city described in *Mizora*, free from men. "*The few men by comparison, whom I saw seemed to me to be allowed to exist as specimen examples of a fallen race. Of course, this view is more or less exaggeration. But the women here do appear to possess by far the most energy, vigor, vitality and ambition.*"(*The Republic of the Future*.)

With these lines we can prove the point given above, that men are decorative elements in this future world where women have achieved the rights equal to men and more. Why the author has shown females overpowering males? Why did that fight for equal rights turn to movement focusing on suppressing rights of males? Were these exaggerations the reason why the word feminism became a negative word? Can we reveal the truth? Why the author was rather interested in traditional way of life?

We might bring different arguments to justify or even blame the author for presenting their view, for telling things that doesn't make us happy. But literature is and should be mirror of society, and if we study this societies long history of oppression of women, that had diminished most female achievements, like spring, this long oppression pushed backwards for too long men had treated females not accordingly. In this sense, we can justify the Anna Bowman Dodd, for she intended that vigor, energy that made females active in her *The Republic of the Future* were side effect of long lasting sleep under which most females were. Females were limiting their mental capacity, thinking about daily routine, childcare, house chores, food and sleep, repeating this each day after another. Being unable to release the stress, anxiety and their creativity, females had overthrown patriarchal rule in *Mizora*, *The Republic of the Future* follows almost the same trend but in more passive aggressive mood, it is not enough for oppressed females to become free, for she has been oppressed far too long. Far too long men used excuses such as *house keeper, mother* to keep females away from their rightful position. Even for their education, which is useful for childcare, females had to fight. But with this it has not ended. When females got right to learn and study, males started to write special books for females intending to learn that are not scientifically equal to the ones which they use. It can be seen in Mary Wollstonecraft's *Vindications of Rights of Female Citizen*

Women's education, created by men, causes this: "One cause of this barren

²⁷ Jean Pfaelzer, *The Utopian Novel in America 1886–1896: The Politics of Form*, Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 1984; pp. 146-50.

blooming I attribute to a false system of education, gathered from the books written on this subject by men who, considering females rather as women than human creature, have been more anxious to make them alluring mistresses than affectionate wives and rational mothers; and the understanding of the sex has been so bubbled by this specious homage, that the civilized women of the present century, with a few exceptions, are only anxious to inspire love, when they ought to cherish a nobler ambition, and by their abilities and virtues exact respect”²⁸

In these lines, Wollstonecraft doubts the validity of knowledge given by books written by males. As she suspects that while writing a book a man might be driven by a motive to make females more feminine, omitting scientific part or by simplifying the matter in the book.

The writings of specific men have made women “artificial, weak characters... and, consequently, more useless members of society”.

In her efforts to vividly describe the condition of women within society, Wollstonecraft employs several different analogies.²⁹ She often compares women to slaves, arguing that their ignorance and powerlessness places them in that position.

Like in old proverbs that say reap what you have seeded. Men are punished accordingly for being unable to accept his beloved as equal to himself, if we think about it that is fair punishment for ignorance. In this case, work is dystopia as it warns beforehand the consequences of suppressed spring effect which will push back as soon as one releases the pressure over them. And that is females who will overthrow male patriarchal power, like in history slaves let Germans in to Rome, as a life of slave had nothing to lose. Oppression of their owners made them hate their condition, thus they just hoped for German tribes.

Thus when we see the exaggerations implied in the story of novella, we should be aware that it had its reasons to appear. We must not discard notions of the history, and fight which female gender had to obtain their basic rights. But scenario given in the novella, doesn't say why it happened that while obtaining their (females) rights, they have diminished rights of their counterpart.

The men loaded females with much tasks, childcare, house cleaning, cooking, educating children, and even working while doing all this, females got really tired from it. Thus when they got equal rights, they wanted to get it at full. For childcare most of the time relies on mother, for she is most of the time at home. While father is busy with working and making money, which is important too for keeping the family. But females in novel had other views towards it; it is not the equality they want. They want to revenge on the men. This resulted in removing child from family, this resulted in removing family dinners/cooking for husband, dazzled by such acts men lost all the joy living, for he got used to have cooker, mother, house cleaner, teacher at one single person.

It is interesting that men is bound to his counterpart but at the same time keeps her far from tasks that he does. And when his counterpart decides to leave,

---

²⁸ Wollstonecraft, Mary. *The Vindications: The Rights of Men and The Rights of Woman*. Eds. D.L. Macdonald and Kathleen Scherf. Toronto: Broadview Literary Texts, 1997. ISBN 1-55111-088-1

²⁹ Kelly, Gary. *Revolutionary Feminism: The Mind and Career of Mary Wollstonecraft*. New York: St. Martin's, 1992. ISBN 0-312-12904-1. 118ff

not to be longer bound to him, he turns out to be less useful.

This can be seen in the novella, for repeatedly Anna Bowman Dodd uses to describe them as rather not active part of social layer, part without which society can make it. Not obligatory part of progress, for partially revealing the truths about men that they are arrogant, egoistic, and desire to have best.

Interesting thing that needs to be noted is idea of removing child from the family. The idea is intended to free the females, but along the way it serves other purpose too. By removing the child from family, father will not have to earn more, thus suppressing his instinct of care for newborn child, also reducing his motivation to work on himself, to improve his skills so that he could earn more than others. Thus he would not contradict to order of equality by making more than others.

It is nature of men to search for better, to seek the better conditions, to improve and challenge the life but when we remove such factors, no longer we would be able to see the men. Competition and fight for living defines many of men, but in society where everyone is equal and any competition (to obtain heart of beloved, to win in sports, to win the war) are seen as negative act, no wonder that men has lost their shape like amoeba carrying their existence from food consumption to working and sleeping, compared to the main hero, who is still curious, active, and alive. The main hero presents society of older way, where females dedicate themselves to make their husbands better. But this making him stronger mentally, improving his self-esteem.

Even business or any other intellectual or economical rivalry faded to exist in the novella. For all property in this magnificent city belongs to government, each house, each street, each shop, each café and even hotels. Thus men are unable to work on their talents, do his favorite job according to his merit.

“...from the principle which has decreed that no man can have any finer house or better interior, or finer clothes than his neighbor. The abolition of poverty, and the raising of all classes to a common level of comfort and security, has resulted in the most deadening uniformity. Take for example, the aspect of the shop windows. All shops are run by the government on government capital; there is, consequently, neither rivalry nor competition. The shop keepers, who are in reality only clerks and salesmen under government jurisdiction, take naturally, no personal or vital interest either in the amount of goods sold, or in the way in which these latter are placed before the public.”³⁰

Historical experience which we had over the first half of 20th century till the end of the 20th we experienced to what it brings to. Eventually, such businesses fail to function in reality.

REFERENCES:

1. Anna Bowman Dodd, *The Republic of the Future, or Socialism a Reality*, New York, Cassel & Co., 1887
2. Kelly, Gary. *Revolutionary Feminism: The Mind and Career of Mary Wollstonecraft*. New York: St. Martin's, 1992. ISBN 0-312-12904-1. 118ff

---

³⁰ Anna Bowman Dodd, *The Republic of the Future, or Socialism a Reality*, New York, Cassel & Co., 1887

3. Wollstonecraft, Mary. *The Vindications: The Rights of Men and The Rights of Woman*. Eds. D.L. Macdonald and Kathleen Scherf. Toronto: Broadview Literary Texts, 1997. ISBN 1-55111-088-1
4. Jean Pfaelzer, *The Utopian Novel in America 1886–1896: The Politics of Form*, Pittsburgh, University of Pittsburgh Press, 1984; pp. 146-50.
5. Mary E. Bradley Lane, *Mizora: A World of Women*, Introduction by Joan Saberhagen; Lincoln, NE, University of Nebraska Press, 1999; Introduction, p. vi.
6. Howard P. Segal, *Future Imperfect: The Mixed Blessing of Technology in America*, Amherst, MA, University of Massachusetts Press, 1994; p. 117.

УДК 821.111

Мансуров Р. Д.
(Ташкент, Узбекистан)

**“КОЛОННА ЦЕЗАРЯ” - ДИСТОПИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ ОПИСАННОЕ
ИГНАТИУСМ ДОНЕЛЛИ**

Аннотация. Данная статья анализирует работу писателя Игнатиуса Донелли на тему дистопии. Взгляд писателя на проблемы, затронутые в его произведении “Колонна Цезаря” и их возникновения.

Ключевые слова: Утопия, дистопия, Колонна Цезаря, Игнатиус Донелли, апокалиптическое утопия.

Mansurov R. D.
(Tashkent, Uzbekistan)

**“CAESAR’S COLUMN” – DYSTOPIAN FUTURE REFLECTED
BY IGNATIUS DONELLY**

Abstract. Analysis of “Caesar’s Column, dystopian future reflected by Ignatius Donnelly in late 19th century. Overall evaluation problems reflected in the novel and their origins.

Keywords: Utopia, dystopia, apocalyptic dystopia, Caesar’s Column, Ignatius Donnelly

American dystopian works of the late nineteenth century focused on problems that started to occur at that time, leading readers to certain problems, directly or indirectly exposing certain *faux pas* of social, economic, political kind. An American dystopian novel at the late 19th century can be a clear example for that as all novels of the period were reflecting the challenges of that time. If we historically look at it we can see that the late 19th century is marked within itself by industrialization, high rate of immigration – “From 1865 through 1918 an unprecedented and diverse stream of immigrants arrived in the United States, 27.5 million in total.³¹”, these factors brought to social intensity, burst out in strikes such as *Great Railroad Strike of 1877, Pullman Strike, Lattimer Massacre, Homestead Massacre, Bay View Massacre*. All these strikes taking place in the second half of the 19th century reflected that there were problems in America.

Since it is known that literature is the “mirror” of the society, it is obvious that these kinds of social unrest lead to formation of certain literature that intended to give advice or point out solutions to cases. To such literature we can refer Ignatius Donnelly’s “*Caesar’s Column*”, written in 1890. This work shows concerns of the writer about the future, indeed these concerns come from the writer’s stand point, to some extent, and outlined problems have exaggerated significantly to fill the function of the novel, as if warning the society. Some people classify dystopian

---

³¹ U.S. Bureau of the Census, Historical Statistics of the United States (1976) series C89-C119

novels as cautionary tales/fables, like those which are told by elders to younger ones, carry didactic/moral lessons. Same concept can be seen in dystopian/utopian works, reading which we understand why one should build a house using bricks (*The Three Little Pigs*). So is "*Caesar's Column*"³² in which Donnelly tries to explain occurring social problems of America to his readers. As the author, Donnelly directly spoke about problems, proving the fact, he was a representative of politics, which gave him a chance to point out roots of some social problems. If we look at all the strikes that took place over the second half of the 19th century we can see that workers were just asking for fair wages. But as a rate of emigration was high, coming people were looking for any kind of paid job, thus they would not mind to work for a lower price. And this created much discomfort for those who had already settled in/used to get their wage accordingly. Cheaper work force gives a chance to cut on wages, while having same amount people, thus giving a chance to an owner of a company to pay less for the same scope of work. This and other interesting observations were made by Donnelly in his "*Caesar's Column*".

It is not surprising that for some it would seem that Donnelly uses his political visions in his novel. Whatever he spoke about were his political passions that intended to represent interests of certain groups. Nevertheless, the above should not diminish the value of the novel as it contains a mixture of literary genres, such as apocalyptic dystopia, apocalyptic utopia, science fiction and romance.

Speaking of science fiction we should accept the convention applied in such works. Like in drama on stage, people while reading the science fiction novel agree to implicitly accept conditions given in the work. That is the case, while we discuss Ignatius Donnelly's work "*Caesar's Column*". Donnelly's novel was one element of the great wave of utopian and dystopian literature during the later nineteenth century and the early twentieth, exemplified by works like Edward Bellamy's *Looking Backward* and Jack London's *The Iron Heel*³³. He uses the science fiction as a tool of convention when he describes future of New York in his novel. Convention in his novel can be seen in relation of *time and space*, that can be seen in stories beginning when Gabriel Weltstien arrives in New York in 1988, while the novel itself has been written in 1890. If we compare the dates, it is evident that a reader will have to accept convention of time in the novel, for the author has defined the exact *time and space* (location), which is almost 100 years later. Possibilities given by such a long time, gives him enough space to define future itself. That is evident while we read the novel itself. The notions such as gas bombs, exploding bullets, even the notion of online communication, also called as internet can be seen with the novel itself. Thanks to the convention of time and space, we accept possibility of these inventions without doubt, at the same time these ideas given in 1890 further shaped our society in its own way, even becoming an inspiration source for inventors. And if we look at copies of books

---

³² "Edmund Boisgilbert, M.D.," *Caesar's Column: A Story of the Twentieth Century*, Chicago, F. J. Shulte and Co., 1890.

³³ Allyn B. Forbes, "The Literary Quest for Utopia, 1880–1990," *Social Forces*, Vol. 6 No. 2 (December 1927), pp. 179-89. Kenneth Roemer, *The Obsolete Necessity, 1888–1900*, Kent, OH, Kent State University Press, 1976.

sold at that time, its sales eventually comprised 250,000 copies³⁴. And if we consider the number each book sold, it is evident that a single book has been read by more than one person. At least if we say each book sold was read by 2 people that would mean half a million people were under the influence of creative future given by Donnelly. But if we say that each book was read by three or more people, numbers would drastically change –750 000 and even million minds were under the influence.

It is not surprising that combination of such genres were used in this novel, as it was written in end of the 19th century, and had, what we call now, clues to better future. Also, time and location of events pushes us to suppose that under the condition of fin de siècle, this works are intended as landmarks for future generation, for not all being aware of problems coming up at the end of the 19th century. To such one we could classify the rising mood of revolution of the working class, for the 19th century had its significant impact on politics, furthermore on political conditions that would prevail after its end. Progressive thinkers such as Marks and Engels had already left their most prominent works, to which we can classify the *Capital, Volume I (Das Kapital)*, in 1867. Socialism, as an idea got its philosophical roots at end of the century. Many were allured by offers that promised an idea of equality. Many were not ready to accept an idea of equality as it was in theory. Many didn't like the idea of sharing their property with others. Thus the beginning of the 20th century had severe consequences reflected in many forms of conflicts such as the Civil War in Russian Empire. These conflicts occurred because of socialist ideas according to which a working class should be able to have enough for his living clashed with bourgeoisie ideas. Ignatius Donnelly shows this brutal class conflict in very extreme ways when the representatives of the working class become giant tide of blood thirsty animals. In this sense, the idea of creating a society of equal people fails, for the *Brotherhood* (those who were inspired by socialist ideas, oppressed) uses mob to defend itself but lack of control over the mob results in disorder, resulting much damage to the city and to progress which they have achieved over many years. That is no way they can restore what they have destroyed. It is evident that several such strikes that took place in the United States had its share in explanation of the conflict.

It is no wonder that the whole world changed after the First World War. New economic ideas and their implementation took place during that not stable time. Socialism as such started to grow in former Russian Empire, for the First World War ended deadly for the old order in Russia.

And from the point of the literature such progressive changes might sometimes become deadly not only for certain group/class of people but to the whole world itself. Socialist at the beginning intended to make the whole globe catch the fire of revolution. An alternative story written by Donnelly speaks about what if this socialist movement went really wrong, as socialism was an experiment. Its success or failure was a matter of time to reveal. In order to show the conflict, the author shows oppressed working class, and world where oligarchy rules. They issue the laws; they take what they want in any way they want, as they own

---

³⁴ Alexander Sexton, "Caesar's Column: The Dialogue of Utopia and Catastrophe," *American Quarterly*, Vol. 19 No. 2 Part 1 (Summer 1967), pp. 224-238; see p. 227.

everything. From being unable to obtain/improve their conditions working class has to use force to improve its conditions of life and work. Thus *Brotherhood of Destruction* appears which promises to improve the conditions for working class, and use force if needed. It is Brotherhood of Destruction who saves the main hero from accident under which he was supposed to be sentenced for he attempted to protect a poor beggar. The main hero disagrees with ideas of destruction, and suggests peaceful way of improving this conflict. But it turns out to be too late, for the hate of the oligarchy by working class has become the passion which keeps them alive, each day they wait, wait for revenge. These descriptions seem to become reality if we look at history.

There are certain questions which might help us to identify the why the author expressed the revolution as not a constructive way of development. The first question: Why did the author decide to include the main hero to the moment of clash between two classes (socialist and oligarchy)? The second question: Why are most people doomed in the novel? The third question: Is it true that events depicted can present reality?

The answer to the first question: Gabriel Weilstien arrived in New York in 1988 by airship, to do business with American Manufacturers, but difficulty arises when he cannot reach them as an international cartel controls all transactions. As a guest he stays at Hotel Darwin, and has a chance to see all the best what progress can offer to guests who came to do business, beginning with televised menu, and electronic newspapers.

Soon, however, he gets in accident by protecting a poor beggar, from a coach driver; he takes away by force the golden whip which has a symbolic meaning. The furious coach drive calls for police and asks them to catch the lawbreaker for he has taken away the golden whip from the hand of a coach driver which later on the main hero discovers belongs to Prince Cobano, a leader of oligarchy. But police fails to catch the main hero; he was saved by the beggar who was not a beggar at all. This man was called Max Petion, and he was one of leaders of Brotherhood of Destruction. Why have these three crossed the road at once (at the same time)? The first of them was just an entrepreneur who came to do direct business in America (our main hero) who presented passive role of spectator with minimal political role. The second character is Max Petion, a former landowner who is chased away from his land, the one who dedicates himself to revenge over the people who have sized his property. Thus he becomes second in charge in Brotherhood of Destruction. The first and second characters meet by accident when pretending poor beggar Max Petion was doing his rescue operation. Prince Cobano represents an evil character as his acts reveal his identity rather fast. As his name suggests, the title of prince is rather symbolic one, for being able to gather most currency he is called like that. And like all princes with bad taste, he is obsessed with power and pleasure of money. Thus he seeks young girls as objects of entertainment, and he has more than one wife. It is an accident that Stella Washington is supposed to be a the wife, for she has been sold. Max Petion was in disguise to inform her while she was on coach that there would be somebody in the castle of Prince Cobano who would help her in her escape. By a lucky chance or an accident the main hero happens to spoil the entire plan that Max Petion has created, and because of this fuss police has to be

involved.

If we think about it, we find that the author intentionally made this clash of three representatives of different layers of society, an arrogant coach driver, who presents power of Elite (Prince Cobano), an oppressed one, who is dedicated to destruction (Max Petion) because he failed to find a peaceful way to solve the problem and a spectator. The spectator is the main hero, who speaks the words of the author, the single embodiment of truth who attempts to resolve the conflict of the former two. As a writer, Ignatius Donnelly, tries with his reason to persuade both sides to find another means by which both political groups could reach an agreement. He made much effort not to let this anger gathered in hearts of the poor to burst away, he tried to direct this hate to something peaceful, to something creative with which both sides would reach their goal. Each getting armed with what they can, calling in the consequences which would prevail, as if in one famous saying "You cannot prevent war, while preparing for it". At one side Oligarchy prepares gas bombs to use them against its people, while on the other side Brotherhood of Destruction decides to use gas bombs against people who were responsible to its massive production that is oligarchy.

All this ends with global starvation, as a result of destruction made the Earth being unable to maintain its bad mannered habitants. Apocalyptic end reaches most.

The answer to the second question: Most people in the novel are doomed by the end of the novel, as they have destroyed everything, thus making it impossible to feed themselves, as their food, were made by farmers. And farmers were called to join the city in battle against Oligarchy. Most people in the novel are doomed for not being able to think on their own, for not thinking about the consequences of their acts, for being unreasonable creatures. They destroyed everything what was keeping them alive.

Most people in the novel are doomed since they decided to accept their inner instincts as a primary factor. They have told one thing, but when time came they did totally another thing. They told they wanted to build a new world, but one couldn't build new world while destroying another one. Logical flaw in their mind played a key factor. They decided to set the world on fire, fire of the revolution, while not noting the factor they were affected by this fire too. Fire is not reasonable; it matter whether it will burn the castle of rich, or the poor's house. Both will burn, for these two close to one another. Brotherhood of Destruction failed to educate its weapon, the mass (angry mob) about possible consequences of such an act, thus leading to mass starvation and death. The mass (almost all people) in the novel is doomed for being unable to resolve the problem by peaceful means. People had enough time, education but they were unable to reach consensus.

Thus, of Donnelly's tale seems to carry much for developing countries, we should not be fooled with lies that revolution promises, we should be cautious about everything that promises best results in short time. *Brotherhood of Destruction* manipulated with conditions of poor, while being unable to educate them. While digging the grave for someone else, they have made it deep enough for themselves too accidentally. After killing all representatives of Oligarchy, the mob fails to stop. The mob fails to control itself. Thus they kill Brotherhood Representatives too, along

with Caesar Lomellini, the leader of Brotherhood of Destruction. In the end, mob finally realizes grave error which it had done, for they would die from starvation. Most participants of conflict die, and novel points out the negative consequence of civil war, to both political groups.

REFERENCES:

1. U.S. Bureau of the Census, Historical Statistics of the United States (1976) series C89-C119
2. "Edmund Boisgilbert, M.D.," Caesar's Column: A Story of the Twentieth Century, Chicago, F. J. Shulte and Co., 1890.
3. Allyn B. Forbes, "The Literary Quest for Utopia, 1880–1990," *Social Forces*, Vol. 6 No. 2 (December 1927), pp. 179-89. Kenneth Roemer, *The Obsolete Necessity, 1888–1900*, Kent, OH, Kent State University Press, 1976.
4. Alexander Sexton, "Caesar's Column: The Dialogue of Utopia and Catastrophe," *American Quarterly*, Vol. 19 No. 2 Part 1 (Summer 1967), pp. 224-238; see p. 227.

Оразов Ерлан Еркемович
Северо-Казахстанский государственный университет
им. М. Козыбаева
(Петропавловск, Казахстан)

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЗАГОЛОВКОМ И ПОДЗАГОЛОВКОМ НА СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

Аннотация: В статье рассматриваются семантико-синтаксические отношения между основными элементами заголовочного комплекса. Отмечается, что в соотношении между заголовком и подзаголовком можно выделить два основных типа отношений: собственно семантические и структурно-семантические. При этом в каждом из них имеются свои разновидности, которые подробно анализируются авторами. Кроме того, отмечается, что определённую роль в установлении отношений между заголовком и подзаголовком на семантико-синтаксическом уровне играет пунктуация.

Ключевые слова: заголовок, подзаголовок, семантические отношения, синтаксический уровень.

Annotation: The article discusses the semantic and syntactic relations of the main elements of the header complex. It is noted that two main types of relations in the relationship between the title and the subtitle can be distinguished: semantic and structural-semantic. Each of them has its own varieties, which are analyzed in detail by the authors. In addition, it is noted that punctuation plays a role in establishing the relationship between the title and the subtitle at the semantic and syntactic level.

Keywords: title, subtitle, semantic relations, syntactic level.

В настоящее время лингвистика подошла к необходимости анализа целого текста, следовательно, объектом изучения исследователей становится текст любого функционального стиля, в том числе газетно-публицистического. Как известно, лингвисты выделяют различные подходы к изучению текста, основными являются: 1) от целого к его составляющим; 2) от составляющих к целому.

В данном исследовании мы рассматриваем второй подход, для которого характерно изучение «малого» текста, так называемого «содружества предложений». При этом в центре внимания лингвистов оказываются такие единицы текста, как сверхфразовое единство (СФЕ), сложное синтаксическое целое (ССЦ), абзац, текстовый фрагмент и др. Тесная взаимосвязь составляющих частей текста (когерентность) проявляется одновременно в виде смысловой, коммуникативной и структурной целостности, которые соотносятся между собой как содержание, функция и форма соответственно.

При анализе газетного текста, прежде всего, встаёт вопрос о его границах. Так, некоторые исследователи указывают на заголовок как один из компонентов членения газетного текста. «Заглавие текста имеет статус

текстовой единицы» [1, 110], вступающей в тесное взаимодействие с другими компонентами произведения. Эта особенность заголовка заставила многих учёных обратиться к анализу взаимодействия «заголовок – текст».

С нашей точки зрения, заголовок занимает своеобразное положение по сравнению с другими единицами текста – СФЕ, абзацем и т.п. Своеобразие заголовка заключается в том, что, входя в состав текста, он предваряет его, графически расположен вне его структуры. С одной стороны, заголовок – член общей структуры композиционного членения текста, а с другой, он представляет собой завершённое, самостоятельное смысловое высказывание и является, можно сказать, сжатым смыслом последующей статьи, т.е. заголовок – это конденсат смысла.

Нам представляется более целесообразным при рассмотрении газетного текста принять подход к тексту и определению текста, предложенные И.Р. Гальпериным: текст – «это произведение речетворческого процесса, обладающее завершёностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единиц), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку» [2, 18]. Отсюда следует, что заголовок входит в структуру текста и является его обязательным компонентом.

Стоит отметить, что отношения между элементами заголовочного комплекса рассмотрены недостаточно. Наиболее часто анализу подвергается связь заголовка с текстом. Однако элементы заголовочной системы вступают в смысловые связи и между собой. Так, заголовок вступает в отношения с подзаголовком, который выполняет уточняющую, пояснительную функцию по отношению к первому.

В современных газетах наблюдается активное употребление подзаголовков. Эта тенденция объясняется тем, что, делая заголовок номинативным, рекламным или информативным, авторы статей детализируют, раскрывают значение заголовков, вводя нейтральные, неэкспрессивные, информативные по содержанию подзаголовки. При этом наблюдаются определённые связи между заголовками и подзаголовками, что позволяет говорить об их семантико-структурной организации.

С нашей точки зрения, в соотношении между заголовком и подзаголовком можно выделить два основных типа отношений (связей):

- собственно семантические отношения, когда между заголовком и подзаголовком устанавливаются лишь смысловые связи, например:

З. Бутербродов с салом хватило всем

П/з. В Киеве широко отпраздновали 25-ю годовщину независимости Украины (25.08.16, «Комсомольская правда»)

- структурно-семантические отношения, когда между заголовком и подзаголовком устанавливаются не только смысловые, но и структурные связи, что подчёркивается союзами (сочинительными и подчинительными), лексическими средствами и др. В данном случае заголовок и подзаголовок представляют собой единое (целостное) предложение, т.е. структурно-

семантическое единство. При этом, хотя предложения могут быть представлены парцеллированно: заголовок и подзаголовок расчленены графически (подзаголовок начинается с красной строки) и, как правило, пунктуационно, это не мешает, однако, воспринимать их как структурно-семантическое единство. Например:

3. Красивой можно стать...

П/з. ...только одним способом: работая над собой, как вол (22.03.18, «Комсомольская правда»)

При этом в каждом из двух типов отношений (собственно семантическом и структурно-семантическом) имеются свои разновидности. Рассмотрим их несколько подробнее.

Так, в собственно семантическом типе отношений между заголовком и подзаголовком выделяются главным образом следующие разновидности: пояснительно-конкретизирующие, причинно-следственные, пояснительно-комментирующие, что не противоречит назначению подзаголовка (пояснить, уточнить заголовок) и его основной функции – информативной. Например:

3. Воспламенившаяся готика

П/з. Сгорел собор Парижской Богоматери (16.04.19, «Коммерсантъ»)

Отметим, что при этом наиболее типичными являются пояснительно-конкретизирующие и пояснительно-комментирующие отношения между заголовком и подзаголовком.

Особенностью пояснительно-конкретизирующих отношений является то обстоятельство, что заголовок несёт общую информацию, недостаточно развёрнутую и по существу является недостаточно информативным; подзаголовок же при этом конкретизирует, «развёртывает» информацию заголовка. Например:

3. Предсказанному не верить!

П/з. Можно ли считать астрологию серьёзным занятием? (28.09.18, «Известия»)

В данном примере подзаголовок конкретизирует заголовок, но заголовок содержит категорический запрет, а подзаголовок – сомнение.

Особенность пояснительно-комментирующих отношений, с нашей точки зрения, состоит в том, что заголовок выражает определённую информацию или обозначает, называет тему публикации, а подзаголовок указывает на источник получения информации, т.е. подзаголовок представляет собой в определённом отношении комментарий, ссылку. Например:

3. Стечение обстоятельств

П/з. Версия обозревателя (14.09.18, «Известия»)

В эту же группу входят комплексы, в которых в заголовок выносятся в предложение, не вполне понятное по своему содержанию. При этом подзаголовок содержит указание на автора слов. В подзаголовке обычно употребляются глаголы мысли, знания, говорения. Такие комплексы, как правило, имеют экспрессивное актуальное членение, когда рема предшествует теме. С другой стороны, редакция может выносить указание на автора в подзаголовок, чтобы показать достоверность информации. Например:

3. Это будет другой собор с внешностью Нотр-Дама

П/з. сказал вице-президент ассоциации по защите памятников Франции Жюльен Лаказ о масштабе понесённых потерь (17.04.2019, «Коммерсантъ»)

Особенно интересен структурно-семантический тип отношений, когда заголовок и подзаголовок, как мы уже отмечали, представляют собой единое предложение, т.е. структурно-семантическое единство.

При этом структурно-семантический тип отношений представлен следующими парцелированными синтаксическими конструкциями:

1) сложносочинённым предложением (обычно с противительными союзами) – в данном случае между заголовком и подзаголовком устанавливаются соответственно сопоставительно-противительные отношения, напр.:

3. Бывший директор оштрафовал свой завод

П/з. А новым хозяевам это не понравилось (21.12.17, «Комсомольская правда»)

2) сложноподчинённым предложением, где подзаголовок представляет собой, как правило, придаточное условия, цели, причины, изъяснительное и др., что подчёркивается соответствующим союзом и закрепляет соответствующий тип структурно-семантических отношений, напр.:

3. Горожане оказались не готовы к льготам

П/з. Поэтому и не получили их (26.04.16, «Коммерсантъ»)

Сложное предложение, разделённое графически на две части, позволяет не только дать информацию в заголовке, но и прокомментировать её в подзаголовке с помощью придаточной части предложения: указать на причину, цель, условие и т.д. того или иного события, факта, явления.

3) реже бессоюзным сложным предложением, напр.:

3. Китай освобождается от диссидентов

П/з. их переправляют в США (24.12.15, «Коммерсантъ»)

4) простым двусоставным предложением, напр.:

3. Праздник с огоньками

П/з. устроит Владимир Яковлев на Новый год (22.12.15, «Аргументы и Факты»)

Подзаголовок, на наш взгляд, снимает рекламность «непонятого» заголовка, что можно объяснить стремлением к информативности.

5) осложнённым предложением, которое осложнено обычно обособленным обстоятельством, выраженным деепричастным оборотом, однородными сказуемыми, а также обособленными дополнениями. Вынесенная в подзаголовок часть вносит элемент неожиданности и создаёт новое прочтение заголовка, с пояснением, с дополнительной информацией. Большое значение в таких предложениях играют частицы. Например:

3. Трудовой кодекс запретил забастовки

П/з. Но разрешил праздники (20.01.15, «Коммерсантъ»)

Необходимо отметить, что в тех случаях, когда заголовок и подзаголовок представляют собой структурно-семантическое единство, иногда могут сохраняться пунктуационные знаки в конце первой части высказывания, т.е. в конце заголовка, напр.:

3. Рахмановская кровать,

П/з. или Рожайте с комфортом (26.05.17, «Медицинская газета»)

Пунктуация играет определённую роль в установлении отношений между заголовком и подзаголовком на семантико-синтаксическом уровне. Как известно, при изучении пунктуации выделяют три принципа русской пунктуации: грамматический, семантический и интонационный. Знаки, обусловленные строением предложения, его синтаксисом, Н.С. Валгина называет «грамматическими», они обязательны. Но наряду с ними используются пунктуационные знаки, не регламентированные правилами орфографии и пунктуации.

Грамматическое членение текста, в том числе и отдельного предложения, задаётся его смыслом (т.е. оно «отражает содержательную значимость речи» [3, 20]) и интонацией. Таким образом, смысл и интонация могут своеобразным образом формировать структуру предложения, т.е. будут требовать использования иных пунктуационных знаков; например, знак может разделить логически и эмоционально несовместимые понятия.

Конечно, грамматический принцип пунктуации является ведущим, но интонационный и смысловой принципы оказываются очень важны именно для тех заголовков, цель которых, как уже отмечалось нами выше, заключается не только в информировании, но и в воздействии на адресата (следовательно, важными оказываются эмоции, экспрессия, оценка). На заголовки также влияет закон экономии языковых средств, это проявляется в стремлении сделать заголовок коротким, но броским, что реализуется выбором определённых пунктуационных знаков.

Пунктуация занимает при оформлении заголовков и подзаголовков не последнее место, можно говорить о синтаксических средствах выражения рекламности, экспрессии, которая создаётся пунктуацией. Как и синтаксис, пунктуация в заголовках выступает как средство создания экспрессии, создаёт рекламность заголовка. Из наблюдений над пунктуацией заголовков и подзаголовков можно сделать некоторые выводы.

Общим правилом для заголовков и подзаголовков является отсутствие знака точки в конце. Остальные знаки препинания возможны: вопросительный и восклицательный знаки, тире, многоточие, двоеточие. Но и здесь есть исключения, напр.:

3. Зарплата выросла.

П/з. Но пока только в Подмоскowie (26.04.18, «Медицинская газета»)

Данный заголовок имеет знак точки на конце, что противоречит законам оформления заголовков. Но сохранение пунктуации можно объяснить, если обратиться к подзаголовку: оказывается, заголовок и подзаголовок представляют собой единое целое, где синтагма выносится не только за точку, но и графически переносится на следующую строку.

Это же относится и к примерам, в которых заголовок заканчивается знаком «запятая» на конце; всегда в этом случае подзаголовок является продолжением заголовка, и сохранение знаков препинания свидетельствует о едином целом заголовка и подзаголовка. Как правило, в таких примерах подзаголовок начинается с прописной буквы, напр.:

3. Кладбище в горах,

П/з. или Почему альпинистам очень нужны психологи (26.04.18, «Медицинская газета»)

Распространёнными оказались заголовки с двоеточием. Проникновение конструкции с двоеточием в заголовки связано непосредственно с проникновением разговорных конструкций в письменную речь. Эти заголовки, как правило, эмоционально выразительны, лаконичны. Говоря о структуре таких заголовков с двоеточием, можно сказать, что они состоят из двух частей, которые намеренно выделяются пишуцим. «Двоеточие позволяет синтаксически оформить усечённые куски текста в единое целое. Знак препинания превращается в связующее звено» [4, 72]. При этом обычная форма предложения, вводящая прямую речь, практически не встречается. Зато активно употребляется конструкция, восходящая к предыдущей, но отличающаяся от неё отсутствием глагола говорения. Двоеточие в таких заголовках ставится после имени лица, чьи слова следуют дальше. В качестве прямой речи используются слова, которые находятся в тексте статьи. Например:

3. Пако Рабанн: «Прежде всего смотрю в глаза женщины. И на её подыжки» (18.01.16, «Аргументы и Факты»)

Интересно построение конструкций с двоеточием, где первая её часть выражена словом-призывом, а вторая часть после двоеточия разъясняет, поясняет первую, напр.:

3. Осторожно: вы выиграли! (13.09.18, «Аргументы и Факты»)

Тесная связь с текстом публикации, эмоционально-экспрессивная насыщенность, создаваемая в результате использования такой конструкции, выделяет подобные заголовки на страницах газет.

Для современного употребления многоточия характерна разъяснительно- пояснительная функция, двоеточие как бы предупреждает о таком пояснении. Именно разъяснительно-пояснительный тип предложения обнаруживается при построении двучленных конструкций, очень распространённых в заголовках. Н.С. Валгина говорит о новом качестве знака двоеточия в таких заголовках – ритмико-эмфатическом. «Современная пресса активно использует этот знак, хотя правилами он не предусмотрен. При помощи двоеточия достигается определённая краткость и броскость, рекламность, именно поэтому двоеточие можно назвать эмфатическим, т.е. употребленным в выразительных целях» [3, 117].

Такие двучленные конструкции эффективны, броски и лаконичны, как правило, строятся они по схеме: название общей проблемы и конкретизирующие её частные аспекты и детали; место и событие. В таких заголовках знак двоеточия оправдан своим значением – разъяснением, напр.:

3. Лечение нарушений памяти: поиск продолжается (17.12.15, «Медицинская газета»)

Распространёнными также оказались заголовки, представляющие собой двучленные конструкции «именительный падеж – вопросительное или восклицательное предложение», напр.:

3. Голливуд в России: любить или ненавидеть? (22.09.16, «Аргументы и Факты»)

Параллельно с этими конструкциями употребляются однотипные, но со знаком тире в своём составе, напр.:

3. Серебряный звон – удача или разочарование? (14.02.17, «Комсомольская правда»)

Особенностью пунктуации в заголовках является использование многоточия. Многоточие служит для отделения друг от друга членов предложения, но наряду с этой отделительной функцией оно обладает и другими значениями, связанными с эмоциональной стороной речи, а отчасти и с содержательной [3, 58].

Многоточие может подчёркивать алогизмы, указывать на неожиданность и содержательную неоправданность сочетания каких-либо слов, иногда даже абсурдность таких сочетаний (но абсурдность, которая оказывается реальностью), факты, противоречащие здравому смыслу. Такие заголовки очень распространены в современных газетах. Как правило, это заголовки с разрывом конструкции в середине знаком многоточия, напр.:

3. Месть... посредством мины (18.12.15, «Медицинская газета»)

Многоточие здесь как бы «разводит» слова, указывая на несовместимость их значений, на смысловые сдвиги, на необычность сочетания слов.

Для современных заголовков характерна недоговорённость, которая реализуется предложениями, заканчивающимися многоточием в конце предложения. Это придаёт заголовку недосказанность. Использование такого типа заголовка направлено на то, чтобы читатель сам закончил предложение-заголовок, либо пропуск, обозначенный многоточием, может восполняться всей заметкой, напр.:

3. Президент, который нас, понимаешь... (15.12.15, «Комсомольская правда»)

Многоточие может означать и просто пропуски частей текста, отдельных слов, например, в общеизвестных выражениях, употребляемых в качестве заголовков, напр.:

3. Девушка рядышком с дедушкой... (11.05.17, «Аргументы и Факты»)

Многоточие может выступать в газетных заголовках как составная часть сложного знака – в сочетании с вопросом или восклицанием, напр.:

3. А был ли попугай?.. (25.04.17, «Известия»)

Многоточие к вопросу или восклицанию добавляет оттенок эмоциональной напряжённости – восторг, неуверенность, растерянность.

Интересно употребление многоточия в начале предложения, хотя примеры единичны, напр.:

3...И врачам нужно аплодировать (21.04.16, «Медицинская газета»)

Такие заголовки нетипичны для заголовков, но они экспрессивны благодаря своей незавершённости. В таких заголовках опущена первая часть высказывания, что создаёт неполноту и привлекает читателя. Читатель может спрогнозировать первую часть высказывания сам или найти её в статье.

Особый интерес представляют необычные с точки зрения пунктуации заголовки, напр.:

3. Школа – улица – тюрьма (28.06.16, «Аргументы и Факты»)

Знак «тире» придаёт соединённым словам общность. Так, в данном

примере знаком тире сближаются слова одной сферы. Главная задача здесь показать цепочку следования по жизни.

Пунктуация подзаголовков представлена не так разнообразно, что в первую очередь связано с функцией определённых знаков препинания – пояснять, уточнять заголовок, поэтому в подзаголовках главным образом используются повествовательные предложения и соответственно не употребляются никакие пунктуационные знаки за исключением запятых внутри предложения.

Иногда в подзаголовках исследуемых газет допускается вопросительный знак в конце предложения, но такие примеры единичны. Допускается и знак многоточия, хотя очень редко, напр.:

П/з. Устроиться в больницу медсестрам мешает... старый мост (12.05.16, «Медицинская газета»)

В данном примере подзаголовок несёт информацию, которая раскрывается в последующей публикации. Использование многоточия внутри подзаголовка оправдывается достоверной информацией, хотя и неожиданной по своему содержанию.

Таким образом, заголовок и подзаголовок могут вступать в собственно семантические и структурно-семантические отношения, при этом используют различные пунктуационные средства. Можно говорить, что пунктуация служит в заголовке средством создания экспрессии, чего нельзя сказать о подзаголовке, что объясняется его функциями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

- 1 Лазарева Э. А. Системно-стилистические характеристики газеты. – Екатеринбург, 1993.
- 2 Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1981.
- 3 Валгина Н. С. Актуальные проблемы современной русской пунктуации: Учебное пособие. – М., 2004.
- 4 Брагина А. А. Точка, две и... // Русская речь. 1969, №1. С. 70-75.

УДК 811.161.1

Семенова Людмила Валентиновна
Национальный фармацевтический университет
(Харьков, Украина)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ-ПОЭТА В ЛИРИКЕ Е. ЕВТУШЕНКО

Аннотация. *Статья посвящена исследованию особенностей воплощения образа женщины-поэта в лирике Е. Евтушенко. Анализ ряда поэтических текстов позволяет утверждать, что в творчестве поэта образ женщины-поэта у Евтушенко наделяется особым набором качеств. В его творчестве женщина-поэт – прежде всего женщина, любимая, мать, жена. Для нее характерна особая миссия, ей присуща особая жертвенность, способность думать о других, ее женское начало нацелено на переживание за весь мир. Исследование проблемы, связанной с особенностями изображения женщины-поэта в творчестве Евтушенко показало, что в большинстве случаев он использует существительные мужского рода как выражающие общее понятие о человеке независимо от пола. «Поэт» у Евтушенко – надгендерная категория.*

Ключевые слова: *Е. Евтушенко, женщина-поэт, «шестидесятники», образ женщины, поэзия.*

*Lyudmila Semenova
National University of Pharmacy
(Kharkiv, Ukraine)*

A WOMAN-POET'S IMAGE IN LYRICS OF E. YEVTUSHENKO

Abstract: *The article is devoted to the study of the peculiarities of the embodiment of the image of a woman-poet in the lyrics of E. Yevtushenko. An analysis of a number of poetic texts suggests that in the work of the poet the image of a woman poet is endowed with a special set of qualities. In his work a woman-poet is primarily a woman, mother, wife. It is characterized by a special mission, it is characterized by a special sacrifice, the ability to think about others, its feminine principle is aimed at experiencing for the whole world. The study of the problem associated with the peculiarities of the image of a woman poet in the works of Yevtushenko showed that in most cases he uses masculine nouns as expressing a general concept of a person regardless of gender. "The Poet" is a category out of gender in Yevtushenko's poetry.*

Key words: *Yevgeny Yevtushenko, woman poet, "the Sixtiers", female image, poetry.*

Важное место в творчестве Е. Евтушенко принадлежит теме поэта и поэзии. Ей посвящены такие его произведения, как «Молитва перед поэмой» (1964), «Поэт (Предошущение стиха...)» (1965), «Памяти Есенина» (1965), «Поэзия чадит...» (1966), «Памяти Ахматовой» (1966), «Трамвай поэзии»

(1968), «Не используй свой гений, поэт...» (1969), «“Тихая” поэзия» (1971), «Баллада о дружбе прозы и поэзии» (1972), «Начинающим» (1975), «Восьмилетний поэт» (1983) и др. Разрабатывая эту тему, Евтушенко нередко обращается к такому ее аспекту, как женщина-поэт («Голубь в Сантьяго. Повесть в стихах» (1978); в цикле «Поэты русские»: «Анна Бунина. Анна Первая» (2003), «Каролина Павлова» (2003), «Марина Цветаева. Марина Первая» (Триптих) (1967–2004), «Анна Ахматова. Анна Вторая» (Триптих) (1966–2004), «Анна Баркова. Анна Третья» (2004), «Ольга Берггольц» (2004), «Маргарита Алигер» (Триптих) (1974–2005), «Юлия Друнина. Санитарка Юля» (2004), «Белла Ахмадулина. Белла Первая» (2005) и др.).

Анализ стихотворений этого ряда показывает, что применительно к женщине, пишущей стихи, Евтушенко употребляет как существительное женского рода «поэтесса», так и существительное мужского рода «поэт». Является ли такое употребление синонимическим?

Как и многие поэты-шестидесятники, Евтушенко нередко использовал существительные мужского рода «друг», «поэт» для номинирования лиц женского пола. В свое время В.В. Виноградов отмечал, что «в чисто русских словах, являющихся названиями лиц, т. е. людей, формой мужского рода подчеркивается не столько идея пола, сколько общее представление о лице, отнесение к классу или разряду людей, обозначение социальной роли человека» [1, с. 62] и что «слова мужского рода, относящиеся к категории лица, прежде всего выражают общее понятие о человеке... независимо от пола. Формой мужского рода характеризуется имя человека вообще. Поэтому названия лиц в форме мужского рода могут относиться и к женщинам...» [1, с. 66].

Е. Д. Козлов отмечает, что в соответствии с языковой нормой слову «поэт» «в рамках гендерной пары соответствует женский вариант – “поэтесса”. При этом в русской лингвокультуре существует противопоставление “поэтесса” – “женщина-поэт” <...> нормативным и более регулярным считается употребление мужской лексики “поэт” для номинации лиц как женского, так и мужского пола» [6, с. 151]. Такое положение вещей сложилось исторически. Сферы самореализации мужчин и женщин на протяжении многих столетий были четко разделены и закреплены. Уделом женщины считалось ведение хозяйства и воспитание детей. Социально активная роль отводилась почти исключительно представителям мужского пола. Вполне закономерно, что и в области литературного творчества количество пишущих женщин было весьма невелико и они долго не составляли конкуренции собратьям по перу поэтам-мужчинам.

Конечно, периодически появлялись женщины, которые нарушали сложившиеся стереотипы, но они были явлением исключительным, да и общество не было готово принимать их всерьез. Не удивительно поэтому, что решившая стать писательницей Амандина Аврора Люсиль Дюпен (в замужестве баронесса Дюдеван) надела мужской костюм и в качестве псевдонима взяла мужское имя – Жорж Санд.

Довольно долгое время робкие попытки женщин вступить на литературное поприще не имели большого успеха, и отношение к женскому творчеству оставалось предвзятым.

В XIX веке в России появляется целый ряд женщин-поэтесс, в числе которых Зинаида Волконская, Евдокия Ростопчина, Каролина Павлова, Юлия Жадовская, Надежда Хвоцинская, Ольга Чюмина, Мирра Лохвицкая и другие. В то же время довольно долго сохраняется если не пренебрежительное, то снисходительное отношение к женской поэзии, признание единственно полноценным творчеством мужского.

Отношение к женскому творчеству начинает меняться только в начале XX века, когда в культуре Серебряного века появляется целая плеяда талантливых женщин-поэтов: Анна Ахматова, Марина Цветаева, Зинаида Гиппиус, Аделина Адалис, Наталия Бернар, Елена Анна Боане, Надежда Вольпин, Аделаида Герцык, Елена Гуро, Марина Цветаева и другие. Поэты-мужчины XX века, говоря о женщинах, пишущих стихи, в том случае, «когда затрагивается аспект оценки их творчества», «чаще употребляют форму мужского рода», «противопоставляя понятие “поэт” (как истинный поэт) и “поэтесса” (как слагательница рифм)» [6, с. 156].

Такое разграничение понятий «поэт» – «поэтесса» характерно и для творчества Е. Евтушенко. Сам поэт признавался: «Я никогда не любил слово “поэтесса” и предлагал так называть только жен поэтов. В нем есть нечто неуважительное к тем женщинам, которые пишут стихи, особенно когда – настоящие» [4, с. 191]. С учетом данного высказывания вполне закономерными представляются строки: «Я с ужасом подумал: **поэтесса**. / Я их боюсь – и русских, и чилийских. / Я никогда не знаю, что сказать / созданию совсем другого пола, / слагающему в столбики слова, / где жестяные, словно бигуди, / неловконько накрученные рифмы. / **Поэтов-женщин** единицы в мире, / но прорва этих самых **поэтесс**» («Голубь в Сантьяго. Повесть в стихах») (выделено нами. – Л. С.) [3, с. 315]. Строки эти подтверждают мысль о том, что «поэтесса», с точки зрения Евтушенко, – определение уничижительное, номинирующее рифмоплета женского пола, из-под пера которого выходят «неловконько накрученные рифмы». Е.Д. Козлов обращает внимание, что «за счет соположения лексем “поэтов” (с приложением, указывающим на гендерную принадлежность: “женщин”) – “поэтесс”, образующих антонимическую пару <...> происходит актуализация значений “подлинный поэт” (поэт) и “поэт мнимый” (поэтесса)». А вторая антонимическая пара – «единицы» – «прорва» – «подчеркивает “штучность”, нераспространенность настоящих поэтов среди женщин, пишущих стихи» [6, с. 156].

В стихотворении «Поэт на рынке» (1974), посвященном Маргарите Алигер (существует рукопись стихотворения с дарственной надписью Евгения Евтушенко Маргарите Алигер: «Дорогой Маргарите Иосифовне. Примите это как знак моей любви и уважения к Вам лично и к Вашей поэзии. Женя» [2]) и вошедшем впоследствии в состав триптиха, посвященного поэтессе [4, с. 191–194], существительное «поэт» применительно к Маргарите Алигер повторяется многократно. Обращает на себя внимание рассогласование по грамматическому роду: «За медом на Черемушкинском рынке **поэт стояла** / и банка, вынутая из корзинки, в ее руках невесело сияла. / **Поэт была** худая и седая, И крошечное тело еле цело, / Как будто время, всю ее съедая, внезапно поперхнулось и не съело. <...> **Поэт мне**

рассказала все про дочек. Не плакала. Мне только показалось./ Я предложил машину ей – был дождик. **Поэт подумала и отказалась**» (выделено нами. – Л. С.) [3, с. 83–84]. Евтушенко намеренно использует слово «поэт» (не «поэтесса»!) по отношению к женщине, чтобы подчеркнуть равенство мужской и женской поэзии. Для Евтушенко и мужчина, и женщина – либо поэт, либо не поэт. Это надгендерная категория, обозначающая поэта настоящего. С другой стороны, автор подчеркивает и тот факт, что разговор идет именно о женщине: **поэт стояла; была; рассказала; подумала; отказалась**.

В цикл «Поэты русские» Евтушенко включает раздел «Поэты-женщины» (обратим внимание на использование существительного мужского рода «поэт»!) и посвящает целый ряд стихотворений знаменитым женщинам-поэтам: «Анна Бунина. Анна Первая» (2003), «Марина Цветаева. Марина Первая» (Триптих) (1967–2004), «Анна Ахматова. Анна Вторая» (Триптих) (1966–2004), «Белла Ахмадулина. Белла Первая» (2005) и др. Уже в названиях стихотворений поэт приравнивает этих женщин к русским царицам, тем самым высоко оценивая их значение в русской поэзии и их лирический дар.

В стихотворении «Анна Бунина. Анна Первая» (2003) Евгений Евтушенко упоминает многих известных женщин-поэтов, отводя место «родоначальницы» поэтессе конца XVIII – начала XIX века Анне Буниной, которую он называет «прабабкой» всех русских женщин-поэтов: «и Анны, и Марины, / Одоевцевой и Раисы Блох <...> И, Беллы Ахмадулиной прапра...» [4, с. 165]. Поэт полагает, что именно она как первая в этом ряду является их небесной заступницей, что она «на коленях настоялась / за них за всех», что именно она – «не Бог их спас» [там же].

Говоря о женщинах-поэтах Евтушенко подчеркивает в первую очередь их «женскость», не женственность, а именно женское начало, которое проявляет себя в переживаниях за весь мир, особенно за детей, потому что для Евтушенко женщина (даже поэт) – это, прежде всего, женщина – любимая, мать, жена, которой присуща особая жертвенность и «*постоянность достоинства*»: «*Есть в женщинах-поэтах постоянность достоинства, в отличие от нас*» (поэтов-мужчин. – Л. С.) [4, с. 166].

В стихотворении «Марина Цветаева. Марина Первая» (Триптих) (1967–2004) Евтушенко создает образ Марины Цветаевой – поэта, женщины и матери, «с мужской хваткой правдолюба», с «пророческими губами» [4, с. 180]. Говоря о Цветаевой, Евтушенко обращается к ее художественному миру, используя для этого и прямое цитирование: «*И если на дороге куст / встает, особенно рябина...*» (у Цветаевой: «*...Но если по дороге – куст / Встает, особенно – рябина...*»), и аллюзию: «*А рядом с клдбища глядят глаза Цветаевой Марины, / как будто бы на тех солдат, кого спасти она молила. / Глаза, измученно-сухи, с печалью, сдержанно-высокой, прощают, что ее стихи едва ли знает каждый сотый*» [4, с. 179]. Вполне понятно, что в последнем случае речь идет о цикле Цветаевой «Лебединый стан» (1918–1922), посвященном трагедии белой гвардии, проникнутым сочувствием к белому движению, героизирующим его.

В третьем стихотворении триптиха «Цветаева Берии пишет письмо» Евтушенко обращается к страшным страницам биографии Цветаевой,

связанным с возвращением ее и ее близких в Советский Союз. Сергея Эфрона, используя аллюзию к «Лебединому стану» Цветаевой, поэт называет «добровольческий лебедь седой» и, метафорически характеризуя его трагедию, пишет: «На веники крылья сломали твои, Белой гвардии лебедь. / Любимая дочь на тебя показанья под пытками лепит» [4, с. 182]. Евтушенко обращает внимание на то, что сталинские репрессии, олицетворением которых становится в стихотворении Берия, – общее, всенародное горе: «В невзрачной барачной России тесно, / и в избах, и даже в Кремле – коммуналка. / Все слиплись друг с другом. На это и крови не жалко... [там же]. Цветаева же выступает символом непокорности власти и бесстрашия женщины-поэта: «...и мрачная, будто на гуще народа гадалка, Цветаева Берии пишет письмо. <...> оттуда, из ада вербовок и тюрем / брезгливо Цветаева Берии пишет письмо» [там же].

В стихотворении «Анна Вторая» (более раннее название «Памяти Ахматовой») (1966) Евтушенко восхищается высоким талантом Анны Андреевны и, определяя ее место в русской поэзии, сопоставляет значимость ее творчества со значимостью творчества «солнца русской поэзии» Пушкина: «если Пушкин – солнце, / то она в поэзии пребудет белой ночью» [4, с. 183]. Здесь можно увидеть и разницу между поэтами и эпохами (день (мужское начало) – ночь (женское начало)), и соединение различных времен, и внутреннее единство русской поэтической традиции, фундаментом и основой которой является Пушкин. Подчеркивая принципиальное отличие женской поэзии от мужской, Евтушенко отмечает, что «легкое для Пушкина перо, / с усмешкой пальцы женские ломало» [4, с. 186].

По мнению Евтушенко, «Ахматова двухвременной была» [4, с. 183]. Не случайно ключевыми приемами в данном стихотворении становятся антитеза и параллелизм. Причем противопоставление различных элементов только подчеркивает их внутреннее единство. «Двувременность» Ахматовой олицетворяют два названия одного и того же города, относящиеся к разным эпохам, – «Петербург» и «Ленинград». Эти эпохи соединились в судьбе Ахматовой, они же встречаются и у ее гроба, где она «лежала между будущим и прошлым»: «И прошлое у гроба тихо шло» – изменившиеся, ставшие седыми красавицы «той, когдашней России», и «будущее, слабое в плечах» – представители нового поколения – мальчики и девочки. Но это новое поколение несет в себе память прошлого: мальчики, напоминающие гимназистов прежней эпохи, они «с пожаром гимназическим в очах», а девочки – те же «наивные российские курсистки» [4, с. 184]. Это приводит автора к мысли, что «...просто быть не может двух Россией, / как быть и двух Ахматовых не может» [там же]. Эта мысль становится основой дальнейших рассуждений поэта, его спора с самим собой: «а может быть, а вдруг, / но все же существуют две России – / Россия духа и Россия рук – / две разные страны, совсем чужие?!» [4, с. 185].

Отталкиваясь от этой мысли, Евтушенко использует и другой женский образ: «Ну, а в другом гробу, невдалеке, / как будто рядом с Библией частушка, / лежала в белом простеньком платке / ахматовского возраста старушка» [4, с. 184]. В данном случае поэт прибегает к антитезе, превращая в контекстуальные антонимы слова «Библия» и «частушка» («как будто

рядом с *Библией частушка*) и Ахматова – «ахматовского возраста старушка». (Отметим также в данном контексте не только «двувременность» Ахматовой, но и ее «вневременность» и неприменимость к ней как личности и поэту привычного для ее возраста понятия «старушка». К слову, в стихотворении «Вторая жизнь» (1971), в котором Евтушенко утверждает мысль о том, что искусство позволяет победить смерть и «*поэты молодеют умирая*», наряду с творцами-мужчинами, упоминается единственная женщина – Ахматова.) Можно говорить и об использовании в этом фрагменте стихотворения «Памяти Ахматовой» параллелизма: Ахматова – Библия; «ахматовского возраста старушка» – частушка. Каждая из этих женщин является воплощением определенного начала России – «*России духа*» и «*России рук*».

Полемизируя сам с собою, поэт к концу стихотворения уже не столько противопоставляет, сколько сопоставляет образы двух этих разных женщин, каждая из которых в полной мере выполнила свою земную миссию: Ахматова – «*царица без короны и жезла <...> была ... прощающее ясна, / как та старушка в тех дареных туфлях*», и старушка «*с ахматовским величием на лбу*» (выделено нами. – Л. С.). Не случайно завершается стихотворение утверждением единства этих двух женщин, и этих «двух Россией»: «*и между ними не было границы*» [4, с. 186]. Таким образом, «аристократка» Ахматова, сознающая «*свой духовный сан*», становится у Евтушенко воплощением духа не только своей страны, но и своего народа. Эта мысль получает завершённое воплощение в последнем стихотворении триптиха «Окна Ахматовой» (2004): «*Она никогда ничего не просила / и своего не имела угла, / но оказалась она – Россия...*» [4, с. 187].

В рамках нашего исследования особый интерес представляет стихотворение «Белла Ахмадулина. Белла Первая» (2005), посвященное женщине-поэту, которая была женой Евгения Евтушенко и с которой его «*история не развела*», т.к. «*в поэзии нету развода*» [5, с. 198]. Восхищаясь ее внешностью, характером и талантом, автор использует яркие сравнения: «*Ты раскосым нездешним бельчонком / пробежала по всем проводам, / то подобна хипповым девчонкам, / то роскошнее царственных дам*» [там же], «*...выпускала ты голос, / будто спрятанного соловья...*» [4, с. 199]. Характеризуя ее неповторимый образ, поэт использует слова как женского («*дива*», «*модница*», «*артистка*»), так и мужского рода («*рыцарь*», «*угощатель*», «*мой тайный несчастный герой*»). Такое словоупотребление не является случайным, оно выполняет роль маркера интертекстуальности. В стихотворении «Взойти на сцену» (1973), «...характеризуя свои социальные функции, Б. Ахмадулина использует для их названия женские варианты – *плясунья, артистка* и только в одном случае, когда речь идет о литературном творчестве, – граммему мужского рода – *поэт*, особенно отчетливо выделяющуюся благодаря созданию параллельных конструкций» [6, с. 160]. Евтушенко подчеркивает способность Ахмадулиной рисковать и переживать, думать о других: «*...никогда не боялась ты риска, а боялась всегда за других*» [4, с. 199]. В конце стихотворения поэт-мужчина воспекает яркую индивидуальность, женщину-поэта, которой нет и не будет равных во всей русской поэзии: «*Белла Первая музы российской, / и не будет нам Беллы*

Второй» [там же].

В поздних произведениях, например, в стихотворении «В университетском киноклассе» (2014) Евтушенко использует лексику «поэтесса» в ее номинальном, нейтральном значении, как именование поэта женского пола: «*Вот что написала поэтесса / и представьте, что из США: / «Думала над фильм “Unfinished пьеса”. / У меня теперь другой душа...*» [5]. Правда, данный контекст не предполагает оценочности. Там же, где такая оценочность предполагается, Евтушенко по-прежнему для именованного настоящего поэта (независимо от пола!) использует существительное мужского рода «поэт». Так, в интервью 2015 года на вопрос журналиста: «*Кто, на ваш взгляд, самый интересный молодой российский поэт?*» Евтушенко ответил: «*Из поколения тридцатилетних лучшая, мне кажется, Вера Полозкова. <...> Вера Полозкова ... очень талантлива и как поэт, и как чтец*» [7]. Когда же оценочность не предполагается, в качестве именованного поэта женского пола Евтушенко использует лексику «поэтесса» как синонимичное именование поэта женского пола: «*Я написал поэтессе Вере Павловой заклинание, чтобы она перестала ругаться матом!*» [там же].

Итак, Евтушенко активно обращается к изображению женщины в поэзии. Исследование проблемы, связанной с особенностями изображения женщины-поэта в творчестве Евтушенко показало, что в большинстве случаев он использует существительные мужского рода как выражающие общее понятие о человеке независимо от пола. Существительное мужского рода «поэт» используется для называния настоящего поэта, независимо от половой принадлежности (для именованной женщины в поэзии в том случае, когда затрагивается аспект оценки ее творчества, отождествляя серьезное поэтическое творчество женщины с мужским видом деятельности). «Поэт» у Евтушенко – надгендерная категория, обозначающая поэта настоящего, в то время как лексема «поэтесса» отображает понятие «мнимый поэт», рифмоплет женского пола. В то же время в поздних произведениях Е. Евтушенко в отдельных случаях для именованного поэта женского пола (если контекст не предполагает оценочности) использует лексику «поэтесса» в ее номинальном, нейтральном значении.

Образ женщины-поэта у Евтушенко наделяется особым набором качеств. В его творчестве женщина (даже женщина-поэт!) – прежде всего женщина, любимая, мать, жена. Для нее характерна особая миссия, ей присуща особая жертвенность, способность думать о других, ее женское начало нацелено на переживание за весь мир, за всех людей (особенно за детей). Восхищаясь талантом знаменитых женщин-поэтов, высоко оценивая их значение в русской поэзии и их лирический дар, в названиях стихотворений и стихотворных циклов зрелого периода Евтушенко приравнивает их к русским царицам, порой подчеркивает их преимущество даже над поэтами-мужчинами.

Перспективу исследования мы видим в анализе женских образов-символов в лирике Е. Евтушенко.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М. Высшая школа, 1986. 640 с.
2. Евтушенко Е.А. [автограф]. Поэт на рынке. 1974 // Антиквариум. URL: <http://anticvarium.ru/lot/show/15206> (дата обращения: 21.01.2019).
3. Евтушенко Е. А. Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3: Стихотворения и поэмы 1973–1983. М.: Художественная литература, 1984. 543 с.
4. Евтушенко Е. А. Стихи XXI века. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 352 с.
5. Евгений Евтушенко: Я написал в больнице стихи. Читал – врачи плакали... URL: <http://www.evtushenko.net/evgenij-evtushenko-ya-napisal-v-bolnice-stixi-chital-vrachi-plakali> (дата обращения: 11.03.2019).
6. Козлов Е. Д. Поэтическая морфология идиостиля Б. Ахмадулиной и Ю. Мориц: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02. – русский язык. Харьков, 2016. 228 с.
7. «Я учу взаимной любви»: одно из последних интервью Евгения Евтушенко // Мослента 3 апреля 2017. URL: <https://weekend.rambler.ru/read/38912110-ya-uchu-vzaimnoy-lyubvi-odno-iz-poslednih-intervyu-evgeniya-evtushenko/> (дата обращения: 21.01.2019).

POLISH SCIENCE JOURNAL

Executive Editor-in-Chief: PhD Oleh M. Vodiany

ISSUE 4(13)
Part 3

Founder: “iScience” Sp. z o. o.,
NIP 5272815428

Subscribe to print 26/04/2019. Format 60×90/16.
Edition of 100 copies.

Printed by “iScience” Sp. z o. o.
Warsaw, Poland
08-444, str. Grzybowska, 87
info@sciencecentrum.pl, <https://sciencecentrum.pl>

ISBN 978-83-949403-3-1

9 788394 940331